МБ
К56

Проф. М. М. Ковалевскій

ОБЩЕЕ УЧЕНІЕ О ГОСУДАРСТВѢ

КАССА ВЗАИМОПОМОЩИ
СТУДЕНТОВЪ
Спб. Политехническаго
Института.

КНИЖНЫЙ МАГАЗИНЪ
В.А.ЛЕБЕДЕВА
С.П.Б. ЛИТЕЙНЫЙ ПР. Д. 21
ПРОТИВЪ СОВР. АРМІИ И ФЛОТА
ТЕЛ. 65-81

ГМБ
К56

Изданіе Кассы Взаимопомощи Студентовъ С.П.Б. Политехническаго Института.

342

ОБЩЕЕ УЧЕНІЕ О ГОСУДАРСТВѢ.

Лекціи проф. М. М. Ковалевскаго,
читанныя на 3 и 4-омъ семестрѣ Экономическаго отд.
СПБ. Политехнич. Инст. въ 1908-9 г.

БИБЛИОТЕКА
ИНСТИТУТ. КРАСН. ПРОФЕССУРЫ
№ 135029
/40

С.-Петербургъ

Типо-Литографія И. Трофимова, Можайская ул., д. № 3.

1909.

ОБЩЕЕ УЧЕНІЕ О ГОСУДАРСТВѢ.

Лекціи проф. М.М.КОВАЛЕВСКАГО,
читанныя на 3 и 4-омъ семестрѣ въ 1908/9г.

Изданіе Кассы Взаимопомощи
при СПБ. Политехническомъ Институтѣ.

Литографія Трофимова. Можайская 3.

1 Билетъ

Глава 1.

Опредѣленіе государства.

1.

Вопросъ съ котораго обыкновенно начинаютъ изученіе государственнаго права есть вопросъ о томъ, что такое государство. Такъ какъ общественный союзъ, называющійся государствомъ, существуетъ давно, то и вопросъ этотъ ставился уже въ глубокой древности; хотя нужно сознаться, что и въ настоящее время вопросъ объ опредѣленіи государства принадлежитъ къ числу наиболѣе спорныхъ въ наукѣ государственнаго права. Послѣднее представляется въ значительной степени печальнымъ, и только нѣкоторымъ утѣшеніемъ можетъ служить мысль о томъ, что и въ другихъ, болѣе точныхъ наукахъ, чѣмъ науки общественныя, въ естествознаніи существуютъ вопросы не менѣе спорные, чѣмъ и вопросъ о томъ что такое государство.

Является ли государство союзомъ большаго или меньшаго множества людей, объединенныхъ общностью власти и права, или оно представляетъ ни что иное, какъ форму владычества правящаго класса съ единоличнымъ или многоголовымъ руководительствомъ, класса, признающаго свои себялюбивыя велѣнія за законы или общеобязательныя нормы для подвластныхъ, вопросъ этотъ доселѣ раздѣляющій писателей по государственному праву и политикѣ, быть можетъ впервые былъ поставленъ въ литературѣ въ сочиненіи Платона „О республикѣ"*) Пререкаясь съ Сократомъ софистъ Тразимахъ даетъ справедливости слѣдующее опредѣленіе: „Справедливость, говоритъ онъ, польза сильнѣйшаго." Поясняя свою мысль, Тразимахъ заявляетъ далѣе: „ При единоличномъ правленіи, какъ при народномъ или дворянскомъ, иначе говоря, равно въ монархіи, демократіи и аристократіи, правящему элементу пренадлежитъ сила. Онъ пользуется ею для того чтобы издавать законы, отвѣчающіе его выгодѣ. Вотъ почему, когда правитъ народъ, мы имѣемъ демократическіе законы, а единоличный правитель даетъ народу законы монархическіе. То, что отвѣчаетъ ихъ выгодѣ, властители называютъ правомъ, которому подчиненные должны повиноваться. Нарушители этихъ обязательныхъ

---

*) См. П л а т о н ъ. О республикѣ или справедливости, кн.1.

норм,они подвергаютъ наказаніямъ.Изъ всего сказаннаго,пріятель, говоритъ Тразимахъ въ своемъ обращеніи къ Сократу,ты можешь заключить,что всѣ государства связываютъ со справеливостью одинаковыя понятія - пользу или выгоду тѣхъ,въ чьихъ рукахъ находится государственная власть.

Это ученіе Сократъ и пытается разбить,пользуясь при этомъ характернымъ для него діалектическимъ пріемомъ.Платонъ заставляетъ Тразимаха,скрѣпя сердце согласиться съ выводами Сократа,признать,что правитель имѣетъ въ виду при изданіи приказа не свою пользу,а пользу управляемыхъ.Къ этой пользѣ направлено все,что онъ говоритъ и дѣлаетъ.Такимъ образомъ,если по Тразимаху государство есть организація властвованія,организація власти,пользуясь которой государство издаетъ законы,выгодные для правящихъ и обязательные,какъ бы они не расходились съ интересами подданныхъ,для этихъ послѣднихъ,то у Сократа государственная власть осуществляется правительствомъ именно въ интересахъ подданныхъ.

Обращаясь къ аналогіямъ съ медициной и архитектурой,Сократъ старается доказать,что правители подобно медикамъ или строителямъ имѣютъ въ виду пользу своихъ кліентовъ.Никакое правительство,полагаетъ Сократъ,не можетъ обойтись безъ заботы объ управляемыхъ.Въ своихъ мѣропріятіяхъ оно имѣетъ въ виду пользу не сильныхъ,а слабыхъ.Такъ какъ правящіе не служатъ своей выгодѣ,то не мудрено,если дворяне, какъ утверждаетъ устами Сократа Платонъ,не прочь устранить себя отъ власти,такъ что приходится принуждать ихъ страхомъ наказанія къ занятію связанныхъ съ властью должностей.Они соглашаются принять на себя функціи правителей не потому,что ждутъ отъ этого себѣ выгоды или удовольствія,а только потому,что не видятъ людей,равныхъ имъ,а тѣмъ болѣе лучшихъ,способныхъ осуществить эту власть къ общей пользѣ.

Такимъ образомъ,еще въ IV столѣтіи до Р.Хр. (Платонъ жилъ между 427 - 347 годомъ до Р.Хр.) были формулированы основныя положенія двухъ взаимно исключающихъ и все еще не восторжествовавшихъ другъ надъ другомъ доктринъ, тѣсно связанныхъ съ вопросомъ о природѣ государства и права и ихъ взаимоотношеніяхъ.

Если отъ этого древнѣйшаго,можно сказать, выраженія по природѣ своей непримиримыхъ ученій, мы обратимся къ новѣйшимъ ихъ формулировкамъ, то мы найдемъ у такихъ писателей, какъ напримѣръ, Гумпловичъ или Дюги, точку зрѣнія, во многихъ близкую къ той, за высказываніе которой такъ сильно достается Тразимаху

отъ Сократа.

Для Гумпловича не возникаетъ сомнѣнія въ томъ, что государство для своего зарожденія нуждается въ побѣдѣ и подчиненіи одной расой или національностью другой. Историческимъ экскурсомъ не трудно доказать, что не только англійское государство, возникшее путемъ завоеванія сперва саксами бриттовъ, а затѣмъ норманднами саксовъ, возникаетъ благодаря покоренію одной общественной группы другой. Но изъ новѣйшей исторіи можно привести одинъ примѣръ, опровергающій взглядъ Гумпловича на происхожденіе государства. Наши предки, по свидѣтельству древняго лѣтописца, тысячу лѣтъ тому назадъ рѣшились призвать иноземцевъ и вручить имъ бразды правленія, руководствуясь тѣмъ, что „земля наша велика и обильна, а порядка въ ней нѣтъ". Но это свидѣтельство оспаривалось, и вообще въ исторіи это единственный примѣръ столкновенія двухъ расъ безъ всякаго насилія и организаціи государственной власти въ интересахъ подчиненныхъ. Людей, положившихъ начало англійскому государству, были незначительныя кучки въ нѣсколько тысячъ человѣкъ, а завоеванныхъ около сотни тысячъ; завоеватели устанавливаютъ вполнѣ опредѣленный порядокъ въ странѣ подтверждая такимъ образомъ мысль Тразимаха. Они оставили земли у туземнаго населенія объявивъ себя лордами, заставили работать его на себя и издали законы, по которымъ за убійство англосаксомъ нормандца полагалось значительно большее наказаніе, чѣмъ за убійство нормандцемъ англосакса. Если сопоставить мнѣніе Гумпловича о возникновеніи государства съ образованіемъ такихъ государствъ, какъ Вавилонія, Ассирія, Іудея, Англія и т.д. и т. д., то есть основаніе считать, что мнѣніе Гумпловича правильно и что, слѣдовательно, государства возникаютъ путемъ подчиненія одной расой или національностью другой, причемъ покорители заводятъ въ завоеванной странѣ порядки обезпечивающіе ихъ интересы.

Этотъ свой взглядъ Гумпловичъ развилъ въ извѣстномъ сочиненіи „Rassenkampf" (борьба расъ), переведенномъ на большинство европейскихъ языковъ, а также въ „Соціологіи и политикѣ" и курсахъ австрійскаго и общаго государственнаго права. Гумпловичъ - полякъ и житель Австріи, населеніе которой распадается на значительное число національностей, между которыми издавна ведется ожесточенная и упорная борьба. Вотъ почему во всѣхъ сочиненіяхъ Гумпловича красной нитью

проходитъ вышеуказанная идея.

Гумпловичу можно возразить - и это возраженіе является по существу чрезвычайно серьезнымъ -, что въ современной государственной и общественной жизни имѣетъ мѣсто главнымъ образомъ и по преимуществу классовая борьба рабочихъ и капиталистовъ, и эту борьбу ни въ коемъ случаѣ нельзя считать расовой. Независимо отъ національнаго состава даннаго государства, въ немъ происходитъ экономическая борьба, борьба экономическихъ классовъ съ рѣзко враждебными интересами, которая накладываетъ яркую печать на весь политическій строй. Профессоръ Гумпловичъ, однако, не считаетъ послѣдняго обстоятельства опровергающимъ его теорію. Онъ думаетъ, что и классовая борьба возникаетъ на почвѣ борьбы расъ, такъ какъ побѣдители образуютъ въ покоренномъ государствѣ аристократію, а коренное населеніе страны - низшіе классы.

Другіе ученые, какъ напримѣръ баденскій статистикъ Аммонъ *) идетъ въ этомъ отношеніи еще дальше и доказываетъ, что расовыя различія отдѣльныхъ общественныхъ классовъ проявляются въ строеніи черепа: представители высшихъ классовъ обладаютъ черепомъ, продольный діаметръ котораго длиннѣе, чѣмъ поперечный, это-длинноголовые или долихоцефалы, а низшіе классы относятся къ категоріи брахоцефаловъ или круглоголовыхъ. Такъ англійскіе аристократы это - долихоцефалы, а низшіе классы Англіи - брахоцефалы: нѣмецкая нація это-долихоцефалы, а менѣе развитые славяне брахоцефалы. Долихоцефалы по мнѣнію Аммона имѣютъ право на руководящую роль въ государственной жизни, но брахоцефалы, къ великому сожалѣнію Аммона, хотя и отличаются меньшимъ воображеніемъ, склонны къ большему упорству.

Современные антропологи считаютъ, что мнѣніе Гумпловича и тѣмъ болѣе теорія Аммона не имѣютъ никакого научнаго основанія. Можно ли говорить въ настоящее время о чистыхъ расахъ? Несомнѣнно нѣтъ. Тѣ три вѣтви, о которыхъ упоминается въ библіи, потомки Сима, Хама и Іафета перемѣшались между собой, такъ что съ большой долей вѣроятности можно утверждать, что, напримѣръ въ населеніи Аппенинскаго полуострова имѣется значительная примѣсь племени Хама **). Одинъ извѣстный атропологъ

---

*) А м м о н ъ. Die geselschaftliche Ordnung und ihre natürlichen Grundlagen 1900.

**) См. изслѣд. изв. римскаго антрополога Серджи объ африканскомъ элементѣ въ составѣ итальянскаго населенія.

Серджи доказываетъ, что у итальянцевъ наблюдается много чертъ черной расы. А если такъ, если нельзя говорить о чистыхъ расахъ, то вполнѣ понятно, что это понятіе нельзя класть въ основу изученія государственнаго права.

Буквальное опредѣленіе государства, даваемое грацкимъ проф. Гумпловичемъ таково: государство - естственно развивающаяся организація господства, съ помощью или при посредствѣ поддержанія господствующими извѣстнаго правового порядка, очевидно отвѣчающаго цѣли сохраненія этого господства. Но въ этомъ опредѣленіи особенно не ясно понятіе, „ естественное развитіе ". Что такое это естественное развитіе? Что было естественнаго въ томъ, что Наполеонъ былъ разбитъ при Ватерлоо? Что было бы, если бы армія Наполеона не попала въ о в р а г ъ ? Гумпловичъ указываетъ, что государство позволяетъ господствующимъ организовать правовой порядокъ, отвѣчающій ихъ цѣлямъ. Такія же положенія высказываетъ и софистъ. Тразимахъ, полагающій, что государство есть организація господства, а право средство поддержанія этого господства. Между Гумпловичемъ и Тразимахомъ замѣчается полное сходство.

Если теперь мы перейдемъ отъ австрійскаго публициста къ автору послѣдняго трактата объ общемъ государственномъ и конституціонномъ правѣ, къ бордовскому профессору Дюги, то увидимъ, что сходныя положенія высказываются и имъ. Свой взглядъ на государство Дюги излагаетъ въ „Государство и Общество" (1900 г. и въ первой главѣ „Конституціоннаго права" (1907г.). Кромѣ того Дюги популяризовалъ его въ школѣ государственныхъ наукъ въ Парижѣ въ присутствіи ученыхъ, литераторовъ и политиковъ.

Что же онъ намъ говоритъ о природѣ государства? „Мы доказали, пишетъ въ предисловіи къ русскому изданію своей новой книги самъ Дюги, что въ дѣйствительности государство - ничто иное, какъ результатъ дифференціаціи слабыхъ и сильныхъ". Опредѣленіе, которое бордовскій профессоръ даетъ, поэтому, государству, гласитъ: "Для насъ государство-это человѣкъ или группа людей, которые въ обществѣ матеріально сильнѣе другихъ". Въ самомъ текстѣ книги на стр. 25 Дюги говоритъ: государство- это всякое человѣческое общество, въ которомъ существуетъ политическая дифференціація между правящими и

управляемыми, однимъ словомъ, политическая власть. Лица, дающія приказы, продолжаетъ онъ, являются управителями. Лицамъ, которымъ они приказываютъ, являются управляемыми. Такимъ образомъ и для Дюги государство - союзъ правящихъ и подвластныхъ. Его точка зрѣнія тѣмъ отличается отъ точки зрѣнія Гумпловича, что онъ не считаетъ права продуктомъ государства, а явленіемъ, развившимся изъ факта человѣческой солидарности ипроводимымъ въ жизнь политической властью, которая настолько правомѣрна, насколько признаетъ обязательнымъ для себя это независимо отъ нея возникшее право. Въ предисловіи къ русскому изданію Дюги формулируетъ свою точку зрѣнія, говоря: „Мысль основная, руководящая нами при всѣхъ нашихъ изслѣдованіяхъ по публичному праву это та, что всякій, кто обладаетъ политической властью будетъ ли то отдѣльный человѣкъ, классъ или численное большинство жителей страны, обладаетъ ею фактически, а не по праву, и дѣйствія, которыя онъ производитъ, приказы, которые онъ отдаетъ, законны и обязательны для подвластныхъ только въ томъ случаѣ, если они соотвѣтствуютъ верховной нормѣ права, равно обязательной для правящихъ и управляемыхъ. Каково основаніе самой этой нормы права? Мы попытались найти его въ общественной солидарности. Для насъ норма права, обязательная для всѣхъ и въ частности для правителей заключается въ томъ, чтобы отдавать силу, которой онъ располагаетъ, на служеніе общественной солидарности, т.е. не только не дѣлать ничего, что противорѣчитъ этой солидарности, но и еще дѣлать все, что находится въ ихъ власти, для ея увеличенія и развитія." При такомъ отношеніи государства къ нормѣ права Дюги считаетъ возможнымъ признать его силой, отданной на служеніе праву.

Какъ ни отлична отъ только что изложенныхъ мною ученій соціалистическая доктрина о государствѣ какъ о политическомъ владычествѣ господствующаго экономическаго класса, но и эта доктрина, очевидно, сходится съ предыдущими въ томъ, что пріурочиваетъ государство къ понятію союза правящихъ и подвластныхъ. Она даже въ большей степени, чѣмъ точка зрѣнія Дюги, приближается къ той, какую Платонъ приписываетъ софисту Трразимаху, такъ какъ признаетъ законъ или положительное право приказамъ экономически господствующаго и потому правящаго класса. Для соціалистовъ законъ - приказъ болѣе сильнаго менѣе сильному, положеніе которое можно встрѣтить и въ практикѣ далеко

не сочувствующаго соціализму англійскаго судьи Стивена. Если мы зададимся вопросомъ, въ какой мѣрѣ нова эта доктрина, то упоминаніе о ней въ трактатѣ Платона способно породить сомнѣніе въ томъ, чтобы въ ней мы имѣли дѣло съ послѣднимъ продуктомъ политическаго мышленія.

И у сторонниковъ неограниченнаго образа правленія какимъ, напр., является Гоббсъ, мы въ сущности находимъ то же ученіе. Государство возникающее путемъ добровольнаго отказа входящихъ въ составъ его лицъ отъ всякой свободы самоопредѣленія и перенесенія всѣхъ своихъ правъ на одного человѣка, на властителя - монарха, отъ котораго по ученію Гоббса, одного зависитъ опредѣлить отнынѣ, что - право, и что неправо, развѣ это не сведеніе государства къ тому же союзу правящаго и управляемыхъ, или иначе, къ организаціи властвованія, какимъ оно является въ одинаковой мѣрѣ въ глазахъ всѣхъ разсмотрѣнныхъ нами школъ и писателей? А если прибавить, что современникъ Гоббса Гарингтонъ въ своей „Океанѣ" считалъ источникомъ политической власти государства, гдѣ единоличнаго правителя, гдѣ дворянство, а гдѣ и весь народъ, также самый порядокъ распредѣленія собственности и, въ частности порядокъ распредѣленія важнѣйшаго въ то время орудія производства - земли, то намъ не мудрено будетъ прійти къ тому заключенію, что то обоснованіе, какое ученіе о государствѣ, какъ о союзѣ правящихъ и подвластныхъ находитъ въ доктринѣ экономическаго матеріализма, далеко не было чуждо ему и въ половинѣ XVII столѣтія, когда впервые появился трактатъ Гарингтона.

Приступивъ къ отдѣлу на вопросъ: что такое государство - я выше уже показалъ Вамъ, что на этотъ счетъ имѣются отвѣты самаго противоположнаго характера, что споръ, начавшійся за нѣсколько вѣковъ до Рождества Христова, продолжается и по настоящее время; я указалъ Вамъ, что уже въ сочиненіи Платона „Государство" выступаетъ этотъ споръ и что во взглядахъ Тразимаха можно видѣть первое выраженіе того возрѣнія, которое смотритъ на государство, какъ на организацію властвованія; показалъ далѣе, проходя черезъ разные періоды средней и новой исторіи, что нѣкоторые мыслители этихъ эпохъ высказываютъ ту же мысль, что и Тразимахъ; что и соціалистическая доктрина не прочь видѣть въ государствѣ организацію властвованія, но властвованія экономически господ-

ствующаго класса. Любопытно поэтому, видѣть, что и современные консерваторы высказываются въ этомъ же смыслѣ. Ихъ нападки на то, что соціалисты не признаютъ въ государствѣ ничего, кромѣ организаціи власти, т.е. принужденія, - потому и не обоснованы, что точно такое же ученіе высказываютъ и такіе консерваторы, какъ Зейдель, - авторъ хорошаго трактата по государственному праву Баваріи и трактата по общему государственному праву, какъ Борнгакъ и др. Зейдель на стр. 13-ой своего „Общаго государственнаго права" говоритъ: у государства не существуетъ отличной отъ властителя личности. Тотъ, кто по собственному, а не производному праву осуществляетъ государственную власть и есть само государство". Слѣдовательно для Зейделя Германское государство это - германскій императоръ, Австрійская монархія тождественна съ австрійскимъ императоромъ. Воззрѣніе на государство, какъ на организацію властвованія, принимаетъ у Зейделя форму отождествленія государства съ личностью властителя. Всего далѣе, въ этомъ направленіи пошелъ въ 20-хъ годахъ прошлаго столѣтія нѣмецкій публицистъ Людвигъ Галлеръ, главнымъ образомъ, въ своемъ сочиненіи „Возрожденіе государственныхъ наукъ" (Restauration der Staats wissenschaften). Нѣмцы полагали, что государственныя науки первой части XIX вѣка пришли въ упадокъ благодаря французскому вліянію, въ частности благодаря французской революціи и Наполеоновскому режиму, явившемуся во многихъ отношеніяхъ продолженіемъ великой революціи. Согласно съ этимъ, когда наступила реакція, они стали утверждать, что политическая реставрація принесла съ собой и возрожденіе государственныхъ наукъ. И нѣмцы во главѣ съ Л. Галлеромъ признали то положеніе, что государь даже во времени, предшествуетъ государству, и самъ народъ есть, какъ выражается Галлеръ, созданіе государя. Въ наши дни вышеупомянутый Зейдель не менѣе рѣзко отождествляетъ государство съ властвованіемъ. „Государство не имѣетъ своей воли, говоритъ онъ, а надъ государствомъ царитъ воля властителя и подчиненіе ей даетъ и землѣ и людямъ природу государства". „Ихъ территорію и людей называютъ государствомъ тогда, когда они находятся подъ чьимъ либо властвованіемъ". Точно такъ же какъ вещь признается собственностью, когда у нея есть господинъ". Эта теорія въ сущности не рѣзко отличается отъ взглядовъ Тризимаха. Зейдель признаетъ

свое опредѣленіе научнымъ, очень враждуетъ противъ тѣхъ писателей, которые держатся другихъ точекъ зрѣнія и называютъ ихъ точки зрѣнія не научными. „Не научно разсуждаютъ тѣ, которые думаютъ, что у государства есть своя воля помимо воли властителя. Государство и властитель - это тождество". Далѣе итти некуда.

Итакъ, не смотря на чрезвычайное различіе политическихъ точекъ зрѣнія и общественныхъ ученій отдѣльныхъ мыслителей разныхъ народовъ и времени, теорія или опредѣленіе государства, какъ союза властвующихъ и подвластныхъ, какъ организація властвованія, имѣетъ мѣсто и значеніе на протяженіи многихъ столѣтій начиная съ 4-го вѣка до Рождества Христова вплоть до нашихъ дней. Такъ что прогресса въ томъ смыслѣ, чтобы всѣ сошлись въ пониманіи природы государства нѣтъ. По основному вопросу всѣхъ политическихъ наукъ: что такое государство, - господствуетъ полное разногласіе.

Переходимъ теперь къ другимъ способамъ пониманія государства.

Если отрѣшиться отъ точки зрѣнія тѣхъ писателей, которые видятъ въ государствѣ только организацію властвованія, то можно будетъ сказать, что всѣ прочія доктрины, какъ бы онѣ не были различны между собой, сходятся въ томъ, что не считаютъ возможнымъ сводить государство къ одной организаціи политической власти. При опредѣленіи государства они принимаютъ въ равной мѣрѣ во вниманіе и властвующихъ и подвластныхъ, при чемъ одни объявляютъ, что „государство есть соціальный организмъ", а нѣкоторые изъ приверженцевъ органической теоріи государства называютъ государство не просто организмомъ, а „суперъ-организмомъ"; другіе писатели видятъ въ государствѣ „осуществленіе нравственнаго закона", третьи, - болѣе скромные, опредѣляютъ государство какъ „форму общежительнаго союза" и, наконецъ, четвертую категорію составляютъ писатели, изъ которыхъ одни видятъ въ государствѣ субъектъ властвованія, другіе - его объектъ, а третьи - просто юридическое отношеніе.

Къ этимъ главнѣйшимъ группамъ сводится классификація опредѣленія государства, даваемая въ частности Іеллинекомъ въ его трактатѣ „Общее ученіе о государствѣ". Іеллинекъ, повидимому, не прочь думать, что къ одному, изъ только что указанныхъ 4-хъ пониманій природы государства могутъ быть сведены всѣ разнообразныя опредѣленія государства, какія только давались на всемъ протяженіи исторіи политическихъ ученій и государ-

ственныхъ наукъ. Кромѣ того Іеллинекъ думаетъ, что каждое изъ этихъ пониманій природы государства имѣетъ свой raison d'etre, свое достаточное основаніе. Слѣдовательно, государство можетъ быть одновременно и соціальнымъ организмомъ, и осуществленіемъ нравственнаго закона, и формой обшежительнаго союза и т.д.

Критикуя этотъ взглядъ, я, вслѣдъ за французскимъ писателемъ, профессоромъ Бордосскаго университета Дюги, думаю, что государство прежде всего есть фактъ, реальность. „Мы не можемъ понять, справедливо пишетъ Дюги, чтобы одинъ и тотъ же предметъ имѣлъ различную природу въ зависимости отъ той или иной точки зрѣнія, съ которой мы стали бы его разсматривать. Государство есть соціальный фактъ, всегда остающійся тождественнымъ съ самимъ собой, со своей природой. Всякая юридическая теорія, не вполнѣ отвѣчающая этому признанію его фактомъ, уже поэтому самому не имѣетъ научнаго значенія. „Что такая точка зрѣнія не присуща исключительно французскимъ критикамъ господствующей доктрины, но что она раздѣляется и нѣкоторыми нѣмецкими государствовѣдами, доказательствомъ можетъ служить то обстоятельство, что въ книгѣ Бирлинга (Bierling) „Юридическіе принципы" (Huristische Friscipienlehre) находятся слѣдующія слова: „Возможны, говоритъ Бирлингъ, многіе несовершенные и невѣрные отвѣты на одинъ и тотъ же вопросъ (разумѣется вопросъ, что такое государство). Но на этотъ вопросъ можно дать только одинъ совершенный и вѣрный отвѣтъ, становясь на на точку зрѣнія признанія государства реальностью. Государство является прежде всего реальностью, существующимъ обшежительнымъ союзомъ и притомъ союзомъ постояннымъ, а не временнымъ."

Такое опредѣленіе государства далъ еще такой маститый писатель какъ Цицеронъ, который говоритъ о государствѣ, что это есть „ coetushominum ", т.е. союзъ людей, союзъ постоянный, имѣющій тотъ существенный признакъ, что онъ объединенъ единствомъ власти и единствомъ права. Это значитъ, что люди, входящіе въ составъ такого союза, признаютъ надъ собой общую власть и регулируютъ свои отношенія на основаніи общаго права. Послѣднее, впрочемъ, не всегда является существеннымъ и необходимымъ элементомъ государства. Россійская Имперія не перестаетъ быть единымъ государствомъ отъ того, что въ Царствѣ Польскомъ дѣйствуетъ Кодексъ Наполеона, и въ Остзейскомъ краѣ

свое мѣстное право. Единство русскаго государства не рушится отъ того, что инородцы и крестьяне призваны руководствоваться въ своей жизни, въ своихъ взаимныхъ отношеніяхъ своимъ племеннымъ или мѣстнымъ обычнымъ правомъ. Осетинъ судится по своему обычному праву, житель Дагестана по своему и т.д. Но изъ этого не слѣдуетъ, что Дагестанъ не входитъ въ составъ Россіи. Точно также не мѣшало существованію Германскаго государства то обстоятельство, что прирейнскія провинціи въ 1806 году начали придерживаться Кодекса Наполеона, который они предпочли своему прежнему праву. То же самое нужно сказать и о Франціи стараго порядка. Въ ней каждая провинція имѣла свой кодексъ кутюмнаго права, причемъ въ обычномъ правѣ одной части провинціи преобладали нормы римскаго права, въ обычномъ же правѣ другихъ провинцій - нормы германскаго права. И эти различія въ обычномъ правѣ отдѣльныхъ частей Франціи не мѣшали Людовику XIУ оставаться монархомъ единаго государства.

Значитъ элементъ единства права можетъ и отсутствовать въ опредѣленіи понятія государства.

Давая свое опредѣленіе государства, Цицеронъ думалъ, что если Римъ обниметъ всѣхъ римскихъ гражданъ и подданныхъ, что здѣсь значительную роль играетъ сознаніе принадлежности къ единому союзу. Этотъ признакъ тоже отпадаетъ, такъ какъ ясно, что Дагестанъ входитъ въ составъ Россійской Имперіи вовсе не потому, что жители этой области сознаютъ свою принадлежность къ единому союзу именуемому Россіей, а по цѣлому ряду другихъ причинъ совершенно иного характера.

Итакъ, отъ опредѣленія, даннаго Цицерономъ остается только одинъ признакъ и именно тотъ, что государство есть общежительный союзъ. Впослѣдствіи мы увидимъ, что, прибавивъ къ этому существенному признаку еще нѣсколько другихъ, получимъ наиболѣе правильное съ научной точки зрѣнія опредѣленіе понятія государства.

Въ новѣйшее время, по утвержденію нѣмецкихъ писателей въ томъ числѣ Іеллинека, профессоромъ Гирке много сдѣлано для выясненія союзнаго характера государства. Іеллинекъ говоритъ: коллективнаго единства; но названіе безразлично. По существу же рѣчь идетъ о государствѣ, какъ общежительномъ союзѣ. По опредѣленію Гирке государство является союзомъ, объединеннымъ прочной организаціей и длящейся цѣлью. Да, вѣрно. Но это говорилъ также еще

Цицеронъ, который называлъ государство союзомъ постоянным.

Государство, говоритъ Гирке, отличается отъ индивида своимъ характеромъ коллективной единицы. Но эта коллективность фактически проявляется въ существованіи въ немъ множества индивидовъ. Это же самое разумѣлъ Цицеронъ, когда говорилъ, что государствомъ является не всякое соединеніе людей, а только то, которое вѣчно или расчитано на вѣчное существованіе и объединено единствомъ власти.

Нѣкоторые писатели полагаютъ, что въ опредѣленіи государства надо выдѣлить на первый планъ его психическую природу. Такъ дѣлаетъ, напримѣръ Гегель, который видитъ въ государствѣ осуществленіе нравственнаго закона: „Der Staat ist die Wirklichkeit der sittlichen Idee". Но это скорѣе пожеланіе, чѣмъ опредѣленіе дѣйствительнаго существа государства. Во всякомъ случаѣ такое опредѣленіе является по меньшей мѣрѣ страннымъ, такъ какъ оно ничѣмъ не оправдывается въ дѣйствительности. 2 билетъ

Есть писатели, которые признаютъ въ государствѣ біологическое явленіе, организмъ. Органическая теорія государства въ своей основѣ имѣетъ несомнѣнно вѣрную мысль Огюста Конта, что государство не есть искуственное механическое явленіе, а такое же естественное, нѣмцы сказали бы naturwüchsig, какъ всякое живое существо. Эта вѣрная мысль О. Конта подверглась въ послѣднее время такимъ преувеличеніямъ и искаженіямъ, что совершенно основательнымъ является довольно строго критическое отношеніе къ ней, какое существуетъ одинаково и въ лагерѣ соціологовъ и въ лагерѣ юристовъ. На одномъ изъ послѣднихъ конгрессовъ Международнаго Соціологическаго Института большинство засѣданій было посвящено критикѣ этой теоріи. Въ настоящее время органическая доктрина въ значительной степени, благодаря трудамъ Летурно, Тарда, Штейнмеца и другихъ соціологовъ, считается совершенно не выдерживающей строгой научной критики. Хотя нужно сказать, что и сейчасъ находится еще изрядное число сторонниковъ этого ученія.

Эта органическая теорія отожествляла государственное общество или государство съ организмомъ, называла все общественное и органическимъ; она считала организмами не только цѣлыя государства, но даже его отдѣльныя провинціи и губерніи. Критикуя органическую теорію нельзя пройти мимо цѣлаго ряда писателей, критиковавшихъ это ученіе. Такъ необходимо принять во вниманіе

мнѣніе Зейдлера по этому вопросу. Возражая противъ органической теоріи, Зейдлеръ справедливо пишетъ. *) „при развитіи того положенія, что государственное общество - организмъ, Спенсеръ, а за нимъ Лиліенфельдъ, Шеффле, Вормсъ поставлены въ необходимость сойти съ реальной, естественно-научной точки зрѣнія. Чтобы получить совершенное подобіе живому организму они вводятъ въ понятіе его, когда рѣчь заходитъ объ обществѣ, не только людей его составляющихъ, но и созданные ими вещественные продукты, „междуклѣточнук субстанцію" по выраженію Лиліенфельда. Съ естественно-научной точки зрѣнія кажется страннымъ отождествлять съ физіологическимъ актомъ кровообращенія, происходящимъ внутри человѣка, денежное обращеніе, совершающееся между людьми, сближать нервную систему съ телеграфами, артеріи и вены со средствами сообщенія, сердце съ биржей, волосы и ногти съ крѣпостными стѣнами и.т.д. Такъ какъ безъ включенія этихъ вещественныхъ продуктовъ человѣческой дѣятельности въ число составныхъ частей общественнаго организма нельзя получить и самаго представленія о немъ, то приходится прійти къ заключенію, что его на самомъ дѣлѣ и нѣтъ на лицо."

Рядъ основательныхъ возраженій противъ этой теоріи приводитъ Іеллинекъ. Органическая или органологическая гипотеза, говоритъ въ свою очередь Іеллинекъ, переноситъ опредѣленныя отношенія и признаки естественныхъ организмовъ на государство и народъ, полагая, что она дѣлаетъ ихъ этимъ болѣе понятными и въ то же время создаетъ высшую форму синтеза естественныхъ и политическихъ явленій. Такими признаками являются единство во многообразіи, въ силу котораго государство и его народъ остаются неизмѣнными; не смотря на смѣну ихъ членовъ; далѣе, медленное преобразованіе того и другого на историческомъ пути; затѣмъ такого рода взаимодѣйствіе членовъ цѣлаго и отдѣльныхъ его функцій другъ на друга и всѣхъ вмѣстѣ на цѣлое, что цѣлое всегда кажется существующимъ для отдѣльныхъ членовъ, а послѣднее въ свою очередь въ интересахъ цѣлаго; наконецъ, безсознательный, такъ называемый естественный ростъ и развитіе государственныхъ учрежденій, которые какъ бы не даютъ возможности выводить ихъ изъ сознательной разумной воли индивидовъ, а превращаютъ ихъ напротивъ, въ непреодолимыя силы, въ которыя человѣческое усмотрѣніе можетъ внести

---

*) Gustav Seidler; Das Iuristische Kriterium der Staates, lübingen стр. 33 - 34.

лишь самыя незначительныя измѣненія, поскольку эти измѣненія являются устойчивыми.*)

Опредѣливъ такимъ образомъ то, что можетъ считаться существеннымъ признакомъ государственнаго организма, Іеллинекъ приступаетъ къ провѣркѣ правильности подчеркиваемыхъ имъ аналогій. Онъ справедливо указываетъ на то, что рядомъ съ безсознательнымъ образованіемъ государственныхъ учрежденій, мы постоянно имѣемъ дѣло и съ сознательнымъ ихъ установленіемъ.

Въ подтвержденіе этого положенія можно привести цѣлый рядъ историческихъ фактовъ. Такъ, нѣмцы въ эпоху Возрожденія переходятъ отъ своего мѣстнаго права къ рецепированному римскому праву. Здѣсь мы имѣемъ дѣло съ сознательнымъ выборомъ. Нѣмецкое общественное развитіе этого времени оказалось въ переходѣ отъ натуральнаго хозяйства къ мѣновому или денежному. Римское право являлось правомъ, отвѣчавшимъ условіямъ мѣнового хозяйства. Поэтому-то, вмѣсто того, чтобы вырабатывать новое право на смѣну праву, болѣе пріуроченному къ условіямъ самодовлѣющаго хозяйства, существовавшаго въ Германіи въ средніе вѣка, нѣмцы предпочли заимствовать чужое право и произвели рецепцію римскаго права, соотвѣтствующаго новымъ условіямъ хозяйственной жизни. Въ всякомъ случаѣ свободный выборъ здѣсь былъ. Свободный выборъ имѣлъ мѣсто и тогда, когда грузинскіе цари включали нормы римскаго права въ свои постановленія и обнародовали подъ именемъ „Законовъ царя Лаѳтанга" кодексъ, гдѣ двѣ трети нормъ было заимствовано изъ римскаго права.

Приверженцы органической теоріи говорятъ, что государство растетъ, какъ ребенокъ. Подобно тому, какъ ростъ ребенка не обусловливается его доброй волей, точно также и развитіе государства происходитъ совершенно независимо отъ воли лицъ, въ составъ его входящихъ. Между тѣмъ въ дѣйствительности государства развиваются и совершенствуются не естественнымъ путемъ, а при самомъ дѣятельномъ участіи людей. Нѣмцы рецепируютъ римское право, тогда какъ они могли и перенимать его. Персія переходитъ къ конституціонному образу правленія, но она могла и не переходить къ нему. Мысль ясна и не требуетъ большихъ доказательствъ.

Строй цѣлыхъ государствъ можетъ испытывать коренныя преобра-

---

*) Іеллинекъ. Общее ученіе о государствѣ. Изд.1903 г. стр. 97 и дальнѣйшія.

зованія подъ вліяніемъ дѣятельности людей. Хотя, разумѣется Петровская реформа и является результатомъ военной и финансовой необходимости, но если бы, благодаря случайному развитію, царскій престолъ занималъ не Петръ Великій, а, скажемъ, царь Феодоръ, то, по всей вѣроятности, великой реформы не послѣдовало бы. Слѣдовательно, нельзя говорить исключительно объ естественномъ ростѣ и самопроизвольномъ развитіи государственныхъ учрежденій, устраняя тѣмъ самымъ всякую возможность сознательнаго измѣненія.

Нужно сказать, что подъ вліяніемъ органической теоріи государства у историковъ учрежденій сложились нѣкоторые предразсудки. Такъ одни утверждаютъ, что всѣ государства пройдутъ стадію конституціоннаго устройства, и, что, слѣдовательно, рано или поздно и въ Тибетѣ водворится конституціонный режимъ, а китайскій богдыханъ станетъ конституціоннымъ монархомъ. Такъ будетъ, потому что конституціонные порядки утвердились въ Англіи, Франціи и въ другихъ европейскихъ государствахъ. Эта точка зрѣнія несомнѣнно складывается подъ вліяніемъ неправильнаго положенія, что учрежденія складываются сами собой, что человѣческая дѣятельность тутъ совершенно не причемъ, что необходимы жертвы и что хотятъ того люди или не хотятъ, а учрежденія всетаки разовьются. Вокль очень сражался съ такой точкой зрѣнія, полагая, что ничто въ государствѣ и въ государственной жизни само собой не происходитъ, что для всякаго измѣненія нуженъ и волевой актъ.

Мысль эта настолько ясна, что нѣтъ надобности долго останавливаться на ней. Французское общество въ 1789 году несомнѣнно созрѣло для политическаго переворота. Но если бы не было такихъ людей, какъ Мирабо, Сіейесъ и очень многихъ замѣчательныхъ дѣятелей великой революціи, если бы не было сознательныхъ актовъ съ ихъ стороны, то завоеванія революціи не были бы такъ обширны и успѣхъ ея былъ бы несомнѣнно не столь быстръ, вѣренъ и значителенъ. Исторія народовъ не представляетъ всегда удачныхъ переворотовъ, къ которымъ общество было подготовлено своимъ развитіемъ, и неудачи имѣютъ мѣсто именно тогда, когда оказывается недостаточно элементовъ для проведенія въ жизнь необходимыхъ рѣшеній. Сравните англійское общество эпохи двухъ революцій 17-го вѣка и французское въ эпоху

Общее ученіе о государствѣ. Лекціи проф. М.М.КОВАЛЕВСКАГО.
Изд. Студ. Кассы Взаимопом. СПБ. Политехн. Институтъ.
Литографія Трофимова. СПБ. Можайская 3. Л.2.

Составитель Ф. Фрилинскій

фронды. Въ Англіи происходитъ великая англійская революція (1640), сопровождаемая созданіемъ кратковременной республики и протектората Кромвеля, а затѣмъ наступаетъ реставрація, которая проводитъ рѣшенія, намѣченныя революціей. Когда же новое правительство отказывается отъ этого, происходитъ новая революція, послѣ которой всѣ рѣшенія 1688 г. проводятся въ жизнь. Одновременно во Франціи также происходитъ революція, но эта революція слываетъ подъ названіемъ фронды (fronde - дѣтская игрушка) и послѣдствіемъ ея является усиленіе абсолютизма и возможность правительства Людовика XIV короля-солнца.

Когда Вы имѣете въ виду конкретные факты, то Вы необходимо придете къ заключенію, что одного естественнаго роста не достаточно для развитія государственной жизни, нужны еще люди, нужна человѣческая воля. И вотъ эту мысль высказываютъ, когда говорятъ, что органическая теорія съ ея самопроизвольнымъ развитіемъ не выдерживаетъ научной критики.

Опять таки совершенно правильно Іеллинекъ говоритъ, что органическая теорія заблуждается, когда думаетъ, что человѣчество въ своемъ развитіи неизбѣжно подчинено законамъ прогресса и законамъ регресса. Очевидно, что если сопоставлять въ этомъ отношеніи государство съ индивидомъ, то пришлось бы признать, что жизнь государства распадается на нѣсколько періодовъ: періодъ дѣтства, періодъ отрочества,-зрѣлости и наконецъ,-старости. О старикахъ говорятъ, что они впадаютъ въ дѣтство Очень возможно, что нѣкоторыя государства возвращаются къ уже пройденнымъ стадіямъ развитія; но сказать, что всѣ государства должны перейти къ возрасту старости, нельзя. Еще недавно французы говорили намъ, что у насъ удивительно дѣтскія понятія и учрежденія. Теперь у насъ развились и понятія и учрежденія, у насъ существуетъ одновременно и конституція и самодержавіе. Лѣтъ пять тому назадъ мы не могли бы сказать,къ чему намъ предстоитъ перейти отъ возраста дѣтства: къ возрасту юности или возрасту зрѣлости, точно также какъ не можемъ опредѣлить: переживаемъ ли мы въ данный моментъ состояніе старческой дряхлости или какое нибудь иное состояніе. Что представляетъ собою Персія въ настоящее время? Залогъ роста или начало одряхленія? Сказать трудно, да и нѣтъ необходимости, чтобы насталъ этотъ послѣдній періодъ.

Изображать возникновеніе новыхъ государствъ, какъ результатъ воспроизведенія себѣ подобныхъ невозможно. А между тѣмъ, когда мы говоримъ, что государство есть живой организмъ, то мы должны признать и такой путь возникновенія государства. Представители органической теоріи хотѣли найти аналогію между организмомъ и государствомъ и въ этомъ отношеніи и они говорили, что подобно тому, какъ человѣкъ является отцомъ, точно также и государство является отцомъ,- но чего? Есть государства, которыя являются государствами - метрополіями, тогда какъ другія государства представляютъ собою колоніи. Вотъ эти послѣднія яко-бы и возникаютъ путемъ воспроизведенія первыми себѣ подобныхъ. Но подобное разсужденіе не можетъ быть признано правильнымъ: во первыхъ, не всѣ государства имѣютъ колоніи, и во вторыхъ, современемъ когда весь земной шаръ будетъ заселенъ, должна будетъ прекратиться, очевидно, и колонизаціонная дѣятельность. А для прошедшаго времени возникаетъ вопросъ: занимались ли воспроизведеніемъ себѣ подобныхъ Римъ, постепенно обнявшій собою весь міръ, и Россія, населившая Сибирь и завоевавшая Туркестанъ и его реформировавшая, или-же они только расширяли свое собственное тѣло? Думаю, что послѣднее ближе отвѣчаетъ реальной дѣйствительности.

Разумѣется, еще менѣе научно проведеніе аналогіи между различными функціями государства съ соотвѣтствующими имъ учрежденіями и жизненными функціями, пріуроченными къ различнымъ органамъ тѣла. Говорить о путяхъ сообщенія, какъ о нервахъ, о биржѣ какъ о сердцѣ, и т.д., и т.д., очевидно,-пріемъ, который не можетъ быть оправданъ и не заслуживаетъ термина "научный".

Меньшей критикѣ подлежитъ, очевидно опредѣленіе государства, къ которому прибѣгаетъ Спенсеръ: государство есть суперъ-организмъ. Но такъ какъ другого суперъ-организма мы не знаемъ, то государство можетъ быть и суперъ - организмъ, а что такое оно изъ себя представляетъ, этого мы сказать не можемъ. При такомъ положеніи дѣлъ, въ понятіе государства - суперъ-организма можетъ быть введено много отличій отъ обыкновеннаго организма.

Какъ вы видите, критиковать органическую теорію государства дѣйствительно легко. Критикуютъ ее соціологи, а за ними и юристы и въ настоящее время можно сказать, что отъ органической теоріи отказываются даже тѣ, кто особенно ею увлекался, напримѣръ извѣстный

государствовѣдъ Блюнчли, имя котораго 30 лѣтъ тому назадъ было несомнѣнно болѣе извѣстно, чѣмъ имя Јеллинека или Эсмена въ наше время. Блюнчли не только считалъ что государство есть организмъ, но онъ находилъ въ немъ черты, которыя позволяли ему считать государство мужской особью, а не женскою. Но такъ какъ мужчина не можетъ существовать безъ женщины, то была найдена и женская особь, таковой оказалась церковь. Блюнчли имѣетъ цѣлое сочиненіе, посвященное вопросу объ отношеніяхъ между этой мужской особью-государствомъ и женскою -Церковью:"Психологическое отношеніе государства и Церкви". Въ немъ можно встрѣтить часто вытучиваемую знаменитую фразу: „ Die Kirche hat in sich etvas weibliches . Но это уподобленіе государства мужчинѣ и Церкви женщинѣ должно быть признано совершенно дѣтскимъ. Есть и другія попытки на половину признать на половину отвергнуть, утверждать и отрицать въ одно и то же время сходство государства съ организмомъ. Знаменитый философъ Фуллье написалъ цѣлый рядъ статей, въ которыхъ онъ признаетъ государство какимъ то контрактуальнымъ, т.е. договорнымъ организмомъ. Стоитъ только представить себѣ то противорѣчіе, которое сугествуетъ между организмомъ естественнымъ и организмомъ, созданнымъ путемъ соглашенія, чтобы признать эту попытку неудовлетворительной. Назвать государство договорнымъ организмомъ,это значитъ сказать въ одно время, что оно, съ одной стороны - не организмъ, а съ другой - и не договоръ. Съ представленіемъ объ организмъ съ трудомъ связывается мысль о соглашеніи, необходимо лежащемъ въ основѣ всякаго договора.

Что же остается отъ органической теоріи, что въ ней цѣннаго? Заслугой этой доктрины является то, что она доказала неправильность представленія о государствѣ, какъ о чемъ то возникающемъ путемъ договора, путемъ свободнаго соглашенія людей.

Дѣйствительно, во всей исторіи мы знаемъ только одинъ случай возникновенія государства путемъ договора. Когда послѣдовали со стороны Церкви жестокія преслѣдованія людей, не раздѣлявшихъ ея ученія, то многимъ подданнымъ различныхъ государствъ пришлось покидать свое отечество и искать болѣе благопріятной жизненной обстановки. Къ этому способу защиты вынуждены были прибѣгнуть и нѣкоторые англичане и голландцы. Они снарядили корабль" Майскій цвѣтокъ" и отплыли отъ береговъ своего отечества по направ-

ленію къ Америкѣ. Во время этого плаванія они договорнымъ порядкомъ положили основаніе Сѣверо-Американской гражданственности. Плывшіе на кораблѣ договорились, что когда ихъ корабль достигнетъ и явится возможность произвести высадку на морской берегъ, то они постараются или пріобрѣсти землю покупкою у индѣйцевъ или присвоить ее захватнымъ способомъ и на этой землѣ заложить основы новаго государства. Задумано и сдѣлано. Новое государство долгое время слыло подъ именемъ колоніи Массачузетсской бухты, а затѣмъ сдѣлалось штатомъ Массачузетсъ и приняло самое дѣятельное участіе въ организаціи Сѣверо-Американской федераціи.

Но, во первыхъ, государство не возникаетъ путемъ договора, а, во вторыхъ,-нельзя представить себѣ государство безъ территоріи. Можно-ли представить , чтобы люди создали государство еще во время плаванія на кораблѣ?

Какъ бы то ни было это единственный примѣръ возникновенія государства путемъ договора,если, разумѣется, не считать, что всякое государство произошло путемъ соглашенія. Въ такомъ случаѣ послѣднее лежало, по всей вѣроятности, и въ основѣ Римскаго государства. Разъ различныя этрусскія и латинскія племена поселились бокъ о бокъ на холмахъ, близко лежашихъ другъ къ другу, разъ у нихъ существовали общіе интересы и ихъ королй выбирались изъ разныхъ племенъ, то нѣкоторое соглашеніе здѣсь, конечно, было. Но только допуская нѣкоторое соглашеніе въ этихъ ограниченныхъ предѣлахъ можно говорить о договорномъ происхожденіи государства. Утверждать, какъ это дѣлалось въ 17-мъ и 18-мъ вѣкахъ и ранѣе Гуго Гроціемъ, Гоббсомъ, Пуфендорфомъ, Руссо и др., что государства возникаютъ путемъ договора, что люди сами приходятъ къ сознанію необходимости созданія государства въ цѣляхъ защиты отъ звѣрей и другъ отъ друга и потому кладутъ основаніе государства,-невозможно. И отъ всей органической теоріи несомнѣнно уцѣлѣетъ въ будушемъ представленіе о государствѣ, какъ о чемъ то возникающемъ независимо отъ договора людей и исчезающемъ и разлагающемся помимо ихъ рѣшенія.

Вопреки Іеллинеку, который настаиваетъ на мысли о безсмертности государства, иллюстрируя эту мысль тѣмъ, что Германія, не смотря на гибель Священной Римской Имперіи и исчезновеніе многихъ составлявшихъ ее княжествъ, независимо также отъ смѣны союзовъ Рейнскаго Германскимъ, и послѣдняго сперва союзомъ Сѣверо-Герман-

скимъ, а затѣмъ Южно-Германскимъ, продолжаетъ оставаться все той же Германіей, какъ описалъ ее еще Тацитъ, я склоненъ думать, что Германія нѣсколько разъ умирала и возрождалась. Несомнѣнно, что Германское государство времени Тацита не имѣетъ ничего общаго съ Германскимъ государствомъ позднѣйшихъ временъ. Нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что Священная Римская Имперія отошла въ область исторіи въ 1806 году, когда Наполеонъ 1 приказалъ императору Францу не величать себя на будущее время Германскимъ императоромъ и не вмѣшиваться въ дѣла имперіи, а удовольствоваться титуломъ австрійскаго императора и правленіемъ своими наслѣдственными землями. Съ этого года Священная Римская Имперія исчезла настолько, что Рейнскій союзъ образованный изъ значительной части ея, поступилъ подъ протекторатъ французскаго императора. Несомнѣнно, что и Рейнскій союзъ умираетъ въ 1815 году, когда возникаетъ новое государство-Германскій союзъ, которое гибнетъ въ свою очередь послѣ битвы при Садовой, когда подъ протекторатомъ Пруссіи организуется союзъ Сѣверо-Германскій. И теперешняя Германская Имперія есть новое государство, нѣтъ никакой связи между современными германскими учрежденіями и древнегерманскими. Въ организаціи Германской имперіи нашихъ дней имѣется гораздо большее сходство, напр., съ Сѣверо-Американскими Соединенными Штатами, нежели съ той Германіей, которая была основана Карломъ Великимъ и снова вызвана къ жизни Генрихомъ Птицеловомъ, а позднѣе Гогенштауфенами. Такимъ образомъ, въ исторіи Германіи приходится отмѣтить не только рядъ фактовъ возникновенія и развитія, но и случаевъ разложенія тѣхъ или иныхъ политическихъ тѣлъ, начиная со всей Имперіи и кончая ея составными частями. Государства растутъ и умираютъ, и Монтескье былъ болѣе правъ, нежели Геллинекъ, когда говорилъ, что если Карѳагенъ и Римъ умерли, то нѣтъ никакихъ основаній думать, что современныя государства будутъ вѣчны. И его пророчество исполнилось, потому что многія государства, существовавшія въ его время, теперь уже исчезли, цѣлый рядъ государствъ перешелъ въ зависимость отъ другихъ государствъ, - на положеніе провинцій, и, наоборотъ, возникли и новыя государства. Во время Монтескье не было Болгарскаго царства, и въ современной Болгаріи нельзя видѣть продолженіе существовавшаго Болгарскаго государства. Точно также было бы совершеннымъ заблужденіемъ отождествлять современную Россійскую Имперію съ продолжающимся Кіевскимъ

или Владимирскимъ великокняженіями.

Сказать, поэтому вслѣдъ за Іеллинекомъ, что органическая теорія потому уже не имѣетъ смысла, что государства не подчинены законамъ развитія и регресса, едва ли можетъ считаться убѣдительнымъ.

Во всякомъ случаѣ возрѣніе на государство, какъ на своего рода организмъ, имѣло уже то желательное воздѣйствіе на ходъ развитія государственныхъ наукъ, что имъ положенъ былъ конецъ договорной теоріи происхожденія государства весьма распространенной въ XVII и XVIII вѣкахъ. Такъ въ серединѣ XVII столѣтія Гоббст въ своихъ Elementa philosophica de cive" отъ 1642г. года опредѣлялъ государство такимъ образомъ: Civitas est persona una, cujus voluntas ex pactis plurimum nominum pro volantate habenda est ipsorum hominem,ut singulorum viribus et facultatibus uti possint ad pacem et defensionem communem, т.е. государство есть единая личность, возникающая путемъ договора, въ которомъ высказывается воля многихъ людей; оно призвано къ жизни для того, чтобы соединенными усиліями содѣйствовать упроченію мира и общей защитѣ". Эта доктрина еще выступаетъ въ знаменитомъ "Общественномъ договорѣ"(Contrat social)Ж.Ж. Русво, предполагающемъ добровольное перенесеніе всѣмъ и каждымъ своихъ правъ на всю совокупность.

Подъ вліяніемъ исторической школы правовѣдѣнія впервые сложилось представленіе о томъ, что государство не есть искусственно вызываемый къ жизни союзъ,а политическая организація народа-племени. Исторической школой до нѣкоторой степени подготовлена была дорога къ тѣмъ попыткамъ открыть въ государствѣ черты естественнаго организма, которыя связаны съ именами Шеффле и Лиліенфельда въ большей степени даже, чѣмъ съ именемъ Герберта Спенсера.

Я лично не могу пойти вслѣдъ за сторонниками органической теоріи государства, и, отрицая въ то же время договорный источникъ его происхожденія, не прочь, видѣть въ немъ одну, и далеко не первичную форму обмежительнаго союза, при которомъ народъ-племя находитъ возможность политическаго самоопредѣленія подъ властью признаваемаго имъ общаго правительства. Государство понимаемое въ этомъ смыслѣ не можетъ считаться первымъ по времени обмежительнымъ союзомъ, такъ какъ ему предшествовали союзы, опиравшіеся на представленіе дѣйствительнаго или мнимаго родства входящихъ въ составъ ихъ семей. Говоря это,я имѣю въ виду столько же тотэмистическіе

союзы австралійскихъ или американскихъ дикарей, сколько материнскіе и патріархальные роды. Изъ соединенія родовъ возникаетъ племя. Степенью единенія обусловливается его федералистическій или, наоборотъ, централистическій, какъ въ Ассиріи и Вавилонѣ, характеръ. Но когда это племя, этнографическая чистота котораго постоянно нарушается присоединеніемъ къ нему все новыхъ родовыхъ и племенныхъ группъ, силою имъ подчиненныхъ или добровольно ему передавшихся, получитъ общее руководительство въ лицѣ хотя бы выборнаго на первыхъ порахъ, военнаго ли руководителя или судьи - посредника, тогда и только тогда мы имѣемъ дѣло съ зарожденіемъ государства.

Это племя политически организованное можетъ быть достаточно численнымъ, чтобы положить основаніе городу - республикѣ, и тогда государство зарождается въ формѣ древне-греческой πολις или латинской „civitas", итальянской коммуны-республики или вѣчевого русскаго города. Но племя путемъ естественнаго и иного роста, порождаемаго союзами и завоеваніями, можетъ принять размѣры настолько значительные, чтобы занять своими развѣтвленіями рядъ городовъ и селъ, цѣлую землю, и тогда государство возникаетъ въ формѣ не города, а земли (Land - по выраженію германскихъ средневѣковыхъ источниковъ, въ латинской передачѣ - Terra). Этотъ терминъ говоритъ Іеллинекъ, до сихъ поръ еще не потерялъ своего значенія. Въ Германіи еще говорятъ и еще недавно говорили о земскихъ законахъ -Landgesetze - и земскихъ чинахъ -Landstände. Въ „Политическомъ трактатѣ" Спинозы, написанномъ въ 1670 г. еще противополагается ходячему представленію о городѣ-республикѣ типическимъ образцомъ котораго авторъ считаетъ Венецію, государство-земля, образцомъ которой Спиноза приводитъ Голландію. Но и раньше Спинозы Альтузій въ его трактатѣ "О политикѣ" уже приходится имѣть дѣло съ такимъ государствомъ, состоящимъ изъ множества городовъ селъ и, слѣдовательно, далеко вышедшимъ за предѣлы древне-греческой πολις или римской „civitas". Это-государство въ совершенномъ смыслѣ этого слова. Оно можетъ войти составною частью въ болѣе обширный политическій конгломератъ, сдѣлаться членомъ союзнаго государства. Въ Ахейской и Эолійской лигѣ классическая древность представила намъ первые образцы такихъ сложныхъ политическихъ тѣлъ. Къ нимъ присоединились съ XIV вѣка союзъ свободныхъ кантоновъ Швейцаріи съ

городскими республиками Берна, Цюриха и Люцерна, а со времени реформаціи и унія Нидерландъ. Къ тому-же моменту можно пріурочить обращеніе нѣкогда централизованной Римско-Германской Имперіи въ сложное государство. Совершенный типъ федераціи возникаетъ однако не ранѣе принятія штатами Сѣверной Америки конституціи 1787 года. Къ ней постепенно присоединились съ 1848 года Швейцарія, съ 1867 г. Австро-Венгрія, а со времени Франко-Прусской войны Германская Имперія и, наконецъ рядъ союзовъ англійскихъ владѣній, какъ то: Dominion of Canada" т.е. федерація сѣверо-американскихъ англійскихъ колоній, затѣмъ федерація австралійскихъ колоній, возникшая за послѣдніе годы, наконецъ, образующаяся южно-африканская федерація изъ колоній въ южной Африкѣ той же Англіи.

Какъ извѣстно федеральное государство отличается отъ обыкновенной уніи или лиги государствъ тѣмъ, что въ немъ рядомъ съ органами законодательства и исполненія существующими въ границахъ отдѣльныхъ членовъ союза, имѣется и законодательный и исполнительный органъ всего союза. Въ наше время союзное государство является широко распространеннымъ типомъ и мы пріобрѣли возможность говорить о государствахъ простыхъ и сложныхъ.

Изъ всего сказаннаго не мудрено прійти къ тому заключенію, что природа государствъ была измѣнчива въ разное время и что, оставаясь всегда общежительнымъ союзомъ множества людей, занимающихъ опредѣленную территорію и подчиненныхъ общей политической власти, государство въ то же время сперва сливалось съ понятіемъ народа, а затѣмъ съ понятіемъ опредѣленной земли, наконецъ, вышло за эти предѣлы, становясь составною частью политическаго тѣла, построеннаго на дѣйствительномъ договорѣ. Но несмотря на эту измѣнчивость природы государства послѣднее въ своемъ вѣковомъ существованіи все же оставалось опредѣленной формой человѣческаго общежитія, коллективнымъ и организованнымъ единствомъ большаго или меньшаго множества людей, признающихъ руководительство опредѣленной политической власти. Это можно сказать о тѣхъ деспотіяхъ, которыя съ древнѣйшихъ временъ возникли благодаря факту порабощенія одной національностью другой и принимали поэтому характеръ обширныхъ имперій при одной господствующей племенной группѣ. Это можно сказать одинаково о всѣхъ восточныхъ деспотіяхъ, начиная отъ Вавилоно-Ассирійскаго царства и оканчивая Имперіей Великаго Могола, современной Персіей и Турціей до эпохи пережита-

ми недавняго политическаго переворота.

Переходимъ теперь къ разсмотрѣнію очень распространенной въ настоящее время теоріи о правовой природѣ государства. Это ученіе обнимаетъ собою вопросы о томъ, можно ли видѣть въ государствѣ юридическое отношеніе или его объектъ, или же правовой субъектъ.

Я уже сказалъ вамъ раньше, что съ моей точки зрѣнія раздѣляемой, впрочемъ, и большинствомъ писателей по государствовѣдѣнію одинаково, какъ во Франціи, такъ и въ Англіи государство есть прежде всего фактъ, есть реальное явленіе и что всякое объясненіе его природы должно отправляться отъ этого признака.

Нужно сказать, что нѣмецкіе теоретики, не отрицая этого, въ то же время желали бы привлечь вниманіе на то обстоятельство, что государство, упорядочиваемое правомъ, хранитель и двигатель права, необходимо должно занимать опредѣленное положеніе въ правовой системѣ - „должно существовать, говоритъ Іеллинекъ, правовое понятіе государства." Юридическое пониманіе государства, пишетъ тотъ же авторъ, стремится не къ выясненію его реальнаго существа, а къ тому, чтобы сдѣлать государство юридически мыслимымъ, т.е. найти понятіе, въ которомъ безъ внутреннихъ противорѣчій мыслимы всѣ юридическія особенности государства. Познаніе реальнаго бытія государства должно быть положено въ основу этого понятія, но не должно быть съ нимъ отождествляемо." И далѣе слѣдуютъ длинныя разсужденія Іеллинека по поводу того, можно-ли говорить, что государство есть 1) правоотношеніе, 2) объектъ или 3) субъектъ его.

Іеллинекъ развиваетъ тотъ взглядъ, что послѣдовательно провести конструкцію государства, какъ правоотношенія не возможно, потому что такая конструкція была бы не согласна съ идеей единства государства. Отношеніе можетъ существовать между двумя сторонами или частями. Если говорить о государствѣ, какъ правоотношеніи, то нужно предположить, что государство состоитъ изъ правящихъ и подвластныхъ, и ихъ взаимными отношеніями исчерпывается, повидимому, все то, что мы называемъ государствомъ. Такой смыслъ имѣетъ формула, что государство есть правоотношеніе. „Но если конструировать государство какъ отношеніе властвованія, говоритъ Іеллинекъ, то признаніе единства и вѣчности этого отношенія означаетъ

уже уклоненіе отъ эмпирическаго базиса. Государство являетъ не одно, а безчисленныя отношенія властвованія. Сколько подвластныхъ, столько же отношеній властвованія. Всякій новый властитель является новымъ даннымъ пропорціи. Всякая перемѣна формы властвованія должна была бы разрушить государство и замѣнить его новымъ. Тоже возраженіе относится и къ попыткамъ разложить всѣ юридическія отношенія государства на индивидуальныя отношенія государственныхъ органовъ между собой и къ отдѣльнымъ индивидамъ. Ни одна изъ этихъ теорій не объясняетъ, откуда возникаетъ руководящая государствомъ воля." Допустить, что государство есть правоотношеніе значитъ признать, что государство не имѣетъ цѣлости и единства. Подобное допущеніе шло-бы въ разрѣзъ съ явленіями дѣйствительной жизни.

Государство, по мнѣнію Іеллинека не можетъ быть объектомъ права, потому что разъ мы предполагаемъ, что оно есть объектъ то мы необходимо должны допустить и существованіе субъекта. Объектъ права предполагаетъ - субъекта, а этимъ субъектомъ могутъ быть лишь руководящіе государствомъ люди. Ученіе о государствѣ, какъ объ объектѣ создается, слѣдовательно, такимъ образомъ, что государство разрывается и самому государству противополагается одинъ изъ его существенныхъ элементовъ „властитель". Но въ эпоху абсолютизма это еще можно было допустить. Когда Людовикъ говорилъ: l'etat - c'est moi " , то онъ этимъ выражалъ ту мысль, что государство-его достояніе, что онъ Людовикъ XIV есть субъектъ, а государство - объектъ, надъ которымъ онъ властвуетъ. Но мы уже далеко отошли отъ этой эпохи и допустить существованіе рядомъ съ государствомъ - объектомъ права - субъекта права - т.е. людей, въ единственномъ или множественномъ числѣ, смотря потому, имѣемъ ли мы дѣло съ монархіей или аристократической формой правленія, это все равно, что допустить недопустимую вещь: при такомъ допущеніи государство не имѣло бы цѣлости.

Разъ государство не можетъ быть правоотношеніемъ, разъ оно не можетъ быть объектомъ права, то ему остается только быть правовымъ субъектомъ. Если разсуждаетъ Іеллинекъ, государство есть союзъ, представляющій коллективное единство, то онъ не менѣе способенъ быть субъектомъ права, чѣмъ человѣческій индивидъ.

Только съ точки зрѣнія на государство, какъ на субъектъ права можетъ быть юридически выяснено единство государства, его организаціи и порождаемой ею воли. Въ этомъ нѣтъ ничего чрезвычайнаго. Никогда юристы не предполагали, что субъектомъ права является обязательно лицо индивидуальное. Никто не отрицаетъ и не отрицалъ того, что субъектомъ права можетъ быть и юридическое лицо: напримѣръ монастырь, какъ корпорація, учебное заведеніе, университетъ или политехникумъ, тоже какъ корпорація. Почему и государству не быть субъектомъ права, такъ какъ оно является юридическимъ лицомъ.

Вся эта юридическая метафизика, къ которой, повидимому, склонны, главнымъ образомъ, одни нѣмецкіе авторы (Іеллинекъ, перечисляя сторонниковъ такого взгляда на природу государства, не приводитъ имени хотя бы одного французскаго или англійскаго писателя), мало выясняетъ, какъ мнѣ кажется природу государства. Очевидно, что субъектомъ права могутъ быть и коллективныя единицы наравнѣ съ индивидами, и поэтому нѣтъ ничего удивительнаго, что и государство наравнѣ съ частнымъ лицомъ и корпораціей, выступаетъ въ юридическомъ отношеніи, какъ субъектъ права, но отъ этого государство не перестаетъ быть реальнымъ фактомъ, организованнымъ общежительнымъ союзомъ съ общей для всѣхъ его членовъ властью, признаваемой на протяженіи всего занимаемаго имъ пространства, властью возвышающейся надъ всей массой его населенія. Сказавши это, мы дали всѣ существенные и необходимые признаки государства, а это одно и требуется при опредѣленіи природы того или иного явленія. Мы, разумѣется, совершенно отказываемся отъ мысли познать сущность государства и его конечную цѣль. Мы имѣемъ дѣло только съ явленіемъ, и перечня его существенныхъ признаковъ, по которымъ оно можетъ быть опознано, вполнѣ достаточно для научнаго опредѣленія этого явленія.

Мы скажемъ, поэтому, что всюду гдѣ множество людей, называемое народомъ, сидя на опредѣленной территоріи, подчиняется руководительству общей политической власти, мы имѣемъ дѣло съ тѣмъ организованнымъ общежительнымъ союзомъ, который слыветъ подъ названіемъ государства.

§ 2-ой.

Самый терминъ „ государство" въ томъ пониманіи, какое дается ему въ настоящее время, недавняго происхожденія. Въ интересномъ экскурсѣ, какой Іеллинекъ посвятилъ названію государства мы находимъ, что слово „ stato", первоначально присоединяемое къ названію города (stato di Firenze и т.д.), пріобрѣтаетъ со временемъ значеніе отвлеченнаго термина, примѣняемаго ко всякому государству безъ различія формы правленія, будь то монархія или республика, крупное или мелкое, городское или сельское государство. Историкъ „Возрожденія" Іаковъ Буркгардтъ полагаетъ, что первоначально "lo stato" назывались правители вмѣстѣ съ ихъ приближенными, и впослѣдствіи это названіе узурпировало значеніе всей территоріи какъ цѣлаго, другими словами, терминъ, которымъ мы въ настоящее время обозначаемъ государство служилъ для выраженія мысли о правительствѣ того или иного государства. Такъ и было, напримѣръ, въ Аррагоніи, гдѣ терминъ „lo stato" обозначалъ первоначально совокупность властвующихъ и только затѣмъ былъ распространенъ на союзъ властвующихъ и подвластныхъ. Но Іеллинекъ считаетъ однако, болѣе вѣроятнымъ, что терминъ „lo stato" употреблялся только подобно латинскому термину status , отъ котораго онъ происходитъ, для обозначенія опредѣленнаго порядка существующаго въ государствѣ. Въ этомъ смыслѣ мы встрѣчаемъ его уже въ XIV и XV вѣкахъ, а въ началѣ XVI столѣтія „lo stato" является общепризнаннымъ терминомъ для обозначенія всякаго государства. Съ зарожденіемъ современной идеи государства найдено и соотвѣтственное слово. Уже въ трактатѣ „О князѣ" (Il principe) М а к к і а в е л л и встрѣчаются выраженія въ родѣ слѣдующаго : Tutti gli stati,tutti i domini che hanno avuto et hanno imperio sopra gli nomine,sono stati e sono, e republiche,e principati, т.е. всѣ государства, всѣ владычества, которыя имѣли или имѣютъ власть надъ людьми были и состоятъ и по настоящее время однѣ республиками, а другія княжествами."Здѣсь уже весьма опредѣленно употребленъ терминъ для обозначенія государства, причемъ, такъ какъ Макіавелли употребляетъ терминъ еще совершенно новый, то онъ для поясненія его считаетъ нужнымъ прибавить къ словамъ: „всѣ государства tutti gli stati" слова: „всѣ владычества надъ людьми - tutti i domini."

Въ теченіе XVII и XVI столѣтій этотъ терминъ проникаетъ затѣмъ во французскій, нѣмецкій и англійскій языкъ. Во Франціи Боденъ (1576 г.), авторъ знаменитаго труда „Six livres de la republique" употребляетъ слово etat для обозначенія формы организаціи государства. Боденъ - авторъ обширнѣйшаго комментарія на Аристотелевскую „Политику", комментарія, въ который привнесено много новаго самимъ Боденомъ. Онъ желалъ бы распространить опредѣленія, употребляемыя Аристотелемъ въ его „Политикѣ" для обозначенія извѣстныхъ отношеній на отношенія другой политической организаціи, совершенно отличной отъ той, съ которой имѣлъ дѣло Аристотель, т.е. на средневѣковое государство. Но, какъ это само собой понятно, рѣшить такую задачу необыкновенно трудно. Поэтому всѣ попытки распространить греческія понятія, положимъ на такой неизвѣстный древнему міру порядокъ отношеній, какъ сословная монархія, оказались неудачными. И Боденъ отказывается отъ греческихъ понятій и даетъ свои. Благодаря такому пріему его комментаріи постепенно переходятъ въ самостоятельное сочиненіе. Его „Six livres de la republique" якобы комментарій на аристотелевскую „Политику" являются въ сущности самостоятельнымъ сочиненіемъ, въ которомъ можно найти зародыши многихъ вопросовъ, связанныхъ съ государствомъ и съ государственной жизнью и ихъ рѣшеній, въ которомъ выдвинуто положеніе, что суверенитетъ недѣлимъ и не отчуждаемъ, положеніе, которое повторяютъ Локкъ и Руссо и которое не перестаютъ повторять въ настоящее время нѣмецкіе публицисты съ Іеллинекомъ во главѣ. Разумѣется, такого ученія въ государственной организаціи древности не было и быть не могло, потому что политическія отношенія этому обстоятельству не отвѣчали; оно могло зародиться только въ новыхъ условіяхъ, когда государство, теоретически подчиненное Священной Римской Имперіи старалось избавиться отъ такого подчиненія не только въ жизни, но и въ теоріи. Раньше всего въ Аррагоніи, а затѣмъ и во Франціи начинаетъ складываться представленіе, что свѣтскіе владыки обладаютъ верховной властью, недопускающей подчиненія никакой другой власти. Получается ученіе о суверенитетѣ государства, т.е. о неограниченной власти государства, которое не признаетъ подчиненія по отношенію къ другой возвышающейся надъ нимъ власти. Такое же представленіе о суверенитетѣ складывается и у насъ, по свидѣтельству проф. Ключевскаго, когда наступаетъ конецъ раздробленію Руси на удѣлы и когда зарождается и крѣпнетъ Московское государство.

Представленіе о суверенитетѣ въ Россіи является представленіемъ о неограниченной власти государства по отношенію къ иноземнымъ государствамъ и правителямъ. Суверенитетъ у насъ получаетъ названіе самодержавія и сначала, какъ показываетъ проф.Ключевскій, это самодержавіе означало только то, что великій князь московскій, сдѣлавшись московскимъ царемъ, освободился отъ всякаго подчиненія Золотой Ордѣ и пересталъ платить дань татарамъ. Московскій царь сталъ сувереномъ, что обозначалось переведеннымъ съ греческаго слова αὐτοκράτος словомъ самодержецъ. Слѣдовательно, самодержавіе на первыхъ порахъ выражаетъ собой независимость по отношенію ко всякой внѣшней власти, независимость московскаго государства, какъ такового.

Такъ вотъ этотъ самый Бодэнъ, который комментируя Аристотеля, въ то же время самъ вноситъ нѣчто новое въ доктрину общаго государственнаго права, употребляетъ уже терминъ estat, которымъ онъ пользуется довольно часто, говоря о государствѣ монархическомъ, аристократическомъ – estat aristocratique и народномъ – estat populaire. Но что Бодэнъ, давая такое употребленіе государству, является еще своего рода новаторомъ, это видно изъ того, что другой французскій писатель L'oyseau (Луазо), пишушій нѣсколькими десятками лѣтъ позднѣе Бодена, связываетъ со словомъ etat не всегда то значеніе, какое связываетъ съ нимъ Бодэнъ. Тѣмъ не менѣе въ теченіе XVI и XVII столѣтій постепенно вырабатывается во Франціи привычка употреблять терминъ l'etat въ томъ же самомъ смыслѣ, въ какомъ итальянцы употребляютъ терминъ „lo stato“ т.е. для обозначенія государства.

Замѣтьте, что и въ Англіи въ эпоху Елизаветы, т.е. въ концѣ XVI и въ самомъ началѣ XVII вѣка великій Шекспиръ уже употребляетъ слово state для обозначенія государства. По мѣрѣ того какъ складывается государство, а оно раньше всего складывается въ Италіи, появляется и новый терминъ для обозначенія государства, терминъ „lo stato“ отъ латинскаго слова status, причемъ почти одновременно, на разстояніи многихъ десятилѣтій, появляются термины однокоренные съ итальянскими: state въ Англіи и l'etat во Франціи. Припомните, что терминъ etat употребляется раньше только для обозначенія сословій, а затѣмъ терминъ, служившій для обозначенія сословій, т.е. совокупности властвующихъ начинаетъ служить для обозначенія всего государства, какъ союза властвующихъ и подвластныхъ. По мѣрѣ того, какъ государство перестаетъ

быть организацiей властвованiя, приходится придумывать новый терминъ или же употреблять старый терминъ, вливая въ него новое содержанiе.

Въ Германiи, гдѣ всего позднѣе зародилось современное государство, терминъ Staat, опять таки отъ латинскаго слова status, вполнѣ упрочивается и служитъ для обозначенiя государства только въ XVIII вѣкѣ. Но и въ XVIII вѣкѣ этотъ же терминъ употребляется и для обозначенiя провинцiи, для обозначенiя любой области, надѣленныхъ сколько нибудь самостоятельнымъ устройствомъ. Поэтому и въ Пруссiи, и въ Австрiи въ законодательныхъ актахъ мы встрѣчаемъ выраженiе Staaten для обозначенiя всѣхъ земель государства или имперiи. Еще и теперь прусскiе законы обнародуются въ „Собранiи узаконенiй королевско-прусскихъ государствъ" (Gesetz - Samlung für die königlichen Preusischen Staaten.[5]) Еще не вполнѣ пріуроченнымъ къ обозначенiю исключительно государства названiе Staat является и въ XIX столѣтiи. Но если не говоритъ объ оффицiальной терминологiи, то терминъ „Staat" нѣмецко-юридической литературы означаетъ то же, что англiйское „state", французское „l'etat", итальянское „lo stato" и испанское „estado", т.е. государство.

Глава II.

Отношеніе между правомъ и государствомъ.

I. Збилетъ

Я перейду въ настоящее время къ разсмотрѣнію вопроса не менѣе спорнаго, чѣмъ вопросъ о томъ, что такое государство, именно къ вопросу объ отношеніи, существующемъ между правомъ и государствомъ. Различныя точки зрѣнія

Это - вопросъ, по которому до сихъ поръ еще, можно сказать, существуютъ три, если не четыре противорѣчащія, несогласныя между собой рѣшенія. Одно изъ нихъ дается ученіемъ, которое также какъ и многія другія ученія въ области государствовѣдѣнія заимствованы вѣкомъ отъ предшествующихъ столѣтій, ученіемъ, поддерживаемымъ до настоящаго времени нѣкоторыми послѣдователями метафизической философіи, но все болѣе и болѣе оставляемымъ юриспруденціи, - я разумѣю ученіе объ естественномъ правѣ. Это ученіе, какъ извѣстно, имѣетъ нѣсколько разновидностей: естественное право насаждено въ людяхъ Богомъ - одно воззрѣніе; естественное право, какъ раскрытіе явленій нашего разума - другое возрѣніе; и наконецъ, третьей разновидностью является ученіе римскихъ юристовъ о томъ, что естественное право, это то право, которому природа научила всѣхъ животныхъ, всѣхъ звѣрей, а слѣдовательно въ числѣ этихъ звѣрей и человѣка.

Замѣтьте, что въ тотъ моментъ, когда зарождается доктрина естественнаго права на практикѣ мы имѣемъ дѣло съ торжествомъ абсолютизма, стрѣшившагося отъ тѣхъ ограниченій верховной монархической власти, каковыми несомнѣнно являлись права сословій, присылавшихъ своихъ уполномоченныхъ на сеймы, сословно-представительныя собранія. Возникаетъ необходимость какого-либо ограниченія этого абсолютизма. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что подобныя ограниченія существовали въ средніе вѣка, пока держалось представленіе о томъ, что монархъ, свободный отъ всякаго

Общее ученіе о государствѣ. Проф.М.М.КОВАЛЕВСКАГО.
Изд.Студ.Кассы Взаимопом. СПБ.Политехн.Институтъ.
Литографія Трофимова. СПБ.Можайская 3.

Л.3.

БИБЛИОТЕКА ИНСТИТУТ ... ПРОФСОЮЗЫ

Составитель Ф. Филиппов

подчиненія только по отношенію къ своимъ подданнымъ и государственнымъ учрежденіямъ, въ которыхъ подданные были призваны выражать свои нужды и желанія въ то же время подчинены верховному руководительству церкви и папы. И нужно сказать, что это представленіе, господствовавшее въ средніе вѣка, проводилось и на дѣлѣ такими папами, какъ Григорій УII (Гильдебрандъ), Иннокентій III. Не въ одной только теоріи признано было, что подобно тому, какъ луна подчинена руководству солнца, такъ точно императоръ, а тѣмъ болѣе какой нибудь король подчиненъ верховному руководству папы; но это признаніе осуществлялось и въ жизни, причемъ осуществлялось очень просто. Если поведеніе того или иного монарха казалось папѣ не отвѣчающимъ божескому закону, то онъ освобождалъ подданныхъ отъ обязанности въ повиновеніи своему государю и, такимъ образомъ, вызывалъ государственные перевороты. Такихъ фактовъ средневѣковая исторія знаетъ не мало. Стоитъ хотя бы вспомнить знаменитое путешествіе въ Каноссу, когда императоръ Генрихъ IУ, одѣтый въ рубище и босой, шелъ вымаливать прощеніе у папы Григорія УII. Неудивительно поэтому, если и въ XIX вѣкѣ дѣлаются попытки повернуть колесо исторіи назадъ, возстановить историческіе порядки добраго стараго времени, когда свѣтская власть была подчинена власти духовной. Никто иной, какъ Жозефъ-де-Местръ, отправляясь отъ реставраціи монархій, приходитъ къ мысли о необходимости возстановленія папской власти. Въ своемъ знаменитомъ сочиненіи „О папѣ" онъ излагаетъ такія напр., мысли, что такъ какъ прежніе монархи признавали надъ собой главенство папъ и такъ какъ отъ этого не было ничего, кромѣ хорошаго, то то же должны сдѣлать и современные монархи, т.е. подчиниться верховной власти папъ.

Какъ извѣстно реформація внесла много новшествъ въ отношенія между свѣтской и духовной властью. Въ однихъ государствахъ сами монархи сдѣлались своего рода папами, такимъ является, напримѣръ, англійскій король Генрихъ УIII. Въ другихъ государствахъ духовная власть попала въ полную зависимость отъ государства, и при заключеніи Вестфальскаго мира (1648 г.) было превозглашено начало: религія правящаго опредѣляетъ религію всѣхъ его подвластныхъ.

Очевидно, что о прежней зависимости свѣтской власти отъ духовной не могло быть и рѣчи. Одновременный же ростъ монархической власти и побѣды, одержанныя ею надъ разнаго рода ограниченіями, какія связывали королевскую власть въ средніе вѣка въ

формѣ существованія во многихъ государствахъ сословныхъ палатъ, привели къ тому, что въ эпоху Монтескье уже можно было передавать дѣйствительное положеніе вещей тѣми словами, какими онъ передаетъ впечатлѣнія, произведенныя на него посѣщеніемъ различныхъ странъ Европы и изученіемъ ихъ порядковъ. „Народы Европы, говоритъ Монтескье, неудержимо устремляются къ созданію деспотіи, и это теченіе также неудержимо, какъ то, которое уноситъ рѣки въ моря".

И вотъ въ тотъ моментъ, когда въ началѣ XVII вѣка абсолютистскій строй вполнѣ сложился и въ значительной степени окрѣпъ, юристы дѣлаютъ попытку показать, что есть нѣкоторыя неотъемлемыя права, безъ осуществленія которыхъ человѣкъ пересталъ бы быть человѣкомъ, которыя неразрывно связаны съ природой человѣка, а не съ природой того общежительнаго союза, членомъ котораго онъ является. Человѣкъ, какъ человѣкъ, хотя бы онъ жилъ изолированно на какомъ нибудь островѣ, хотя бы онъ попалъ въ положеніе Робинзона Крузе, имѣетъ извѣстныя естественныя права, которыя неразрывно связаны съ его природой, какъ разумнаго существа.

Эта мысль въ XIX столѣтіи, благодаря развитію соціологическихъ ученій мало пользуется признаніемъ. Мы думаемъ, что при изолированности человѣка право не могло возникнуть, право возникло только съ того момента, когда къ Робинзону Крузе присоединился Пятница. До этого момента не могло существовать ни право, ни нравственность, такъ какъ и право и нравственность существуютъ для потребностей общежительнаго союза. Изолированный человѣкъ не имѣетъ никакихъ обязательствъ, онъ можетъ дѣлать съ собой все, что ему угодно, и никакихъ юридическихъ преградъ для него не существуетъ и существовать не можетъ.

Не такова, однако, была точка зрѣнія теоретиковъ естественнаго права. Оцѣнивать доктрину естественнаго права можно съ разныхъ точекъ зрѣнія. Если мы будемъ оцѣнивать ее съ точки зрѣнія политической цѣлесообразности, то получимъ одинъ результатъ, если же будемъ подходить къ ней съ точки зрѣнія ея обоснованности, то цѣнность ея представится въ совершенно иномъ свѣтѣ. Съ политической точки зрѣнія доктрина естественнаго права принесла несомнѣнно большую пользу, какъ принесла большую пользу и другая доктрина, доктрина о божескомъ законѣ, доктрина, которая говорила, что существуетъ обязательный и для правителей божескій законъ. Эта послѣдняя теорія возникла еще въ средніе

вѣка, и средневѣковые писатели дѣлали изъ нея слѣдующій практическій выводъ. Истолкователемъ божескаго закона является глава церкви, папа; если монархъ толкуетъ божескій законъ несогласно съ тѣмъ, какъ понимаетъ его церковь или папа, который и тогда считался уже непогрѣшимымъ, хотя формально непогрѣшимость папъ признана была только въ XIX столѣтіи, то онъ (монархъ) переходитъ изъ положенія монарха на положеніе тирана. И если монархъ неприкосновененъ, то по отношенію къ тирану постепенно складывается ученіе, что тираны подлежатъ насильственной смерти. Церковь, такимъ образомъ, доходитъ до освященія убійства королей. Вообще говоря, церковь въ средніе вѣка постоянно вмѣшивалась въ государственныя дѣла. Первый случай, когда былъ осуществленъ на практикѣ контроль церкви за соблюденіемъ божескаго закона, былъ вызванъ убійствомъ знаменитаго Фомы Бекета. Когда Генрихъ III Плантагенетъ отправилъ своего противника на тотъ свѣтъ съ помощью наемныхъ убійцъ, то Іоаннъ Сольсберійскій написалъ свою книгу „Policratius sine de nugis curialium", въ которой развиваетъ ученіе, продолжавшее держаться на продолженіе всѣхъ среднихъ вѣковъ: если монархъ вдастся въ ересь, онъ перестаетъ быть законнымъ правителемъ и становится незаконнымъ тираномъ, относительно котораго допускается насильственная смерть. Въ VI столѣтіи эту мысль повторяютъ многіе приверженцы папской власти, такіе духовные писатели, какъ Маріана (De rege et regi institutione), Суарецъ и др. И церковь никогда не могла смыть позора, причиненнаго освященіемъ убійства тирановъ, хотя бы только и въ одномъ случаѣ, когда монархъ нарушилъ божескій законъ.

На мѣсто этого ученія о божескомъ законѣ появляется ученіе объ естественномъ правѣ. Зарождается оно въ тотъ самый моментъ, когда церковь теряетъ свою контролирующую власть надъ государствомъ. Это ученіе - болѣе скромное, нежели только что изложенная доктрина о божескомъ законѣ, потому что учителя естественнаго права никогда не высказывались за поднятіе руки на законнаго правителя, потому что ни у одного изъ учителей естественнаго права, возьмемъ ли мы Гуго Гроція, Гоббса, Локка или какого нибудь другого изъ представителей школы естественнаго права, мы не найдемъ ни одного слова, которое позволило бы намъ сказать, что въ этомъ отстаиваніи началъ естественнаго права они пошли такъ далеко, какъ въ отстаиваніи божескаго закона пошли учителя церкви въ средніе вѣка, въ XVII и XVIII столѣтіи, когда церковь оправдывала поведеніе фанатика Равальяка, покончив-

шаго съ жизнью короля Генриха IV Бурбона. Если въ настоящее время мы спросимъ себя, какое дѣйствительное значеніе само по себѣ имѣетъ ученіе естественнаго права, права, зародившагося раньше возникновенія государства и зародившагося, потому что нельзя представить себѣ человѣка, какъ существа разумнаго безъ того, чтобы не допустить одновременно и его естественныхъ правъ, то мы должны будемъ сказать, что значеніе этого ученія довольно значительно: оно говорило людямъ о принадлежащихъ имъ правахъ, побуждало ихъ на борьбу за свои права. Если же мы спросимъ себя, насколько ученіе о естественныхъ правахъ является обоснованнымъ, то мы придемъ къ заключенію, что въ этомъ отношеніи съ этимъ ученіемъ дѣло обстоитъ не совсѣмъ благополучно, такъ какъ согласно даннымъ современной науки не можетъ подлежать сомнѣнію, что право не возможно внѣ общественнаго союза, что нѣтъ и не можетъ быть права въ изолированномъ, е с т е с т в е н н о м ъ состояніи человѣка.

Это одно рѣшеніе вопроса объ отношеніи, существующемъ между правомъ, съ одной стороны, и государствомъ, съ другой: право существовало и раньше государства. Ученіе естественнаго права вызвало къ жизни свободу самоопредѣленія личности и, присваляетъ Локкъ, свободу проявленія личности во внѣшнемъ мірѣ. Но и свобода самоопредѣленія личности и свобода присвоенія предметовъ внѣшней природы въ интересахъ служенія личности, т.е. собственность существуютъ только въ государствѣ. Такъ какъ охранять свободу самоопредѣленія личности и принципъ неприкосновенности собственности очень трудно безъ созданія власти, которая обезпечивала бы эти драгоцѣнныя и неотъемлемыя права личности, то люди создаютъ государство, котораго прямая цѣль и главнѣйшая задача - охранять свободу самоопредѣленія личности и неприкосновенность собственности. Вотъ быть можетъ, наиболѣе ясное выраженіе основныхъ возрѣній школы естественнаго права по интересующему насъ вопросу.

Въ противоположность этому ученію по вопросу объ отношеніи между правомъ и государствомъ многими современными, по преимуществу, нѣмецкими публистами предлагается совершенно иное рѣшеніе, а именно, что никакого права нѣтъ внѣ государства, что раньше государства не могло возникнуть и право, что право

имѣетъ своимъ источникомъ государство и обязательно для всѣхъ въ томъ числѣ и для самого государства. Такъ какъ государство создаетъ право, то оно, значитъ, можетъ и отмѣнить и упразднить его и, слѣдовательно, государство въ существѣ дѣла не связано никакимъ обязательнымъ правомъ. Эта школа самозванно называетъ себя „положительной", указывая или желая этимъ показать, что ея ученіе создалось на почвѣ изученія реальныхъ, дѣйствительно существующихъ отношеній. Такое ученіе высказываютъ очень выдающіеся изъ современныхъ нѣмецкихъ писателей по государствовѣдѣнію: Борнгакъ, Зейдель, высказываетъ его Сарви и многіе другіе.

Государство, значитъ, возникаетъ раньше права и право есть созданіе государства. Государство сегодня создаетъ одно право, а завтра другое. Оно въ любой моментъ можетъ измѣнить существующее право и создать новое. Какъ, повидимому, ни оригинальна эта доктрина, но и она была высказана еще въ XVII столѣтіи писателемъ широко извѣстнымъ — Гоббсомъ, который, отправляясь отъ мысли, что въ естественномъ состояніи „человѣкъ человѣку волкъ" (homo homini lupus) и что, поэтому, естественное состояніе есть „война всѣхъ противъ всѣхъ " (bellum omnium contra omnes), выдвигаетъ положеніе, что въ интересахъ міра, въ интересахъ прекращенія этой анархіи, этой войны всѣхъ противъ всѣхъ люди рѣшили создать государство, т.е. отказались отъ всѣхъ своихъ правъ и перенесли, какъ фигурально выражается Гоббсъ, всѣ свои права на государство. Съ момента созданія государства люди уже не владѣютъ никакими правами. Всѣ права сосредоточены въ рукахъ государства. Если потомъ люди и пріобрѣтаютъ какія - нибудь права, то только потому, что государство надѣляетъ ихъ правами. Отсюда Гоббсъ послѣдовательно дѣлаетъ такой выводъ: такъ какъ всѣ права отошли къ государству, то все то, чѣмъ люди впослѣдствіи владѣютъ: свобода самоопредѣленія личности, собственность, имѣетъ своимъ источникомъ государство. Отъ государства зависитъ признаніе того, что право, и что не право: Правомъ является сегодня одно, а завтра другое. Отъ государства зависитъ созданіе собственности, признаніе собственности за тѣмъ, или другимъ лицомъ.

Какъ ни странна эта доктрина, тѣмъ не менѣе нужно сказать, что въ ней до нѣкоторой степени отразилась англійская, доселѣ

держашаяся точка зрѣнія на всемогущество парламента. Эта англійская точка зрѣнія заключается въ томъ, что парламентъ подъ которымъ англичане разумѣютъ совокупность нижней палаты, палаты лордовъ и короля, какъ начала, конца и главы парламента, можетъ сдѣлать все: онъ не можетъ только обратить мужчину въ женшину и женшину сдѣлать мужчиной, т.е. все что лежитъ въ предѣлахъ физической возможности, что не противорѣчитъ законамъ природы можетъ быть сдѣлано парламентомъ, понимаемымъ въ смыслѣ совокупности короля, палаты лордовъ и палаты общинъ, являюшимся субъектомъ верховной власти въ англійскомъ государствѣ.Эта верховная власть можетъ все сдѣлать, все измѣнить. Въ Англіи нѣтъ различія между конституціонными и обыкновенными законами, и обычно правовая англійская конституція не знаетъ ничего подобнаго постановленіямъ другихъ конституцій о томъ, что конституціонные законы измѣняются и издаются особымъ порядкомъ, отличнымъ отъ порядка измѣненій и изданія обыкновенныхъ законовъ, что для измѣненія или изданія конституціоннаго закона необходимо или переизбраніе палатъ,или квалифицированное большинство,или соединенное засѣданіе двухъ палатъ, или та или иная комбинація этихъ и другихъ условій. Въ Англіи и конституціонные и обыкновенные законы проходятъ въ одинаковомъ порядкѣ. Такимъ образомъ, англійская точка зрѣнія это - то, что верховная власть,неограничена, она создаетъ право и право отмѣняетъ. И эта точка зрѣнія, можно сказать,хорошо усвоена современными нѣмецкими писателями, которые, какъ напримѣръ, Борнгак, говорятъ о всемогуществѣ государства, которое создаетъ нормы права,обязательныя для всѣхъ подданныхъ его, но необязательныя для самого государства.

Вотъ двѣ совершенно противоположныя точки зрѣнія на разсматриваемый вопросъ.

Но этого мало. Среди нѣмецкихъ публицистовъ существуетъ школа, которая говоритъ, что государство дѣйствительно есть источникъ права,но это право имъ созданное, для государства - обязательно. Почему же оно обязательно? А благодаря тому, что само государство обращается къ ограниченію своей власти. Это-теорія такъ называемаго самоограниченія государства. Какая же цѣль у государства ограничивать свою власть? Іеллинекъ отвѣчаетъ: это ограниченіе совершается въ интересахъ самоустойчивости государства. Ограниченная власть болѣе устойчива, нежели власть неограниченная.Изъ страха потерять все, государство согласно настаивать на немногомъ и признать обязательнымъ для себя нѣкоторыя

изданныя имъ нормы, и прежде всего, нормы конституціонныя, т.е. тѣ, которыя представляютъ собою гарантіи для личной свободы, для свободы самоопредѣленія личности. Наиболѣе оффиціальнымъ, наиболѣе классическимъ представителемъ этой теоріи/ является Іеллинекъ.

4) Но есть и четвертое рѣшеніе вопроса объ отношеніи между правомъ и государствомъ, къ которому я причисляю и себя. Право и государство одинаково вызваны къ жизни необходимостью сохранить тѣ общежительные союзы, жизнь и дальнѣйшее развитіе которыхъ возможны только подъ условіемъ признанія общественной солидарности. И право и государство въ своемъ источникѣ отвѣчаютъ требованіямъ общественной солидарности. Они только потому и возникли, что ихъ возникновеніе требовалось общественной солидарностью. Требованія общественной солидарности были причиной того, что право возникло еще до государства въ такихъ общежительныхъ союзахъ, какими являются родъ или соединеніе родовъ въ племя или соединеніе племени въ еще болѣе сложную организацію, и для государства право, ранѣе его возникшее, является несомнѣнно обязательнымъ.

Итакъ, число теорій, существующихъ по вопросу объ отношеніи права къ государству, можно свести, по крайней мѣрѣ, къ четыремъ.

Но и между представителями этихъ четырехъ, весьма рѣзко отличающихся другъ отъ друга, доктринъ можно встрѣтить много разномыслія. Въ частности, между представителями четвертой доктрины существуетъ существенное различіе въ точкѣ зрѣнія проводимой Дюги, и той точкой зрѣнія, которую провожу я вмѣстѣ съ сравнительно-историками права и вообще всѣми тѣми, кто кладетъ въ въ основу изученія государства знакомство съ соціологіей.

Я познакомлю Васъ, прежде всего, съ той точкой зрѣнія по вопросу объ отношеніи между правомъ и государствомъ, которая явилась результатомъ историко-сравнительнаго изученія права, а затѣмъ мы познакомимся съ каждой изъ вышеизложенныхъ доктринъ: доктриной, отстаивающей пріоритетъ права надъ государствомъ, доктриной, которая говоритъ, что сперва возникаетъ государство и право существуетъ только въ государствѣ и въ немъ имѣетъ свой источникъ и, наконецъ, съ доктриной, именуемой теоріей самоограниченія государства.

Вопрос объ отношеніи между правомъ и государствомъ съ точки зрѣнія сравнительно-историческаго изученія учрежденій.

II.

Въ самыхъ общихъ чертахъ я постараюсь теперь показать, какъ обстоитъ дѣло съ вопросомъ объ отношеніи между правомъ и государствомъ съ точки зрѣнія сравнительно-историческаго изученія учрежденій.

Государство далеко не является ни древнѣйшимъ ни наиболѣе распространеннымъ союзомъ людей между собой. Ему предшествуетъ по времени иные порядки общежитія. Большинство странъ міра столѣтіе назадъ не знало государства въ смыслѣ національнаго союза, а многіе народы и доселѣ живутъ родовымъ или племен - нымъ устройствомъ, самое большее братствами постоянными или временными между этими родами и племенами. Не подлежитъ сомнѣнію что въ то время, когда писалъ Геродотъ, отецъ исторіи, большинство народовъ не знало государства. Но это еще не значитъ, что не существуетъ никакого общежитія на этой стадіи историческаго развитія, какъ нельзя сказать, что тѣ народы, которые живутъ государственнымъ порядкомъ, живутъ своей первой общежительной формой.

Сравнительно-историческое изученіе учрежденій различныхъ народовъ выяснило, что существуютъ такіе порядки общежитія, которые предшествуютъ государству и для которыхъ употребляется терминъ „родовые союзы", т.е. существуютъ такіе порядки общежитія, которые опираются на идею дѣйствительнаго или мнимаго родства всѣхъ лицъ или совокупности людей, входящихъ въ составъ этого союза. Сравнительная этнографія выяснила, что и родовые порядки не могутъ считаться первыми по времени формами общежитія. Существуютъ еще союзы, объединенные культомъ одного и того же животнаго или растенія, и такъ какъ это животное или растеніе, признаваемое предметомъ культа, слыветъ тотэмой, то такіе союзы носятъ названіе „тотэмистическіе союзы." Можно пойти еще дальше и толковать о томъ, что и тотэмистическіе союзы не являются первой по времени формой общежитія. Дѣло въ томъ, что есть предположеніе что всѣ указанныя формы не могутъ считаться древнѣйшими и что имъ предшествуютъ порядки, для обозначенія которыхъ употребляютъ терминъ „стадныя соединенія."

Какъ бы то ни было, во всякомъ случаѣ, нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что существовали и существуютъ общежительные союзы, возникшіе ранѣе государства. Одни народы не

пошли далѣе родового союза, а нѣкоторые не поднялись даже и до родового союза, и живутъ формой общежитія, называемой тотэмистическимъ союзомъ. Слѣдовательно, существуютъ порядки, не имѣющіе ничего общаго съ государствомъ и тѣмъ не менѣе отвѣчающіе представленію объ общежитіи: въ нихъ имѣется уже нѣкоторая организація, зарождаются уже нѣкоторыя нормы права. Не выдѣляя того или другого общежительнаго союза изъ среды союзовъ, существовавшихъ до государства, можно сказать, что всѣмъ имъ присущи извѣстныя нормы права.

Для того, чтобы доказать это, нужно прибѣгнуть къ единственно научному средству, къ методу индуктивно-дедуктивному. Обратите вниманіе на такой фактъ: въ родовыхъ союзахъ считается высшей степени похвальнымъ присвоеніе чужого, если этотъ чужой состоитъ членомъ не одного съ похитителями рода; и, наоборотъ, похищеніе, сдѣланное у члена одного сообщества съ похитителями считается дѣйствіемъ недозволеннымъ. Убійство человѣка, не принадлежащаго къ одному роду съ убійцой, считается дѣйствіемъ въ высокой степени похвальнымъ, а убійство человѣка, принадлежащаго къ одному роду съ убійцей, есть дѣйствіе недозволенное и рѣзко осуждаемое. Изъ быта краснокожихъ, изъ быта австралійскихъ дикарей,, и-что всего важнѣе для насъ - изъ быта тѣхъ племенъ, наслѣдники которыхъ положили основаніе современнымъ государствамъ Европы, мы черпаемъ обильный матеріалъ для того, чтобы судить объ этихъ началахъ права. Извѣстно, что родовая месть принадлежитъ къ числу самыхъ крайнихъ средствъ возмездія за совершеніе недозволенныхъ поступковъ. Но лишь въ моментъ зарожденія государства еще сохраняются нѣкоторые слѣды порядковъ кровавой мести. Уже въ раннихъ англосаксонскихъ законахъ предписывается, что за убійство короля долженъ взиматься выкупъ, причемъ за убійство короля взимается нѣсколько большій выкупъ, чѣмъ за убійство его подданныхъ, такъ какъ онъ принадлежитъ къ болѣе знатному роду, чѣмъ всѣ его подданные, ведущіе свое начало отъ другихъ родовъ. Государство на первыхъ порахъ вынуждено считаться съ институтомъ родовой мести, замѣняя его выкупомъ. Поэтому, если мы обратимся къ источникамъ древняго права, возьмемъ ли мы Салическій законъ, Правду рипуарскихъ франковъ, Саксонское Зерцало и т.д. или Русскую Правду, мы постоянно во всѣхъ этихъ

памятникахъ будемъ имѣть дѣло съ послѣдствіями кровной мести, отъ которыхъ можно избавиться только производствомъ извѣстнаго платежа, который носитъ названіе композиціи, виры, выкупа и т.д.

Если мы отъ эпохи возникновенія государствъ путемъ объединенія родовъ, поднимемся въ болѣе отдаленныя эпохи, когда существуютъ родовые союзы, не вошедшіе въ составъ государства, то мы здѣсь встрѣтимся съ обязанностью родового возмездія. Тотъ кто не отомстилъ за преступленіе, за насильственное дѣйствіе, причиненное члену его рода, будетъ ли этимъ дѣйствіемъ убійство, покушеніе или присвоеніе чужой собственности, тотъ считается опозореннымъ, неисполнившимъ своихъ обязательствъ по отношенію къ членамъ одного съ нимъ сообщества. Только тотъ, кто въ состояніи запальчивости или раздраженія убилъ своего родственника, нанесъ ему рану или присвоилъ его собственность, считался совершившимъ недозволенное дѣйствіе. Такимъ образомъ, съ самаго начала устанавливается представленіе о дозволенномъ и недозволенномъ.

Убійца родственника обыкновенно изгоняется изъ родственной среды въ качествѣ нарушителя мира. Отсюда-кавказское абречество. Если убійца принадлежитъ къ чужому роду и если кровомщеніе прекращается, то прекращается оно въ большинствѣ случаевъ, на условіяхъ, которыя сразу показываютъ, что наступилъ конецъ враждебнымъ отношеніямъ между родами. Оно прекращается, напримѣръ, путемъ усыновленія лица, совершившаго недозволенное дѣйствіе. Убійца покидаетъ свой родъ и вступаетъ въ составъ обиженнаго имъ рода, замѣняя, такимъ образомъ, члена, потерянаго этимъ родомъ, благодаря его убійству. Пріемъ лица, совершившаго недозволенное дѣйствіе, въ члены рода, по отношенію къ которому онъ это дѣйствіе совершилъ, часто сопровождается выполненіемъ извѣстныхъ символическихъ дѣйствій. Изъ за убійства одного члена даннаго рода, между потерпѣвшимъ родомъ и тѣмъ, къ числу членовъ котораго принадлежитъ убійца, возникаетъ ожесточенная и длительная борьба, въ которой одинъ родъ мститъ другому. Эта борьба продолжается до тѣхъ поръ, пока роды не приходятъ въ тѣ сознаніе, что необходимо родовую месть прекратить. Тогда собираются старѣйшины родовъ, совѣщаются между собой о количествѣ воловъ , быковъ и т.д., которое одинъ родъ

долженъ выставить другому для замиренія. Рядомъ съ этимъ и послѣ этого платежа долженъ произойти актъ примиренія, который принимаетъ иногда такой характеръ. Съ обнаженной головой и обнаженной грудью является убійца къ представителямъ оскорбленнаго рода и отдаетъ себя въ ихъ власть. Затѣмъ тоже съ обнаженной грудью выходитъ женщина, принадлежащая къ членамъ потерпѣвшаго рода, не рѣдко мать жертвы. Убійца прикасается къ сосцамъ этой женщины и этимъ самимъ символически передается та мысль, что убійца вступаетъ въ положеніе вскормленнаго ею, т.е. становится ея сыномъ. Съ этого момента онъ дѣлается членомъ того рода, который пострадалъ отъ его дѣянія.

Въ другихъ союзахъ сохранился такого рода порядокъ: учинившій кровопролитіе надъ членомъ своего рода не выгоняется изъ родственной среды, но вынужденъ жить особнякомъ. Такихъ лицъ заставляютъ носить извѣстные знаки, напримѣръ, ожерелья изъ камней, чтобы ихъ можно было въ любой моментъ узнать и тѣмъ предотвратить съ ними всякія сношенія.

Если отъ этихъ порядковъ, которые мы встрѣчаемъ у современныхъ варварскихъ, что ли, народовъ, мы обратимся къ тѣмъ даннымъ этнографическаго характера, которыя даются писателями древности или писателями, описывавшими бытъ позднѣйшихъ народовъ (напр. германцевъ), то мы среди этихъ данныхъ встрѣтимъ упоминаніе о человѣкѣ, носящемъ названіе vargus, который, какъ волкъ рыщетъ безъ всякаго пристанища. Это-человѣкъ, нарушившій тотъ миръ, который является необходимымъ условіемъ спокойнаго сожительства родственниковъ. Его нельзя убить въ отмщеніе, потому что это значило бы пролить родственную кровь, поэтому его заставляютъ оставить тотъ родовой союзъ, въ которомъ онъ явился на свѣтъ Божій и искать себѣ иного пристанища. Такимъ образомъ, очень рано возникаетъ представленіе о дозволенныхъ и недозволенныхъ дѣяніяхъ.

Сходныя съ выше очерченными представленія долгое время держатся даже въ государствѣ. Плутархъ свидѣтельствуетъ, что спартанцы имѣютъ школы, въ которыхъ спартанская молодежь обучается воровству, такъ какъ считается похвальнымъ присвоеніе чужой собственности, при чемъ воровство по отношенію къ родственникамъ считается въ высшей степени преступнымъ.

Слѣдовательно, раньше возникновенія государства въ не-

тересахъ устойчивости общежительнаго союза, т.е. въ интересахъ общественной солидарности возникаютъ уже извѣстныя нормы, регулирующія поведеніе отдѣльныхъ лицъ, входящихъ въ составъ этихъ союзовъ. Эти нормы признаютъ однѣ дѣйствія, какъ несогласныя съ требованіями общественной солидарности, недозволенными, а другія дѣйствія, наоборотъ, дозволенными. Первоначально общественная солидарность не выходитъ за предѣлы замиренной среды, какой является родъ. Тѣ дѣйствія, которыя несогласны съ устойчивостью родового союза, съ его дальнѣйшимъ существованіемъ, которыя несогласны съ началами общественной солидарности, осуждаются, другія же, напротивъ, поощряются. Значитъ есть извѣстныя нормы, нормы права, регулирующія требованія общественной солидарности, предъявляемыя всѣмъ союзомъ по отношенію къ его членамъ. Слѣдовательно, право зарождается въ сферѣ общественныхъ союзовъ, которые предшествуютъ возникновенію государства.

Подобно родамъ, и общины имѣютъ свое право; иначе нельзя было бы объяснить причинъ, по которымъ къ пользованію ихъ нераздѣльнымъ достояніемъ допускаются только семьи, поселенныя въ предѣлахъ ихъ соотвѣтственныхъ районовъ. Помѣстье или феодъ, какъ и гильдейская или цеховая корпорація, также не обходятся безъ нормъ, регулирующихъ ихъ внутреннюю жизнь и обязательныхъ для ихъ членовъ. Такими нормами поддерживается, напримѣръ, надѣльная система, право крестьянскаго двора на участіе въ эксплуатаціи помѣстной земли, право гильдейскаго или цехового собрата на помощь и поддержку всего сообщества личными услугами и безвозмездной ссудой. Помѣстья и гильдіи возможны и внѣ предѣловъ національнаго государства, при той слабой связи, какую предполагаетъ существованіе полуавтономныхъ феодальныхъ тѣлъ и вполнѣ или на половину, самостоятельныхъ городскихъ округовъ. Какъ утверждать послѣ этого, какъ это дѣлалъ еще Гоббсъ и какъ продолжаютъ повторять это до нашихъ дней многіе нѣмецкіе публицисты, что государство создаетъ право и что послѣднее не мыслимо до и внѣ тѣснаго союза съ ними? Чтобы спасти такое положеніе отъ критики, Іеллинеку приходится прибѣгнуть въ своемъ "Правѣ современнаго государства" къ совершенно произвольному отождествленію съ государственнымъ сообществомъ всякаго рода политическихъ союзовъ, до рода включительно.*) Не говоря уже

*) Iellinek. Das Recht des modernen Staates. стр. 329.

о томъ, что такое сближеніе противорѣчитъ фактамъ исторіи и дѣйствительности, какой другой выводъ можно дѣлать изъ него, кромѣ слѣдующаго: право встрѣчается всюду, гдѣ есть общежитіе, какую бы форму не принимало послѣднее.

Забота о сохраненіи первоначальныхъ общественныхъ группъ объясняетъ намъ древнѣйшій источникъ возникновенія такихъ нормъ, какъ запрещеніе вступать въ бракъ съ единородцами, или воздерживаться отъ мести и выкуповъ въ случаѣ преступленій, совершенныхъ въ родственной средѣ. Сказать, что такія нормы отвѣчаютъ требованіямъ разума и потому должны считаться естественнымъ правомъ, предшествующимъ возникновенію среди людей какихъ бы то ни было общежительныхъ группъ и такъ сказать насажденныхъ въ нихъ Богомъ или природой, а этому учили родоначальники доктрины естественнаго права, мы, разумѣется, не имѣемъ никакого основанія. Очевидно, что въ захватномъ способѣ пользованія, съ котораго начинается земельная аппропріація, мы также мало имѣемъ дѣло съ проведеніемъ въ жизнь велѣній разума, какими въ концѣ концовъ считаются нормы естественнаго закона, какъ и въ правѣ убить въ отмщеніе обиды перваго встрѣчнаго изъ среды чужого, отнюдь, однако, не своего рода. Но всѣ такія нормы, несомнѣнно, отвѣчаютъ тому представленію о силѣ или мощи, какъ регулирующей собой первоначальныя отношенія людей, которое задолго до Іеринга, признаваемо было еще Спинозою исходнымъ моментомъ въ развитіи всякаго права. *) Но въ чемъ Спиноза такъ же ошибается какъ и Іерингъ, это въ томъ, что будто бы одна эта сила, помимо всякаго соображенія интересовъ общежитія, обусловливаетъ собою характеръ древнѣйшихъ нормъ права. Почему захватное пользованіе не можетъ выходить за предѣлы извѣстнаго района, подчиненнаго роду, безъ того, чтобы не сдѣлаться поводомъ къ междоусобіи? Почему присвоеніе чужого, признаваемое похвальнымъ, разъ дѣло идетъ о человѣкѣ, стоящемъ внѣ родового общенія, считается, наоборотъ, предосудительнымъ въ его границахъ? Очевидно, потому, что въ первыхъ двухъ случаяхъ нѣтъ опасности для цѣлости

---

*) Въ „Трактатѣ богословско-политическомъ", глава XVI. Спиноза говоритъ: „не здравый разумъ опредѣляетъ для каждаго его естественное право, а размѣръ его мощи и сила его аппетитовъ".

союза, а въ двухъ послѣднихъ существуетъ такая опасность. А отсюда возможенъ только тотъ выводъ, что право съ самаго начала предполагало подчиненіе силъ интересамъ общественной солидарности. Мы, такимъ образомъ, подошли къ тому рѣшенію, на которомъ останавливается современная соціологія полагающая, что въ правѣ надо видѣть не болѣе и не менѣе, какъ нормы, ставящія себѣ цѣлью поддержаніе и развитіе этой солидарности. Такія нормы встрѣчаются съ самаго момента возникновенія общежитія; внѣ его нѣтъ права и оно зарождается вмѣстѣ съ нимъ.

Опредѣляя болѣе точно содержаніе того понятія, которое скрывается за терминами „общественная солидарность", „требованія общежитія", „подчиненіе личности интересамъ союза", мы необходимо приходимъ къ признанію того правила, что въ мірѣ общества, какъ и въ мірѣ органической и неорганической природы, сказывается съ самаго начала дѣйствіе закона затраты наименьшаго количества энергіи въ интересахъ достиженія наибольшихъ результатовъ. На той стадіи общественнаго развитія, при которой весь міръ, лежащій внѣ предѣловъ стаднаго соединенія, изъ котораго со временемъ развивается сперва матеріьскій, а затѣмъ патріархальный родъ, законъ наименьшихъ затратъ требуетъ отъ каждаго члена сообщества отказа отъ пользованія своею мощью въ предѣлахъ союза. Отсюда запретъ частнаго присвоенія и женъ и имуществъ; отсюда первоначальный родовой коммунизмъ и возникновеніе одного изъ самыхъ распространенныхъ въ мірѣ правилъ, такъ называемой экзогаміи, или возможности постояннаго сожительства, только съ чужеродкой. Всѣ эти нормы, которыми обусловливаются отношенія начальствованія и подчиненія въ предѣлахъ первичныхъ союзовъ, положеніе вождя, какъ перваго между равными, и отсутствіе всякихъ различій между лицами, ему подчиненными, оказываются, при болѣе внимательномъ къ нимъ отношеніи, частными проявленіями того же закона сохраненія энергіи. По причинѣ невозможности пропитать большую группу людей при условіяхъ охотническаго и рыболовнаго хозяйства, первыя стадныя соединенія очевидно имѣютъ численно ограниченный личный составъ. Но чтобы обезопасить свое существованіе отъ всюду окружающихъ ихъ враговъ, членамъ ихъ необходимо настолько сблизиться между собой, чтобы сдѣлаться единымъ тѣломъ и единымъ духомъ. Но это мыслимо только подъ условіемъ общности интересовъ, которому противорѣчило бы всякое различіе во вліяніи и власти, помимо того, какое предполагаетъ подчиненіе об-

шему руководительству. Отсюда равенство въ правахъ и обязанностяхъ, связывающихъ между собой не однихъ живущихъ, но также послѣднихъ съ усопшими. Совершеніе поминокъ, отмщеніе обидъ въ третьемъ, четвертомъ и т.д. поколѣніяхъ въ такой же мѣрѣ входятъ въ составъ установленныхъ обычаемъ обязательныхъ нормъ, какъ и правила, руководящія выборомъ невѣсты или размѣры личнаго имущественнаго пользованія. Итакъ особенность первоначальныхъ общественныхъ союзовъ составляетъ, въ отличіе отъ позднѣйшихъ, равенство въ солидарности.

На родовой ступени общежитія это равенство уже терпитъ нѣкоторыя ограниченія, благодаря естественному раздѣленію труда между болѣе слабымъ поломъ и болѣе сильнымъ, а при доместикаціи животныхъ - между владѣльцами большаго или меньшаго количества скота. Военный бытъ, въ свою очередь, открывая возможность не быстро истребляемой добычи, какой являются продукты охоты и рыболовства, создаетъ новое основаніе къ неравенству, въ присвоеніи большаго или меньшаго числа оставляемыхъ въ живыхъ рабовъ и невольницъ, а желаніе утилизировать ихъ трудъ вызываетъ необходимость расширить предѣлъ земельнаго пользованія за границу удовлетворенія неотложныхъ потребностей. Такимъ образомъ, рука объ руку возникаютъ неравенство и раздѣленіе труда, неравенство мужчинъ и женщинъ и присвоеніе первыми военныхъ, а вторыми - хозяйственныхъ функцій,*) неравенство владѣльцевъ и не-владѣльцевъ, все равно, будетъ ли предметомъ обладанія скотъ, рабы, земля, и соотвѣтственно - обособленіе занятій пахарей и пастуховъ отъ тѣхъ, природу которыхъ составляетъ начальствованіе и хозяйственное руководительство. Мы стоимъ на самомъ рубежѣ перехода отъ недифференцированныхъ группъ людей къ такимъ, въ которыхъ произошла вмѣстѣ съ дифференціаціей и интеграція извѣстныхъ функцій. Въ нихъ тотъ же законъ сохраненія энергіи потребуетъ связаннаго съ раздѣленіемъ труда неравенства, но лишь въ тѣхъ предѣлахъ, въ которыхъ это неравенство не вредитъ еще общественному единству, общественной солидарности. Отсюда такія, напримѣръ, нормы, какъ запрещеніе обращать въ рабство единородцевъ

---

*) Напомню свидѣтельство Цезаря о свевахъ и, вообще, о германцахъ, жившихъ въ его время родовымъ устройствомъ.

и свобода индивидуальныхъ присвоеній лишь подъ условіемъ сохраненія того правила, о которомъ говоритъ Локкъ, правила, что аппропріація не должна служить препятствіемъ къ присвоенію равнаго числа равнокачественныхъ предметовъ и любымъ изъ членовъ сообщества. Локкъ высказывалъ это правило, какъ отвлеченное требованіе, но сравнительная этнографія и исторія права дала намъ возможность ознакомиться съ тѣми выраженіями, какія оно нашло на практикѣ. Захватное пользованіе въ предѣлахъ родового района оканчивается тамъ, гдѣ новое присвоеніе грозитъ сдѣлать невозможнымъ утилизацію каждымъ родовымъ имущества въ границахъ его дѣйствительныхъ потребностей. Отсюда неизбѣжный переходъ, въ концѣ концовъ, отъ этого вида пользованія къ болѣе или менѣе уравнительному передѣлу, примѣръ чего представляетъ намъ русская дѣйствительность и русское недавнее прошлое.*)

Не мудрено, если при такихъ условіяхъ право, какъ совокупность нормъ, проводящихъ требованіе общественной солидарности, на родовой ступени общежитія уже проводитъ идею равенства только въ примѣненіи къ тѣмъ категоріямъ и группамъ, образованіе которыхъ было вызвано потребностью въ раздѣленіи труда. Возникаетъ общій обычай, регулирующій порядокъ подчиненія женщинъ мужчинамъ, рабовъ хозяевамъ, кліентовъ патронамъ, съемщиковъ скота его владѣльцамъ, съемщиковъ земли ея собственникамъ. Но проводимое правомъ неравенство еще относительное. Оно не исключаетъ возможности одинаковой защиты обшихъ всѣмъ группамъ интересовъ, интересовъ сохраненія жизни членовъ. Отсюда сравнительно поздно развивающееся различіе въ высотѣ выкуповъ за убійство и раненіе.**) Сказанному не противорѣчитъ то, что выкупъ за ра-

---

*) Говоря это, я имѣю въ виду судьбы захватнаго пользованія въ Сибири въ наши дни и исторію его постепеннаго исчезновенія въ Южной Россіи въ средѣ казаковъ донскихъ, черноморскихъ, кубанскихъ и уральскихъ.

**) Оно хорошо извѣстно, напр., лицамъ знакомымъ съ „Русской Правдой".

ба всегда ниже, чѣмъ за свободнаго: вѣдь рабъ, по природѣ своей - чужеродецъ, и на него, слѣдовательно, не распространяются нормы защиты, доставляемыя родомъ его членамъ. Съ этимъ согласно первоначальное отношеніе родового обычая къ убійству раба, какъ къ пропажѣ имущества, возмѣщаемаго хозяину равноцѣннымъ предметомъ.

Мы не продолжимъ нашей попытки показать постепенный ростъ права въ тѣсномъ союзѣ съ требованіями смѣняющихся формъ общежитія и всегда въ направленіи, указанномъ закономъ сохраненія энергіи. Иначе намъ пришлось бы, по отношенію къ общинѣ и помѣстью, какъ и по отношенію къ такимъ корпораціямъ, какъ общежительныя братства, торговыя гильдіи и ремесленные цехи, наконецъ, къ кастамъ, сословіямъ и классамъ, приложить тотъ же методъ обобщенія отъ фактовъ дѣйствительности, къ какому мы прибѣгли въ отношеніи къ первоначальнымъ стаднымъ соединеніямъ людей и къ родовымъ сообществамъ. Наша задача значительно осложнилась бы отъ того, что въ общинѣ, корпораціи и сословіи трудно выдѣлить сторону самостоятельнаго развитія и то, что привнесено въ него параллельной эволюціей государства, все равно, идетъ ли рѣчь о государствѣ феодальномъ, городскомъ или національномъ. Но разъ мы показали на примѣрѣ несомнѣнно возникающихъ ранѣе государства союзовъ тѣсную связь между интересами сохраненія и развитія общественнаго единенія и нормами права, мы считаемъ себя вправѣ признать обоснованнымъ этотъ взглядъ, что право, независимо отъ государства вызывается къ жизни потребностями общественной солидарности и развивается по линіи наименьшаго сопротивленія, въ полномъ согласіи съ общимъ закономъ сохраненія энергіи.

Спрашивается теперь, въ какое отношеніе становится государство къ праву. Оно, очевидно, не создаетъ его, такъ какъ послѣднее, какъ мы видѣли, зарождается съ первыми формами человѣческаго общежитія, предшествующими по времени всякому государству. Но государство не можетъ быть также построено и на отрицаніи права, такъ какъ послѣднее, какъ мы показали, открываетъ обществу возможность самосохраненія при наименьшихъ пожертвованіяхъ, и, возставая противъ права, государство, по этому самому, принимало бы мѣры противъ собственнаго существованія, какъ общежительнаго союза. Но если оно не создаетъ и не отрицаетъ права, то

ему нѣтъ другого выбора, какъ признать его, что оно и дѣлаетъ въ формѣ проводимыхъ имъ положительныхъ нормъ.

§8. Ученіе Дюги.

Рѣшеніе, даваемое мною вопросу объ отношеніи государства и права, въ общемъ сходится, какъ я сейчасъ покажу, съ тою точкою зрѣнія, какая высказана по этому вопросу въ новѣйшее время Дюги. Но это сходство ограничивается только общностью исходнаго пункта, одинаковымъ признаніемъ нами обоими, что въ требованіяхъ всякаго общежитія, т.е. въ общественной солидарности надо искать источникъ и права, и государства. Аргументація же мною даваемая, какъ орудующая результатами сравнительной этнографіи и сравнительной исторіи права, и, слѣдовательно, опирающаяся на методъ обратной дедукціи, методъ индуктивно-дедуктивный, расходится съ тою, какую даетъ намъ бордосскій профессоръ, придерживающійся все время, какъ мы сейчасъ покажемъ, чистой дедукціи. Пользуясь работами Зиммеля и Дюркгейма, Дюги старается провести тотъ взглядъ, что нѣтъ коллективнаго интереса, противоположнаго индивидуальному, и что коллективный интересъ не болѣе, какъ сумма интересовъ индивидуальныхъ. Соціализація возрастаетъ, пишетъ онъ, въ прямомъ отношеніи къ раздѣленію труда, но раздѣленіе труда само развивается пропорціонально его индивидуализаціи. Отсюда и слѣдуетъ, по мнѣнію Дюги, что соціализація и индивидуализація не исключаютъ другъ друга, а порождаются одна другой.*)

Моя точка зрѣнія, очевидно, расходится съ только что приведенной, такъ какъ для меня ясно, что требованіе общественнаго самосохраненія предполагаетъ отказъ индивида отъ безграничнаго пользованія своей мощью. Можно сказать, разумѣется, что въ интересахъ самосохраненія человѣкъ хорошо сдѣлаетъ, не истощая своихъ силъ, но здѣсь мы имѣли бы уже дѣло съ вопросомъ о пользѣ самоограниченія личныхъ аппетитовъ, вопросъ, очевидно, отличный отъ того, какой представляетъ подчиненіе силы праву, т.е. лич-

*) D u g u i t . L'Etat, le droit objectif et la loi positive.

ной мощи сознанію интересовъ всего общежитія. Это не мѣшаетъ тому, что оба мы - Дюги и я - сходимся въ признаніи, что общественная солидарность и въ періодъ, предшествующій раздѣленію труда, и въ періодъ слѣдующій занимъ, является основой права или правовой нормы, rege de droit, какъ выражается Дюги. Вслѣдъ за Зиммелемъ и Дюркгеймомъ, Дюги справедливо говоритъ, что солидарность, носившая на первыхъ порахъ характеръ чего то самопроизвольнаго, инстинктивнаго, сдѣлалась сознательной съ момента, когда дифференціація и интеграція общественныхъ функцій, вызвали обособленіе отдѣльныхъ категорій труда.*) Признавая вслѣдъ за Дюркгеймомъ и заодно съ сравнительными этнографами нашего времени, что стадное соединеніе, или, какъ онъ выражается, орда **), должно быть признано древнѣйшею формою общежитія, Дюги приступаетъ къ доказательству своей мысли, что соціализація идетъ рука объ руку съ индивидуализаціей лишь съ момента возникновенія города. Въ противность Фюстель де Куланжу, онъ не допускаетъ мысли о поглощеніи индивида древней городской гражданственностью. Никогда, пишетъ онъ, свободная воля не проявляла себя такъ часто: вѣдь вся греческая философія отправляется отъ автономіи индивидуальнаго сознанія. Поэтому, если присмотрѣться ближе къ дѣлу, оказывается, что греческая свобода не довольствовалась однимъ участіемъ въ пользованіи политической властью, но была одновременно свободою индивидуальныхъ волей. Фюстель принялъ одно за другое: онъ принялъ сходство индивидуальныхъ сознаній за подчиненіе ихъ волѣ государства. Предполагаемое имъ насиліе города-государства надъ индивидуальными волями, въ сущности объясняется тѣмъ, что всѣ эти воли, оставаясь свободными, въ то же время имѣли равное содержаніе. Дифференціація общественныхъ функцій и солидарность, опирающаяся на раздѣленіи труда, по мнѣнію Дюркгейма, появилась всего ранѣе въ нѣкоторыхъ завоевательныхъ и торговыхъ городахъ древности, какими надо считать, помимо греческихъ еще Римъ и

---

*) См.стр.52.

**) Термина этого я тщательно избѣгаю, боясь смѣшенія съ историческимъ понятіемъ орды, т.е. довольно сложной общественной организаціи, далеко не составленной изъ однородныхъ элементовъ, организаціи, какою орда является у татаръ со временъ Чингис-Хана и Батыя, и, по всей вѣроятности, и многими вѣками ранѣе.

Карфагенъ.*) Совпаденіе интересовъ любого индивида съ интересами всего сообщества, которое мнѣ лично кажется далеко не доказаннымъ, служитъ для Дюги отправнымъ пунктомъ для всей его дальнѣйшей теоріи. На стр.81 онъ пишетъ: „Противуположенія индивидуальнаго коллективному не отвѣчаетъ дѣйствительности. Истина лежитъ въ сліяніи ихъ въ одно цѣлое, которымъ и является человѣкъ - ce tout est l'homme meme. Какое заключеніе можно извлечь изъ этого для нашего руководства въ жизни? Относится ли человѣкъ сознательно или безсознательно къ тѣмъ правиламъ поведенія, которыя вытекаютъ изъ этой истины? Имѣютъ ли эти правила какую нибудь санкцію и какова послѣдняя? Таковы вопросы, которые ставятся всѣмъ соціальнымъ наукамъ и должны быть рѣшены ими. Всѣ прочія проблемы остаются открытыми, пока не будетъ дано отвѣта на эти вопросы. Будутъ ли они экономическими или юридическими, они одинаково сводятся, въ концѣ концовъ, къ вопросу о правилахъ, или вѣрнѣе о правилѣ нашего поведенія. Это правило, очевидно чисто нравственнаго характера, должно управлять волями и поступками людей и имѣетъ дѣло только съ сознательными актами. Его можно называть закономъ, но не въ смыслѣ законовъ физическаго міра, которые всѣ являются законами причинности, тогда какъ имъ ставится вопросъ не о причинности, а о цѣлесообразности. И говоря это, Дюги только повторяетъ одно изъ облюбованныхъ положеній нѣмецкой нравственной юридической философіи, мысль общую Іеллинеку съ Іерингомъ и Вундтомъ. Онъ останавливается затѣмъ на развитіи той мысли, что законъ, имѣемый имъ въ виду, относится только къ сознательнымъ волевымъ актамъ, нашедшимъ себѣ выраженіе въ дѣйствіи. При какихъ условіяхъ, спрашиваетъ онъ, индивидуальный волевой актъ пріобрѣтаетъ общественное значеніе? Только тогда, говоритъ Дюги, когда онъ отвѣчаетъ общественной солидарности. Въ этомъ случаѣ для всѣхъ существуетъ обязанность ничѣмъ не препятствовать, а наоборотъ, содѣйствовать реализаціи такой индивидуальной воли. Она прямо вытекаетъ изъ той солидарности, которая связываетъ насъ съ ближними. Человѣкъ не можетъ сохранить своего существованія внѣ такой солидарности; только при ней онъ способенъ уменьшить сумму своихъ страданій. Поэтому, всякій актъ индивидуальной воли, клонящійся къ реализаціи общественной солидарности, необходимо долженъ вызвать уваженіе и признаніе. И такъ - первое правило поведенія - уважать вся-

*) Ibid. стр. 68.

кій актъ индивидуальной воли, преслѣдующій цѣли общественной солидарности. Въ болѣе или менѣе сознательномъ, или наоборотъ, смутномъ видѣ, это правило встрѣчается на всѣхъ ступеняхъ общественнаго развитія. Этнографическія и соціологическія изслѣдованія доказываютъ это вполнѣ; Дюги не говоритъ, какъ именно, но я полагаю, что изъ того немногаго, что сказано было мною выше, необходимо слѣдуетъ, что правила поведенія индивидовъ уже на низшихъ ступеняхъ общественности построены на подчиненіи интересамъ цѣлаго. Второе правило поведенія, непосредственно вытекающее изъ перваго, - что никто не долженъ совершать дѣйствія, преслѣдующія цѣли, не отвѣчающія общественной солидарности, или противныя ей. Остановилось ли на этомъ развитіе человѣческаго сознанія или въ него проникло и третье правило: обязательности для каждаго совершать акты, отвѣчающіе общественной солидарности? Дюги даетъ на это утвердительный отвѣтъ. Рано или поздно люди приходятъ къ тому убѣжденію, что они обязаны содѣйствовать реализаціи общественной солидарности. Это третье правило и представляетъ собой требованіе права. Оно является общимъ для всѣхъ людей; но такъ какъ способности ихъ различны, то отсюда слѣдуетъ, что это правило поведенія требуетъ отъ нихъ разумныхъ дѣйствій, сообразно ихъ способностямъ. Содѣйствовать раздѣленію труда, необходимому элементу общественной солидарности въ наше время, равнозначительно затратѣ личныхъ способностей съ цѣлью обмѣна услугъ, отъ котораго и проистекаетъ сама солидарность. Отсюда то послѣдствіе, что каждый служитъ обществу, кооперируя съ другими сообразно своимъ личнымъ способностямъ. Правило поведенія, вытекающее изъ сознанія общественной солидарности и которое для Дюги составляетъ самую природу права, одинаково обязательно и для властвующихъ и для подвластныхъ. Изъ этого слѣдуетъ, что праву подчиняются и правительства, и подданные, - первыя въ томъ смыслѣ, что они могутъ справедливо пользоваться большой силой, поставленной въ ихъ распоряженіи, только въ интересахъ общественной солидарности. Это положеніе даетъ, по мнѣнію Дюги, возможность судить о томъ, что дозволено и что недозволено правительству, другими словами - гдѣ надо искать границу его вмѣшательства въ сферу частной свободы.*) Дюги расходится, такимъ образомъ, съ Іерингомъ, утверждающимъ, что право есть политика силы, и предлагаетъ замѣнить эту формулу другой:

*) Ibid. См.стр.98 и слѣд.

право вмѣняется властвующимъ въ обязанность обращенія къ силѣ въ интересахъ своего торжества, т.е. въ концѣ концовъ, въ интересахъ общественной солидарности.

Нормы поведенія, обязательныя въ равной мѣрѣ для властвующихъ и подвластныхъ, не могутъ считаться чѣмъ то косным. Онѣ и постоянны и измѣнчивы, постоянны въ своемъ основаніи, которымъ служитъ общество, и въ своемъ универсальномъ содержаніи, которымъ является требованіе кооперировать съ другими въ интересахъ общественной солидарности. Но въ то же время формы проявленія этой солидарности несомнѣнно измѣнчивы. Человѣческое сообщество выступало и выступаетъ то во образѣ орды, клана, то во образѣ города и націи. Будущее, по всей вѣроятности, поставитъ насъ лицомъ къ лицу съ новыми типами общежитія. Но всѣмъ имъ одинаково присуще было и будетъ требованіе солидарности и отвѣчающее ей поведеніе, слѣдовательно, и право, заключающее въ себѣ нормы этого поведенія. Дюги относится поэтому, отрицательно къ доктринѣ естественнаго права, которая предполагала, что нормы поведенія предустановлены съ самаго начала и неизмѣнны, другими словами, что онѣ - абсолютны.

Дюги доказываетъ затѣмъ, что правилс поведенія, обусловленное интересами общественной солидарности, должно считаться нормою права, а не морали. Но онъ спѣшитъ прибавить, что логически нельзя провести различія между моралью и правомъ, а приходится остановиться на проведеніи между ними только слѣдующей границы. Нормы, еще не успѣвшія настолько проникнуть въ общее сознаніе, чтобы можно было видѣть въ ихъ соблюденіи необходимое условіе общественной солидарности, должны считаться нормами нравственными. Всѣ же остальныя - нормами права *). Во всякомъ случаѣ, мораль имѣетъ въ виду, согласно и съ ходячей точкой зрѣнія, оцѣнку дѣйствія со стороны ихъ внутренняго достоинства. Когда же мы говоримъ о правилахъ поведенія, вызываемыхъ требованіями общественной солидарности, мы имѣемъ въ виду ихъ оцѣнку со стороны пользы ихъ для общества, а изъ этого слѣдуетъ, что мы имѣемъ дѣло съ нормами права, а не съ нормами нравственности.**) Всякій индивидуальный актъ воли, преслѣдующій цѣли, согласныя съ нормами права, можетъ считаться актомъ юриди-

---

*) Стр102 Ibid.

**) Ibid.стр. 104.

ческимъ и производимое имъ послѣдствіе - послѣдствіе юридическое. Мы назовемъ это послѣдствіе субъективнымъ юридическимъ состояніемъ, говоритъ Дюги, дающій ему затѣмъ слѣдующее опредѣленіе: „Это - состояніе, созданное сознательною волею, въ соотвѣтствіи съ нормою права, клонящееся къ увеличенію общественной солидарности, представляющее, поэтому, общественное значеніе. Въ обществахъ, въ которыхъ имѣется организованная сила или правительство, другими словами, въ государствѣ, это состояніе гарантировано матеріальной силой"*) Если актъ индивидуальной воли не вызывается задачею общественной солидарности, онъ лишенъ юридическаго значенія. Организованная и сознательная воля (власть) не становится въ его распоряженіе; наоборотъ, смотря по обстоятельствамъ, она обнаруживаетъ свое вмѣшательство или съ цѣлью воспротивиться вытекающимъ изъ него послѣдствіямъ, или же для того, чтобы подавить его и сдѣлать невозможнымъ повтореніе въ будущемъ.**) Итакъ, согласно основной точкѣ зрѣнія Дюги, право существуетъ раньше государства и находитъ въ немъ только организованную силу для проведенія себя въ жизнь.

Мы не послѣдуемъ далѣе за развитіемъ мысли автора, которому нельзя не сдѣлать упрека въ нѣкоторой расплывчатости и частыхъ повтореніяхъ. Мы постараемся только показать, въ какой мѣрѣ подобная точка зрѣнія отлична съ одной стороны отъ той, какой придерживаются теоретики неотчуждаемыхъ и прирожденныхъ естественныхъ правъ, а съ другой - отъ той, какой слѣдуетъ возникшая въ Германіи школа, самозванно объявляющая себя „положительной" и въ которой не мудрено признать попытку воскресить ученіе Гоббса о созданіи права государствомъ.

Въ одномъ мѣстѣ своей книги Дюги довольно обстоятельно выясняетъ свою точку зрѣнія на естественное право. Согласно ученію о такъ называемыхъ и прирожденныхъ личности правахъ, человѣкъ самымъ фактомъ рожденія надѣляется извѣстными видами власти, которые объявляются субъективными правами. Эти права проистекаютъ не отъ факта его въ жизни и въ обществѣ, не потому, что онъ солидаренъ со всѣми членамо одного съ нимъ союза, но въ силу того, что онъ - человѣкъ. Недаромъ же декларація правъ

---

*) Ibid. стр. 169.

**) Ibid. стр. 165.

1789 года гордо объявляетъ: „Люди родятся и остаются свободными и равными въ правахъ." Эти права потому считаются естественными, что они предшествуютъ во времени и превосходятъ своимъ значеніемъ всякое общежитіе. Декларація 1789 года объявляла ихъ „anterieurs et superieurs aux lois positives". Они естественны потому, что человѣкъ въ состояніи изолированности, безъ всякаго отношенія къ себѣ подобнымъ считается всегда имѣвшимъ и долженствующимъ имѣть эти права. Послѣднія признаются субъективными, такъ какъ ими создаются возможности для человѣка, въ силу принадлежащаго ему качества-человѣка. Изъ этого концепта индивидуальныхъ естественныхъ правъ вытекаетъ представленіе объ обязательномъ правилѣ поведенія для человѣка, живущаго въ обществѣ. Это правило устанавливается по соображенію тѣхъ необходимостей, какія предполагаетъ существованіе общественныхъ отношеній. Но это правило поведенія или, что то же, норма права можетъ имѣть своимъ объектомъ только извѣстное ограниченіе въ пользованіи субъективными правами. Размѣръ самого ограниченія опредѣляется необходимостью защиты правъ всѣхъ. Такъ понятая норма права не возлагаетъ ни на кого активныхъ обязанностей, а только пассивную обязанность воздержаться отъ пользованія своими естественными правами въ томъ случаѣ и настолько, насколько съ этимъ можетъ быть связано посягательство на право другихъ. Она не мало не обязываетъ кооперировать въ достиженіи другими ихъ правъ. Такъ понимаетъ природу естественныхъ правъ одинъ изъ послѣднихъ сторонниковъ теоріи „естественнаго закона" во Франціи Анри Мишель. *)

Подобная доктрина, объявляетъ Дюги,- фальшива; она тѣмъ не менѣе могла принести свою пользу, явившись во время; съ нею можно считаться какъ съ важнымъ факторомъ исторической эволюціи XIX вѣка, но это не мѣшаетъ ей противорѣчить стремленіямъ современныхъ обществъ. Ошибочность ея вытекаетъ изъ того, что она отправляется отъ недоказанной и не могущей быть доказанной гипотезы о человѣкѣ естественномъ, живущемъ въ изолированномъ состояніи. Она невѣрно видитъ въ обществѣ явленіе позднѣйшаго порядка, результатъ доброй воли людей, тогда какъ въ дѣйствительности оно существовало съ самаго начала и является

---

*) „L' idee de l'etat," стр. 646.

чѣмъ то самопроизвольнымъ. Она ложна и потому, что отмѣчаетъ въ человѣческой природѣ только одну сторону: элементъ индивидуальности. Въ дѣйствительности же человѣкъ- одновременно существо индивидуальное и общественное, и эти два характера въ немъ совершенно нераздѣльны. Не отвѣчаетъ эта теорія и желаніямъ и потребностямъ современности, потому что человѣкъ въ наши дни пріобрѣлъ ясное сознаніе своего двойственнаго характера: индивидуальнаго и общественнаго.*) Наша концепція правовой нормы, прибавляетъ Дюги, принимаетъ во вниманіе эту двойственность, такъ какъ отправляется отъ сознанія общественной солидарности.**)

§ 4.

Въ противоположность той точки зрѣнія, которая считаетъ право возникшимъ раньше государства и для государства о б я з а т е л ь н ы м ъ, въ средѣ нѣмецкихъ государствовѣдовъ держится обратная точка зрѣнія о томъ, что право есть п о р о ж д е н і е государства, откуда многіе и выводятъ то заключеніе, что для подданныхъ государства право обязательно, то оно не обязательно для самого государства.

Можно сказать, что эта точка зрѣнія возникла гораздо раньше нѣмецкой школы, школы самой претенціозной и называющей себя „положительной" и потому, казалось бы, научной, но въ сущности имѣющей въ виду только доказать, что она опирается на данныя положительнаго права, не естественнаго права, а дѣйствующаго права, по преимуществу, въ нѣмецкихъ государствахъ. Я говорю, что эта точка зрѣнія была высказана много вѣковъ раньше, именно въ серединѣ XVII вѣка въ знаменитомъ трактатѣ, принадлежащемъ перу англичанина Томаса Гоббса, въ трактатѣ о гражданинѣ" (De cive) и трактатѣ о государствѣ, уподобляемомъ гиганту Левіафану. Т. Гоббсъ утверждалъ, что въ моментъ возникновенія государства всѣ права людей переходятъ на государство, что люди на первыхъ порахъ имѣютъ не столько право, сколько возможности, называемыя имъ общеупотребительнымъ въ то время терминомъ естественными правами, возможности - безграничныя и вступающія въ коллизію съ такими же возможностями существъ имъ подобныхъ, и что одно государство въ состояніи сказать, что пра-

*) Дюги. вышеук.соч. стр. 142, 148.

во и что не право. То, что оно признаетъ правомъ въ одинъ моментъ, можетъ быть признано имъ въ другой моментъ уже не правомъ. Пока государство признаетъ что либо правомъ, это право обязательно для его подданныхъ, но само государство является не связаннымъ правомъ.

Въ основѣ этой и всѣхъ ей подобныхъ теорій лежитъ, разумѣется, англійское представленіе о всемогуществѣ парламента, который во всякое время, въ согласіи съ королемъ можетъ измѣнить самый строй государства, представленіе, которое всегда выражало природу англійскаго конституціоннаго права и которое имѣетъ своимъ послѣдствіемъ то, что въ Англіи не проводится различія между законодательствомъ простымъ и законодательствомъ по вопросамъ государственнаго устройства, т.е. не существуетъ различія между обыкновенными и основными законами: и тѣ и другіе проводятся въ одномъ и томъ же порядкѣ.

Я перехожу теперь къ передачѣ основной точки зрѣнія тѣхъ, главнымъ образомъ, нѣмецкихъ государствовѣдовъ, которые полагаютъ, что государство не связано имъ же самимъ создаваемымъ правомъ. Что германская, такъ называемая, „положительная" школа раздѣляетъ по существу ту же точку зрѣнія, какой придерживается Гоббсъ, это бросается въ глаза при ближайшемъ ознакомленіи со взглядами главныхъ представителей этой школы, Зейделя*), Сарве **) и Лорна ***). Они утверждаютъ, выражаясь словами одного изъ нихъ, Сарве, что идея права не можетъ быть построена иначе, какъ отправляясь отъ понятія о государствѣ. Зейдель даже рѣшительно отказывается отъ признанія по отношенію къ государству какихъ либо ограничительныхъ правилъ. Государство-молъ-самодержавно, суверенитетъ принадлежитъ государству и есть необходимая существенная черта государства. Этому училъ еще Бодэнъ. А суверенитетъ, какъ извѣстно предполагаетъ неограниченность. Гдѣ есть неограниченность, тамъ государство не можетъ считать себя связаннымъ уже изданными законами. Сегодня оно издаетъ одинъ законъ, а завт-

---

(**) см. стр. 58) Ibid стр. 143.

*) Seydel. Grundzuge einer allgemeine Staatslehre и Bayerisches Staatsrecht

**) Sarwey. Das offentliche Recht und Verwaltungspflege и Das Staatsrecht des Königreiches Würtemberg

***) Zorn . Reichesstaatsrecht.

ра, если понадобится другой. Эти законы обязательны для подданныхъ, но государство никакихъ обязательствъ не принимаетъ и принимать не можетъ.

Если не эта точка зрѣнія, то практика, витекающая изъ этого взгляда, не разъ была примѣняема и нашимъ законодательствомъ. Въ вопросѣ о правахъ Финляндіи мы часто руководствуемся этой же точкой зрѣнія. Было ли присоединеніе Финляндіи результатомъ завоеванія или договора, она-не важно. Во всякомъ случаѣ мы имѣемъ тотъ фактъ, что Александръ I принялъ на себя извѣстныя обязательства по отношенію къ Финляндіи, именно обязательство по сохраненію ея конституціонныхъ порядковъ. Но тѣ, кто полагаетъ, что эти обязательства не имѣютъ никакого значенія для русскихъ монарховъ, руководствуются очевидно, той точкой зрѣнія, что государство не связано разъ принятымъ обязательствомъ, что подданные должны исполнять всѣ государственные законы, но что государство-суверенъ во всякое время эти законы можетъ измѣнить. Такая точка зрѣнія проводилась, напримѣръ, проф. Сергѣевскимъ и она обусловливаетъ то недоброжелательство, которое существуетъ въ Финляндіи по отношенію къ Россіи и которое, какъ мнѣ кажется, представляетъ наиболѣе трудную сторону, такъ называемаго, финляндскаго вопроса. Въ дѣйствительную жизнь еще не проникло сознаніе что ни русскій для финляндца не есть иностранецъ, ни финляндецъ для русскаго тоже-не иностранецъ. Думать, что русское государство не связано обязательствомъ даннымъ Финляндіи Александромъ I, возможно только подъ условіемъ допущенія недопустимаго, съ моей точки зрѣнія, принципа положительной школы, что государство своимъ правомъ не связано.

Какъ я только что сказалъ, всего опредѣленнѣе высказываетъ эту мысль Зейдель: онъ рѣшительно отказывается отъ признанія по отношенію къ государству какихъ либо ограничительныхъ правилъ. Не заходя такъ далеко Іеллинекъ и Іерингъ допускаютъ возможность самоограниченія со стороны государства. Государство самоограничиваетъ себя, издавая конституцію. Впредь оно будетъ пользоваться своимъ широкимъ правомъ суверенитета только въ предѣлахъ, какіе этому праву даетъ самимъ же государствомъ принятая конституція. Конституція является добровольнымъ самоограниченіемъ, какъ будто бы всѣ конституціи обязаны своимъ возникновеніемъ свободной волѣ верховнаго руководителя государственной властью, подоб-

но той конституціи, которой Людовикъ XVIII думалъ облагодѣтельствовать своихъ подданныхъ. Мы знаемъ, что эта конституція разсматривалась, какъ даръ, дѣлаемый французскимъ королемъ своимъ подданнымъ, а не признаніе требованій, заявляемые французами и въ частности Учредительнымъ собраніемъ 1789 года. Непризнаніе же этихъ требованій и было причиной временнаго прекращенія правительства Бурбоновъ во Франціи, а новыя нарушенія ихъ привели послѣдовательно къ іюльской революціи, къ революціонному движенію въ 1848 году и къ установленію теперешней республики.

Въ настоящее время совершенно вѣрно высказывается противъ такой теоріи самоограниченія французскій писатель Дюги. Онъ говоритъ, что такое самоограниченіе не можетъ имѣть для государства силы, какъ для власти не знающей надъ собой старѣйшаго. Но Іеллинекъ и Іерингъ, раньше Іеллинекъ, одинаково проводятъ ученіе о самоограниченіи государства. Іеллинекъ не даетъ достаточнаго объясненія по вопросу о томъ, что побуждаетъ государство къ такому самоограниченію. Тогда какъ Іерингъ полагаетъ, что хорошо понятый интересъ заставляетъ лицъ, надѣленныхъ властью, ограничить ее ради ея устойчивости и, слѣдовательно, ради устойчивости государства, Іеллинекъ критикуетъ возрѣнія тѣхъ, кто думаетъ, что государство не связано создаваемымъ имъ правомъ. Онъ полагаетъ, что устанавливая прочныя правовыя нормы, государство принимаетъ по отношенію къ подданнымъ обязательство проведенія этихъ нормъ даже тогда, когда онѣ направлены противъ его, но на вопросъ: почему?, я не нахожу у Іеллинека должнаго отвѣта. Правда, онъ указываетъ на то, что въ частномъ правѣ достаточно односторонняго обѣщанія для созданія правовой нормы, но изъ этого не слѣдуетъ еще, что никѣмъ неограниченное государство связано силою данныхъ имъ обѣщаній въ такой же мѣрѣ, какъ необходимо ограниченный правомъ индивидъ или кооперація, такъ же подчиненная праву. Эти разсужденія имѣютъ въ виду указать, что если не признать, что право, или какъ выражается Іеллинекъ нормы права существуютъ независимо отъ государства, и возникли независимо отъ государства, для государства обязательны, то трудно будетъ защищать ту точку зрѣнія, что право, созданное государствомъ, не можетъ быть имъ нарушено. Поэтому государствовѣды остановились на мысли о добровольномъ самоограниченіи государства.

На вопросъ о томъ, каково отношеніе государства и правотворчества, чтобы не сказать по-просту право, Іеллинекъ не считаетъ возможнымъ отвѣтить раньше, какъ высказавшись на тотъ счетъ существуетъ ли право до государства или нѣтъ. Совершенно правильно и согласно съ позитивной соціологической доктриной онъ отвѣчаетъ, что право есть по природѣ своей соціальное явленіе и потому предполагаетъ для своего существованія человѣческое общеніе. Слѣдовательно, Іеллинекъ тѣмъ самымъ высказывается противъ ученія школы естественнаго права, которая,какъ это намъ уже извѣстно изъ вышеизложеннаго, полагаетъ, что право возникаетъ даже въ ту эпоху, когда человѣкъ живетъ одиноко, не въ обществѣ себѣ подобныхъ а на положеніи Робинзоновъ, и что изъ самаго понятія человѣка и человѣческой личности вытекаетъ существованіе права, какъ велѣнія разума.Ко всей этой метафизикѣ Іеллинекъ относится безусловно отрицательно. Слѣдовательно правовыя нормы возникаютъ по Іеллинеку въ соціальной средѣ.

Неорганизованнаго общенія, продолжаетъ Іеллинекъ, исторія не знаетъ, а потому и право, думаетъ Іеллинекъ возникаетъ въ общеніи организованномъ. Далѣе Іеллинекъ дѣлаетъ совершенно произвольное допущеніе, что всякое организованное общеніе, разъ оно не представляетъ собой религіозную организацію, есть государство. Съ такой точки зрѣнія необходимо признать,что и австралійскіе негритосы составляютъ государство,что такихъ государствъ - великое множество на земномъ шарѣ, что у всѣхъ дикихъ народовъ имѣется государство, тогда какъ въ дѣйствительности у нихъ имѣются тотэмистическіе союзы,общественныя группы, построенныя на началѣ материнской или отеческой власти, иногда переходящія въ роды.Съ точки зрѣнія, защищаемой Іеллинекомъ-что всякое организованное общеніе, если оно не религіозная организація, есть государство-только что указанныя общественныя группы являются государствомъ.Споръ съ Іеллинекомъ въ концѣ концовъ можетъ свестись къ спору о словахъ.Онъ будетъ называть государствомъ то, что не заслуживаетъ названія государства, а мы будемъ называть общественные союзы, основанные на началѣ кровнаго родства, дѣйствительнаго или мнимаго, соотвѣтствующими терминами. Во всякомъ случаѣ важно то, что Іеллинекъ, согласно съ данными сравнительной исторіи права и данными принятыми соціологіей, не считаетъ возможнымъ зарожденіе права иначе, какъ въ общественной сре-

дѣ.Право и мораль не мыслимы при изолированномъ существованіи людей, такъ какъ регулируютъ ихъ общественныя отношенія .

Іеллинекъ не считаетъ нужнымъ пойти далѣе и подняться выше въ объясненіи источника права и морали и видитъ его въ необходимости упроченія и дальнѣйшаго развитія того общежительнаго союза, среди котораго они зарождаются. Съ ростомъ государства творчество права все болѣе и болѣе переходитъ къ нему,такъ какъ оно имѣетъ тенденцію поглощать власть подчиненныхъ ему союзовъ. „Въ рукахъ государства, пишетъ Іеллинекъ, сосредоточивается, такимъ образомъ, регулированіе всего дѣйствующаго права." Іеллинекъ послѣдовательно приходитъ къ тому заключенію, что право примѣняемое въ предѣлахъ государства, или допущено было къ дальнѣйшему существованію или непосредственно создано государственной властью .Выяснивши, такимъ образомъ, источникъ права,Іеллинекъ переходитъ къ развитію мысли, обособляющей его точку зрѣнія отъ ученія другихъ послѣдователей такъ называемой „положительной школы " Германіи,ученія связанности государства имъ же самимъ издаваемымъ правомъ.

„Посмотримъ сперва, говоритъ онъ, къ какимъ послѣдствіямъ приводитъ ученіе, признающее государство не связаннымъ и не могущимъ быть связаннымъ его правомъ.

Изъ этого ученія вытекаетъ, что то,что для подданнаго-будь то частное лицо или органъ государства,-является правомъ, для самого государства не есть право. Иначе говоря, если мы смотримъ съ высоты государства въ низины права, мы находимъ лишь пустое мѣсто.Всякое право есть для государства не право,правовое ничто, чуждое и остающееся чуждымъ ему самому, но навязываемое имъ его подданнымъ и такимъ образомъ возвышаемое для послѣдняго на степень права.

Подобное возрѣніе можетъ быть послѣдовательно проведено только на почвѣ строго теократическаго строя.Только имъ почитаемый, какъ божество монархъ въ состояніи возвысить не поддающіяся обоснованію и измѣнчивыя проявленія своей воли на степень нормы повелѣнія,долженствующей быть признаваемой всѣми, но не имъ самимъ. *)

Говоря это,Іеллинекъ имѣлъ въ виду, что монархи не одной

---

*)Іеллинекъ. Общее ученіе о государствѣ.Изд. 1903 г. стр. 289.

только Франціи, но и въ Англіи,упразднивши подчиненіе королевской власти власти папъ, перенесли на самихъ себя и всѣ права папъ.Этимъ только и объясняется почему англійскій король Генрихъ VIII счелъ возможнымъ создать цѣлое законодательство о государственной измѣнѣ, возникшее собственно говоря, еще со времени Эдуарда III. Въ современныхъ государствахъ государственной измѣной признается только передача врагу секретовъ, которые могутъ помочь этому врагу въ будущей войнѣ съ народомъ, къ которому принадлежитъ измѣнникъ. Поэтому невѣрно вопросы государственной измѣны понимались тогда, когда неправильно обвинили Дрейфуса за то,что онъ продалъ французскіе документы Германіи.Государственной измѣной считалось первоначально посягательство на жизнь короля или монарха. Постепенно понятіе государственной измѣны расширяется. Генрихъ VIII расширяетъ это понятіе тѣмъ,что признаетъ государственнымъ измѣнникомъ всякаго, кто не признаетъ законнымъ его бракъ съ Анной Болейнъ послѣ расторженія имъ своего законнаго брака съ Екатериной Аррагонской. Затѣмъ, когда онъ разсорился съ Анной Болейнъ, причемъ ссора приняла характеръ крайнѣ плачевный для послѣдней:Анна Болейнъ должна была сложить свою голову на эшафотѣ,Генрихъ VIII издаетъ новый законъ, въ которой государственной измѣной признается - считать законнымъ бракъ короля съ Анной Болейнъ. Кромѣ того,государственной измѣной считается непризнаніе законными дѣтьми короля дѣтей отъ брака съ Екатериной Аррагонской, и въ частности Елизаветы.

Очевидно, что такого рода возможность признать правомъ сегодня одно, а завтра другое, или признать государственной измѣной сегодня одно,а завтра совершенно обратное, показываетъ тѣ практическія послѣдствія, которыя вытекаютъ изъ несвязанности государства имъ же издаваемымъ правомъ. И.Іеллинекъ извиняетъ такое поведеніе въ тѣхъ государствахъ, которыя считаютъ себя царствомъ божіимъ на землѣ, теократіей. Устами папы говоритъ самъ богъ, потому всѣ производимыя ими измѣненія въ законахъ обязательны для подданныхъ. Непогрѣшимый папа считается источникомъ права.

Но необходимо замѣтить, что эта точка зрѣнія даже по отношенію къ теократіи, свѣтскому владычеству папъ,несправедлива. Дѣло въ томъ, что и такіе папы, какъ напримѣръ Александръ VI Борджіа не считалъ возможнымъ пользоваться своей непогрѣшимостью

для нарушенія права, сдѣланнаго его же предшественниками и ими же признаваемаго. Когда у Александра Борджіа оказалось много незаконныхъ дѣтей, то онъ искалъ для нихъ графскихъ и княжескихъ титуловъ на чужбинѣ, напримѣръ въ Венеціи, а не въ папской области. Послѣдняго онъ не имѣлъ права сдѣлать, считаясь съ правомъ своихъ предшественниковъ. Поэтому то онъ и находитъ невозможнымъ издать буллу о надѣленіи своихъ дѣтей княжескими титулами папской области.

По мнѣнію Іеллинека только въ теократіи возможно послѣдовательное проведеніе начала свободы государства отъ какого нибудь самоограниченія.

„Но совершенно иначе дѣло обстоитъ тамъ, гдѣ дѣятельность государства регулируется прочными правовыми нормами, возникающими и поддающимися измѣненію только въ установленныхъ правомъ формахъ. Такая норма, прежде всего, обязательна для органовъ государства. Но съ тѣмъ вмѣстѣ является связанной и дѣятельность самого государства, - дѣятельность органовъ государства и есть сама государственная дѣятельность, другой дѣятельности государства, кромѣ осуществляемой черезъ посредство его органовъ, вовсе не существуетъ. Въ такой нормѣ заключается, съ другой стороны, гарантія для подданныхъ, что органы государства обязаны соблюдать ее; т.е. въ однохарактерныхъ случаяхъ будутъ примѣняемы одинъ и тѣ же нормы. „Всякая норма даетъ право ожидать, что ненарушимо будетъ примѣняться до тѣхъ поръ, пока не будетъ правомѣрнаго основанія къ ея отмѣнѣ. Этой увѣренностью въ ненарушимости правопорядка въ значительной мѣрѣ обусловливается необходимая для каждаго отдѣльнаго лица возможность соображать свои дѣйствія и ихъ послѣдствія; она является необходимымъ условіемъ непрерывнаго культурнаго развитія, такъ какъ только она и создаетъ то соціальное довѣріе, безъ котораго взаимныя отношенія между людьми были бы возможны лишь въ самыхъ элементарныхъ, зачаточныхъ формахъ".*)

---

*) Ibid. стр.. 239.

Общее ученіе о государствѣ. Проф. М.М. КОВАЛЕВСКАГО.
Изд. студ. Кассы Взаимопом. СПБ.Политехн. Институтъ.
Литографія Трофимова. СПБ.Можайская 3.

Л. 5.

Составитель Д. Ф[illegible]

„Кто отвергает эту связанность государства, пишетъ Іеллинекъ, тотъ можетъ признать между подданными и государствомъ только отношенія, основанныя на силѣ, а не правоотношеніе".

Въ наши дни убѣжденіе въ связанности государства правомъ выступаетъ со всею возрастающей силой. Іеллинекъ видитъ доказательство этого въ томъ, что въ настоящее время все болѣе и болѣе пріобрѣтаетъ убѣжденіе, будто бы всякій актъ внѣшней государственной власти потому самому правомѣренъ. Онъ иллюстрируетъ эту мысль примѣромъ изъ исторіи англійскаго законодательства, — bill'емъ of attainder. Суть дѣла въ немногихъ словахъ заключается въ слѣдующемъ. Въ Англіи на первыхъ порахъ существовала отвѣтственность министровъ только за незаконномѣрное поведеніе, т.е. существовала отвѣтственность судебная, а не политическая. Вы знаете, что политическая отвѣтственность министровъ преслѣдуетъ, главнымъ образомъ, ту цѣль, чтобы спасти страну отъ политики, которая въ глазахъ большинства палаты или палаты кажется гибельной для государства. Министръ можетъ не нарушить ни одной буквы закона, а между тѣмъ своимъ поведеніемъ поставить государство, если не на край пропасти, то по крайней мѣрѣ передъ необходимостью вести войну тогда, когда государство этой войны не желаетъ или не хочетъ вести. Въ странѣ, гдѣ не существуетъ политической отвѣтственности министровъ, нельзя привлечь того или иного министра къ отвѣтственности за необдуманное и нецѣлесообразное поведеніе, разъ онъ не нарушилъ никакого закона. Между тѣмъ привлеченіе къ отвѣтственности имѣетъ только положить конецъ такой политикѣ и заставить министра выйти въ отставку. Англичане издавна считались съ этой необходимостью и обходили законъ тѣмъ, что въ понятіе дѣйствія преступнаго они включали и дѣйствія нецѣлесообразныя. Еще въ царствованіе Ричарда II поведеніе морского министра было признано преступнымъ на томъ основаніи, что онъ не позаботился достаточнымъ числомъ судовъ для охраны юго-восточнаго побережья Англіи; его привлекли къ судебной отвѣтственности, какъ за дѣйствія, заключающія въ себѣ нарушеніе закона, хотя никакого нарушенія закона не было.

Эта невозможность привлекать министровъ къ политической отвѣтственности заставила англичанъ въ эпоху столкновенія короля съ парламентомъ провести 10-го апрѣля 1640 года по иниціативѣ Пима bill of attainder. Соединяя актъ законодательной власти съ актомъ власти судебной, вопреки правилу о томъ, что законъ обратной силы не имѣетъ, что одинъ органъ въ силу одного и того же

акте не можетъ законодательствовать и судить, англичане преслѣдовали цѣль созданія политической отвѣтственности министровъ, или, по крайней мѣрѣ, достиженія тѣхъ послѣдствій, какія даетъ принципъ политической отвѣтственности.

Въ первый разъ на практикѣ этотъ билль былъ примѣненъ къ лорду Страффорду, который хотѣлъ поднять власть англійскаго короля до власти короля французскаго. Средствомъ достиженія этой цѣли должно было послужить созданіе постоянной арміи, управленіе которой зависѣло бы только отъ короля. Дѣйствія эти не заключали въ себѣ характера преступленія, т.е. они не были нарушеніемъ закона, но послѣдствіемъ ихъ могло быть измѣненіе государственнаго строя Англіи. Чтобы избавиться отъ лорда Страффорда ьь палату общинъ вносятъ билль, которымъ его дѣйствія признаются преступными. Въ виду же преступности лордъ Страффордъ предается суду и судъ приговариваетъ его къ смертной казни, а королю Карлу I остается только примириться съ этимъ приговоромъ и подписать его.

Bill of attainder признавалъ, такимъ образомъ, наказуемость дѣйствій, ранѣе считавшихся допустимыми, и тѣмъ же актомъ присуждалъ лицъ, произведшихъ ихъ, къ наказанію. Такая практика Bill of attainder продержалась нѣкоторое время въ Англіи. И нужно сказать, что только со времени изданія билля противъ намѣстника Индіи, лорда Уоррена Гастингса, англичане ни разу не обращались къ Bill of attainder. Этотъ билль не былъ формально отмѣненъ, но неупотребленіе его на практикѣ навело многихъ умныхъ на мысль объ его отмѣнѣ.

Тѣмъ обстоятельствомъ, что Bill of attainder вышелъ изъ употребленія въ Англіи, Іеллинекъ старается доказать ту мысль, что государство по мѣрѣ своего развитія все болѣе считаетъ себя связаннымъ законностью. Законность требуетъ отдѣленія законодательной власти отъ судебной и не допускаетъ соединенія въ одномъ и томъ же актѣ дѣятельности законодательной и дѣятельности судебной; она требуетъ признанія, что законы не имѣютъ обратной силы. Такъ какъ государство все болѣе проникается законностью и мыслью о самообязываніи, то потому то и прекращается примѣненіе Bill of attainder. Но Іеллинекъ забываетъ то обстоятельство, что Bill of attainder примѣнялся въ Англіи до тѣхъ поръ, пока принципъ политической отвѣтственности не былъ признанъ англійскимъ конституціоннымъ правомъ, а такъ какъ въ настоящее время

политическая отвѣтственность министровъ существуетъ, то и нѣтъ необходимости обращаться къ Bill of attainder. Вотъ дѣйствительная причина, по которой англичане не обращаются къ практикѣ Bill of attainder, какъ не обращаются они и къ королевскому veto, въ которомъ при парламентарномъ образѣ правленія нѣтъ совершенно надобности.

Еще два слова, чтобы покончить съ этимъ разсужденіемъ Іеллинека. Онъ полагаетъ, что ученіе о связанности государства его правомъ сыграло значительную роль при созданіи органическихъ законовъ и конституцій различныхъ государствъ. Конституціи ставятъ предѣлъ всемогуществу государства путемъ гарантированія различныхъ правъ индивида. Гейдельбергскій профессоръ развиваетъ далѣе тотъ взглядъ, что всякое право заключаетъ въ себѣ рядомъ съ нормами, подлежащими измѣненіямъ и такія, которыя безусловно признаются всѣми соотвѣтственно культурному уровню народа. Отмѣнить ихъ законодатель не имѣетъ силы. Онъ не имѣетъ реальной возможности признать, напримѣръ, ненаказуемымъ убійство. Съ точки зрѣнія Іеллинека ни одинъ судъ не можетъ оправдать убійцу. Если бы признать, что государство даже не допускаетъ никакого самоограниченія, то представленіе о томъ, что убійство есть недозволенное дѣйствіе настолько вошло въ сознаніе культурнаго человѣчества, что нельзя представить себѣ государства, которое сочло бы поведеніе убійцы не подлежащимъ наказанію. Эта мысль, которую Іеллинекъ излагаетъ такъ кратко, въ сущности нуждается въ дальнѣйшемъ развитіи.

Онъ говоритъ, далѣе, что изъ самоограниченности государства вытекаетъ прочность правовыхъ нормъ. Но это справедливо по отношенію къ однимъ государствамъ и несправедливо по отношенію къ другимъ. Англійскій парламентъ имѣетъ право издавать всѣ законы въ одномъ и томъ же порядкѣ. Въ Англіи для измѣненія законовъ не требуется ни совмѣстныхъ засѣданій обѣихъ палатъ, ни квалифицированнаго большинства и т.д., требуется только согласіе на это измѣненіе короля, лордовъ и палаты общинъ, согласія, выраженнаго простымъ большинствомъ. Если за отмѣну стараго закона или за изданіе новаго въ палатѣ лордовъ выскажется $1/2+1$ ея членовъ, въ палатѣ общинъ точно также $1/2+1$, и король тоже скажетъ за соотвѣтственное измѣненіе въ законодательствѣ, то эта отмѣна закона прошла бы, а изданный такимъ порядкомъ законъ сдѣлался бы обязательной для всѣхъ нормой. Такой порядокъ изданія новаго закона или отмѣны стараго примѣняется одинаково, какъ къ правиламъ

объ охотѣ, такъ точно такой же порядокъ былъ бы примѣненъ и къ закону объ отмѣнѣ палаты лордовъ. Съ другой стороны, есть законодательства, въ которыхъ требуется особый порядокъ прохожденія конституціонныхъ законовъ. Для того, чтобы произвести то или иное измѣненіе въ основныхъ законахъ, часто требуется совмѣстное засѣданіе обѣихъ палатъ, въ большинствѣ государствъ для этого требуется большинство въ двѣ-трети, а то и въ три-четверти голосовъ. Но есть и такія государства и конституціи, и къ нимъ, если вѣрить, Готскому альманаху, относится Россія, въ которыхъ, тѣмъ не менѣе, измѣненія въ органическихъ законахъ могутъ быть сдѣланы только монархомъ. Не такъ давно у насъ ставился вопросъ о томъ, слѣдуетъ ли держаться такой практики, при которой составъ Государственнаго Совѣта можетъ въ сущности на половину измѣняться каждое 1-ое января, такъ какъ къ 1-ому январю каждаго года составляются списки членовъ по назначенію, имѣющихъ право засѣдать въ Государственномъ Совѣтѣ. И уже были примѣры, что лица, попадавшія въ одинъ списокъ, на другой годъ въ него не попадаютъ, по всей вѣроятности потому, что не оправдываютъ надеждъ, возлагаемыхъ на нихъ верховнымъ правительствомъ. Нѣкоторые находятъ, что съ правовымъ порядкомъ такая подвластность Государственнаго Совѣта не примирима. И вотъ возникаетъ вопросъ, такой порядокъ назначенія Государственнаго Совѣта предусмотрѣнъ основными законами, или онъ предусматривается только такъ называемыми Учрежденіями Государственнаго Совѣта. Если только послѣдними, то они и должны быть положены въ основу рѣшенія вопроса. Если же этотъ порядокъ предусмотрѣнъ основными законами, то рѣшить поставленный вопросъ можетъ только монархъ.

По мнѣнію Іеллинека изъ понятія о добровольномъ самоограниченіи государства вытекаетъ самоограниченіе его въ формѣ конституціи. Отсюда то послѣдствіе, что Іеллинекъ высказывается за такой порядокъ измѣненія основныхъ законовъ, который обставляется особыми требованіями, требованіемъ квалифицированнаго большинства, совмѣстнаго засѣданія обѣихъ палатъ или ихъ переизбранія.

Давая общую оцѣнку ученія Іеллинека по вопросу объ отношеніи права къ государству должно сказать, что это ученіе отвѣчаетъ условіямъ современнаго культурнаго развитія, но что въ то же время оно является далеко не обоснованнымъ. Конечно, не въ однихъ только Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америки, гдѣ феде-

реальные суды призваны высказываться по вопросу о конституціонности или неконституціонности законовъ и запрещать имъ примѣненіе въ послѣднемъ случаѣ, является возможность практическаго проведенія начала самоограниченія государства. Англійскіе юристы не прочь высказать тотъ взглядъ, что суды отказались бы руководствоваться въ своихъ рѣшеніяхъ статутами, которые явно противорѣчатъ вѣками установившемуся земскому праву или такъ называемому common law. Но едва ли такой взглядъ раздѣляется судьями континентальныхъ государствъ, начиная съ Франціи и кончая Россіей.

Если признать самоограниченіе государства, то необходимо придется прійти къ заключенію, что творчество права есть скорѣе pium desiderium, чѣмъ реальный фактъ. Іеллинекъ говоритъ, что государство творитъ право и казалось бы, что творецъ права можетъ и отмѣнить его, но Іеллинекъ съ этимъ не согласенъ. Можно сказать, что на практикѣ по отношенію къ конституціонному праву только въ одной странѣ приняты мѣры къ тому, чтобы вынудить со стороны государства подчиненіе/ имъ же создаваемому праву, именно въ Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америки. Если бы конгрессъ издалъ законъ не согласный съ основными началами конституціи, идущій противъ принципа гражданскаго равенства, противъ принципа личной свободы и т.д., то лицо задѣтое этимъ закономъ или параграфомъ закона въ своихъ защищенныхъ интересахъ, интересахъ, которые находятъ себѣ признаніе въ законахъ, могло бы обратиться въ одинъ изъ федеральныхъ судовъ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ и настаивать на томъ, чтобы законъ или параграфъ закона, нарушающій его гарантированныя конституціей интересы, къ нему не былъ примѣненъ. Можно сказать, что искъ, который ведетъ въ данномъ случаѣ заинтересованное лицо, есть искъ противъ закона или нормы права. И федеральный трибуналъ можетъ сказать, что такой то параграфъ закона или весь законъ не будетъ примѣненъ въ данномъ случаѣ, такъ какъ онъ несогласенъ съ конституціей. Отсюда дальнѣйшія послѣдствія, если я былъ освобожденъ отъ примѣненія ко мнѣ опредѣленнаго закона, какъ несогласнаго съ конституціей, то и любой американскій гражданинъ, къ которому примѣняется этотъ же законъ, можетъ поднять вопросъ о томъ, что онъ не желаетъ примѣненія этого закона, онъ долженъ

сослаться только на разъ состоявшееся рѣшеніе и доказать, что его случай однохарактеренъ съ первымъ случаемъ.

Внѣ Америки нигдѣ не существуетъ судебнаго учрежденія, которое являлось бы блюстителемъ конституціонности законовъ. Но стремленіе къ этому всегда существовало. Въ эпоху аррагонской конституціи въ средніе вѣка верховный судья имѣлъ право объявлять не подлежащимъ исполненію тѣ или другія нормы, вотированныя уже законодательными учрежденіями Аррагоніи - кортесами, на томъ основаніи, что эти нормы несогласны съ записаннымъ обычнымъ правомъ Аррагоніи. Если вновь изданный законъ шелъ наперекоръ этому обычному праву, получившему письменную запись, верховный судья постановлялъ такое же рѣшеніе, какое постановляетъ въ наше время верховный федеральный трибуналъ въ Вашингтонѣ: такой законъ не будетъ принятъ, такъ какъ онъ противорѣчитъ вѣками сложившемуся обычному праву. И это обычное право гарантировало, между прочимъ, и конституціонный строй Аррагоніи. Такимъ образомъ еще въ XIII и XIV вѣкахъ чувствовалась надобность охранять прочность государственнаго союза тѣмъ самымъ ограниченіемъ государственной власти, о которомъ говоритъ Іеллинекъ.

Этому же самому запросу отвѣчали во Франціи права верховныхъ судебныхъ палатъ допускать къ примѣненію только тѣ нормы и считать ихъ общепризнанными, которыя были внесены въ ихъ протоколы. Французскіе парламенты могли протестовать противъ изданія того или иного закона и не вносить ихъ въ свои протоколы, представляя королю объясненія, что данный законъ противорѣчитъ другому закону или заключаетъ въ себѣ тѣ или иныя неудобства (droit de remonstrances) . Но здѣсь этотъ протестъ, какъ извѣстно устранялся безъ особаго труда со стороны короля. Устраивалось торжественное тронное засѣданіе парижскаго парламента, извѣстное подъ названіемъ „lit de justice“ ; король, окруженный перами парламента, высшими сановниками и придворными чинами, лично являлся въ „большую палату“ и приказывалъ исполнить высочайшую волю внести опротестованный законъ въ протоколы. Въ присутствіи короля члены парламента, какъ бы на время теряя принадлежащую имъ власть, источникомъ которой считался король, вынуждены были безусловно повиноваться На этой почвѣ складывается во Франціи представленіе о верховныхъ судебныхъ палатахъ, какъ объ учрежденіяхъ, которыя заботятся о соблюденіи въ сохранности законовъ, которыя являются блюстителями законнаго порядка въ государствѣ.

Такая же точка зрѣнія была усвоена и нашимъ законодательствомъ. Почему у насъ именно сенатъ, а не государственный совѣтъ, публикуетъ законы? Да просто потому, что наше законодательство послѣдовало примѣру отсталаго французскаго порядка, по которому публикаціей законовъ являлось внесеніе ихъ въ протоколы верхняго судебнаго трибунала.

Теперь возникаетъ такой вопросъ. Спрашивается: имѣетъ ли какой нибудь судья въ Англіи, гдѣ парламентъ вноситъ измѣненія въ конституцію точно такимъ же порядкомъ, какъ и въ простые законы, право не приводить въ исполненіе статутъ или законъ, если этотъ статутъ или законъ противорѣчитъ конституціи. Вопросъ далеко не столь простъ. Нѣтъ ни одной нормы, которая освобождала бы судъ отъ необходимости примѣнять законъ. Но въ тоже время въ Англіи судья пользуется такой свободой при постановкѣ приговоровъ, имѣется такой слабый контроль за судейской совѣстью и такъ великъ довѣріе къ суду, что совершенно основательной является теорія одного изъ самыхъ крупныхъ представителей судебнаго персонала въ Англіи знаменитаго комментатора англійскаго государственнаго права Стифена. Онъ утверждаетъ, что ни одинъ англійскій судья не станетъ исполнять закона, противорѣчащаго, напримѣръ, началамъ англійской свободы, если бы даже такой законъ и былъ проведенъ парламентомъ. Такъ какъ въ концѣ концовъ судья можетъ руководствоваться въ постановкѣ рѣшенія, какимъ ему угодно закономъ, то онъ можетъ при постановкѣ этого рѣшенія и не руководствоваться закономъ, который кажется ему идущимъ въ разрѣзъ съ конституціей.

Я скажу, что такое толкованіе въ Англіи является общепризнаннымъ. Но оно во всякомъ случаѣ мало признается на континентѣ Европы. Но недавняя практика выяснила, что такой взглядъ не чуждъ и континентальнымъ судьямъ. Во Франціи не такъ давно былъ постановленъ приговоръ вопреки закону. Этотъ приговоръ былъ признанъ имѣющимъ силу, хотя и вызвалъ протестъ среди представителей общественной мысли. Судья одной изъ провинцій оправдалъ голоднаго человѣка, укравшаго булку изъ булочной, ссылаясь на то обстоятельство, что онъ дѣйствовалъ подъ вліяніемъ неотложной необходимости. Вы знаете, что въ уголовномъ правѣ признается въ

числѣ обстоятельствъ уменьшающихъ вину подсудимаго и часто оправдывающихъ его, неотложная необходимость. И подъ понятіе неотложной необходимости подвель добрый судья поведеніе того человѣка, который, проходя мимо аулочной стащилъ булку и съѣлъ ее. Это рѣшеніе вызвало во франціи цѣлую литературу, причемъ, какъ и всегда одни ученые высказывались за правильность этого приговора, другіе, напротивъ, указывали, что судья не имѣетъ права постановлять приговоры, противорѣчащіе существующему законодательству. Вотъ можетъ быть единственный примѣръ изъ практики континентальныхъ судей, когда одинъ изъ нихъ позволилъ себѣ нарушить законъ. Есть и среди русскихъ юристовъ такіе, которые настаиваютъ на томъ,чтобы судья былъ свободенъ въ постановкѣсвоихъ приговоровъ. Но нужно сказать, что эта проповѣдь не нашла поддержки въ русскомъ общественномъ мнѣніи. У насъ считается признаннымъ, что судья долженъ руководствоваться законами и толкованіями законовъ,которыя даются кассаціонными учрежденіями. Въ случаяхъ, довольно частыхъ, противорѣчивости этихъ послѣднихъ полагается примѣнять позднѣйшее толкованіе. И въ то время, какъ англійскій судья не сталъ он руководствоваться этими кассаціонными толкованіями, русскій судья всецѣло признаетъ эти толкованія.

Такимъ образомъ,мы имѣемъ дѣло съ вопросомъ существенной важности, съ вопросомъ, отъ котораго зависитъ и прочность конституціи и прочность всего законодательства, съ вопросомъ о томъ,въ какой мѣрѣ судебная власть должна быть связана съ проведеніемъ начала добровольнаго самоограниченія государства правомъ. Я думаю, что въ этомъ отношеніи нельзя итти черезчуръ далеко и что за судебной властью должно быть признано опротестьство законовъ и конституціи, и, слѣдовательно, нужно предоставить суду возможность свободно постановлять свои приговоры.

Подводя итогъ всему сказанному по вопросу объ отношеніи между государствомъ и правомъ, я скажу слѣдующее. Изъ всего вышеизложеннаго слѣдуетъ, что современные государствовѣды такъ же раздѣлены по вопросу объ отношеніи государства и права, какъ и первые теоретики секулярисованной политики, какими можно считать въ XVII Гоббса и Локка. Тогда какъ значительная часть современныхъ писателей особенно во франціи и англіи считается приверженцами въ конецъ конповъ точки зрѣнія Локка о прирожденныхъ естественныхъ правахъ, свободѣ и собственности, которыя государство не можетъ не

признать, такъ какъ оно само и вызвано къ жизни необходимостью охра-
нять сти предшествующія государству начала, - такъ называемая „положи-
тельная" школа Германіи повторяетъ за Гоббсомъ ту мысль, что пра-
во создается государствомъ, которое можетъ, буде того пожела-
етъ, связать имъ самого себя.

Только въ недавнее время стали высказываться ученія, одинаково далекія отъ этихъ взаимно исключающихъ другъ друга точекъ зрѣ-нія. Ихъ отправной пунктъ - признаніе факта человѣческой солидарности, требованія которой становятся нормами права, проводимыми въ жизнь организованной силой общества - государствомъ, такъ же служащимъ осуществленію задачъ общественной солидарности и имѣющимъ своихъ предшественниковъ въ цѣломъ рядѣ мелкихъ общественныхъ союзовъ, надѣленныхъ подобно ему принудительной силой. Дюги старается обосновать такую, можно сказать, соціологическую теорію отношенія государства и права чисто дедуктивнымъ путемъ. Я же нахожу возможнымъ опереть ту же мысль на данныя сравнительной исторіи права и сравнительной этнографіи, указывающія на связь обычаевъ съ требованіями упроченія и развитія тѣхъ обществъ, въ средѣ которыхъ они образуются.

Вы видите, такимъ образомъ, что по двумъ основнымъ вопро-самъ общаго государственнаго права, по вопросу о томъ, что такое государство и по вопросу о томъ, каково отношеніе между правомъ и государствомъ, намъ приходится имѣть дѣло со спорами, по крайней мѣрѣ, двухъ, а иногда и больше школъ, которыя никакъ не могутъ сойтись въ самомъ существенномъ, въ опредѣленіи природы государства и природы отношенія между правомъ и государствомъ. Если отъ этихъ основныхъ вопросовъ общаго государственнаго права мы перейдемъ къ третьему вопросу о происхожденіи самого государства, то опять таки мы встрѣтимся съ цѣлымъ рядомъ противорѣчащихъ другъ другу теорій. Основанія профессора общаго государственнаго права считаютъ нужнымъ повторять всѣ эти теоріи и, пересмотрѣвъ ихъ одну за другой, находить въ нихъ зерно истины, а затѣмъ приступаютъ уже къ разсмотрѣнію вопроса по существу. Я изберу обратный путь. Я постараюсь показать Вамъ, что вопросъ о происхожденіи государства, прежде всего, не есть вопросъ общаго государственнаго права, а есть вопросъ, разсматриваемый и разрѣшаемый при пользованіи методами сравнительно-историческимъ и сравнительно-этнографическимъ. Этотъ вопросъ, поднятый уже въ глубокой древности, въ значительной степени рѣшенъ или рѣшается тою наукою, которая называется соціологіей и въ част-

ности соціальной динамикой. Позднее сравнительно съ другими возникновеніе этой науки является причиной того, что вопросу о происхожденіи государства имѣлось самое невѣроятное, противорѣчащія другъ другу теоріи, теорія патріархальнаго происхожденія государства, теорія теократическаго происхожденія государства, договорная теорія происхожденія государства. Всѣ эти теоріи не имѣютъ для насъ никакого обязательнаго значенія. Я не вижу поэтому причины, почему бы должны на долго на нихъ остановиться на томъ основаніи, что такъ поступаютъ другіе профессора. Мы не послѣдуемъ за тѣмъ представителемъ одной изъ указанныхъ теорій, который, когда ему говорили, что положенія его доктрины противорѣчатъ фактамъ, отвѣчалъ: тѣмъ хуже для фактовъ. Такое отношеніе къ фактамъ реальной дѣйствительности не можетъ считаться допустимымъ. Если противъ нашей теоріи могутъ быть приведены тѣ или иные факты, и эти факты не могутъ быть устранены ссылкой на то, что они возникли въ случайныхъ условіяхъ и этими условіями объясняются, то мы безусловно должны пересмотрѣть наши выводы, отказаться отъ нихъ и поискать новыхъ, которые бы отвѣчали этимъ фактамъ. Факты для насъ обязательны и разсуждать несогласно съ фактами мы не можемъ, желая оставаться на научной почвѣ.

Въ ближайшихъ лекціяхъ я познакомлю васъ съ тѣми выводами, къ которымъ приходитъ сравнительно-этнографическая и сравнительно-историческая литература по вопросу о происхожденіи государства. И когда мы познакомимся съ фактами сюда относящимися, намъ легче будетъ отнестись къ правильной оцѣнкѣ ходячихъ ученій о государствѣ, какъ продуктѣ авторитета, или о государствѣ, какъ продуктѣ завоеванія, или о государствѣ, порожденномъ Божіей волей, или о государствѣ, какъ дальнѣйшемъ продолженіи семьи, причемъ власть монарха является унаслѣдованной отъ патріарховъ Авраама, Исаака и Іакова.

ГЛАВА III.

5 билетъ

ИСТОРІЯ ПРОИСХОЖДЕНІЯ ГОСУДАРСТВА.

§1.

Не такъ давно вышло въ свѣтъ сочиненіе Ф.Ф.Кокошкина „Русское государственное право". Въ этомъ трудѣ авторъ трактуетъ о различныхъ теоріяхъ по вопросу о происхожденіи государства. Къ моему немалому удивленію историческому происхожденію государства отведены всего-три страницы, но и въ этихъ страницахъ ничего существеннаго не содержится, кромѣ развѣ такихъ неопредѣленныхъ заявленій, что „возможно предполагать, что первоначально государства возникаютъ въ интересахъ мѣстной защиты" и т.п. разсужденій. Между тѣмъ этотъ вопросъ въ настоящее время можетъ считаться въ достаточной степени выясненнымъ, благодаря трудамъ американскихъ и англійскихъ историковъ и этнографовъ. На первый взглядъ кажется довольно страннымъ, что вопросы государственнаго права рѣшаются людьми, которые не имѣютъ близкаго знакомства съ юриспруденціей и работаютъ въ совершенно другихъ областяхъ человѣческаго знанія. Но въ дѣйствительности этотъ вопросъ, если и подвергался въ послѣднее время обработкѣ, то именно со стороны людей, которые орудовали громаднымъ этнографическимъ матеріаломъ или же руководствовались методомъ, такъ называемыхъ, пережитковъ, то есть изучали разнаго рода легенды, сказанія и другіе памятники разныхъ временъ и, сопоставляя эти изслѣдованія съ этнографическими данными, старались доискаться истины въ вопросѣ о происхожденіи государства. Пользуясь работами моихъ предшественниковъ, я написалъ очеркъ о происхожденіи государства, причемъ пользовался сравнительно-историческимъ и сравнительно-этнографическимъ методами.

Я позволю себѣ, прежде чѣмъ разобрать ходячія теоріи о происхожденіи государства, перечисленныя обобщенія несогласныхъ

съ фактами, познакомить васъ съ тѣми гипотезами, которыя основаны на дѣйствительномъ изученіи фактовъ, имѣвшихъ мѣсто въ исторіи человѣчества.

„Добровольнымъ рабствомъ, говорится въ анонимномъ сочиненіи, долгое время приписываемомъ Ля-Боэси, объясняется исчезновеніе личности государству". Долгое время считали авторомъ этого трактата председателя суда Ля-Боэси. Послѣдній оставилъ намъ рядъ моральныхъ трактатовъ, которые ничего общаго съ трактатомъ о добровольномъ рабствѣ не имѣютъ. Напечатанъ этотъ трактатъ другимъ Ля-Боэси извѣстнымъ Монтенемъ, авторомъ знаменитыхъ „Опытовъ" - Les essais. - Этотъ трактатъ появился въ XVI вѣкѣ, когда заниматься литературой и высказывать искреннія сужденія по вопросамъ государственной жизни довольно неповадно было. Поэтому высказана догадка, что Монтэнь, назвавши авторомъ этого сочиненія покойнаго президента суда Ля-Боэси, можетъ быть только считался съ условіями, въ которыхъ ему приходилось писать и работать. Въ послѣднее время пѣлая литература вызвана желаніемъ опредѣлить, кто авторъ этого трактата, не безъ основанія считавшагося первымъ анархическимъ трактатомъ. Эта литература привела къ тому заключенію, что авторомъ этого замѣчательнаго сочиненія былъ самъ Монтэнь, который обнародовалъ его подъ именемъ своего умершаго друга, руководствуясь соображеніемъ, что съ покойниковъ взятки гладки. Вотъ почему въ дальнѣйшемъ я буду приписывать это сочиненіе его настоящему автору - Монтэню.

Въ добровольномъ рабствѣ, какъ бы ничтоженъ не былъ правитель, если бы имъ, по выраженію Монтеня, былъ не мужъ, а человѣчекъ - homeau люди всегда слѣдуютъ велѣніямъ, изданнымъ его именемъ и стѣсняющимъ ихъ свободу самоопредѣленія. Какъ бы безсмысленны и нелѣпы не были отданные имъ приказы, какъ бы не противорѣчили они убѣжденіямъ и совѣсти тѣхъ, на кого они направлены, послушаніе имъ будетъ общимъ правиломъ.

Какое заключеніе вправѣ мы сдѣлать изъ этого безспорнаго и общепризнаннаго факта - то ли, какое современникъ религіозныхъ войнъ и Варфоломеевской ночи выводилъ изъ него, говоря: „Перестаньте только повиноваться и вѣковое рабство падетъ само собой", или то, что въ психологіи всѣхъ существъ, призванныхъ къ общественной жизни, коренится неотразимый запросъ на руководительство. Тѣ, кто высказывается въ первомъ смыслѣ,

слывутъ въ наши дни подъ наименованіемъ анархистовъ. Соціологическая доктрина происхожденія власти и государства относится отрицательно къ ихъ ученію, такъ какъ связываетъ вопросъ о происхожденіи власти, съ болѣе общимъ, — о природѣ всякаго руководительства вообще. Источникъ его она ищетъ въ психологіи человѣческихъ группъ и даже группъ животныхъ. Что руководительство извѣстно всѣмъ этимъ группамъ, въ этомъ сходятся въ равной степени и изслѣдователи соціальной жизни высшихъ породъ позвоночныхъ, и этнографы, наблюдающіе или наблюдавшіе зарожденіе общественной жизни у наиболѣе отсталыхъ племенъ земного шара. Многимъ изъ Васъ, вѣроятно, извѣстно описаніе, какое Бремъ даетъ уже на первыхъ страницахъ I тома своей „Жизни животныхъ" руководительству, встрѣчаемому нами въ обществахъ обезьянъ. „Между ними, пишетъ онъ, самый сильный, самый старый, или наиболѣе способный становится вожакомъ. Это положеніе присвояется ему не въ силу всеобщаго избранія, а послѣ упорной борьбы со всѣми претендующими на тотъ же постъ. Столкновеніе обезпечиваетъ побѣду тому, чьи зубы особенно длинны, и руки отличаются особой силой. Разъ добившись руководительства, вожакъ требуетъ себѣ безусловнаго повиновенія". Не у однѣхъ обезьянъ мы встрѣчаемся съ такимъ начальствомъ и съ такимъ способомъ, сказали бы мы, „добыванія стола" силой и хитростью, за отсутствіемъ другихъ болѣе уважительныхъ мотивовъ. То же можетъ быть сказано, напримѣръ, о слонахъ, у которыхъ, по замѣчанію другого естествоиспытателя Топинара, наиболѣе благоразумный и бдительный обыкновенно является вождемъ: чаще всего это самецъ, но въ томъ же положеніи мы иногда встрѣчаемъ и самку. Руководящая роль его или ея исчезаетъ съ утратою отмѣченныхъ способностей, но пока они остаются на лицо, онъ или она располагаютъ широкимъ авторитетомъ и могутъ расчитывать на повиновеніе. Если отъ животнаго царства мы перейдемъ къ тѣмъ племенамъ, у которыхъ, благодаря условіямъ занимаемой ими мѣстности, не доставляющей достаточной пищи, не могли образоваться сколько нибудь численные союзы, къ племенамъ, которые живутъ, поэтому, разрозненными группами, въ нѣсколько паръ каждая, подчиняясь процессу, гдѣ медленнаго, а гдѣ и быстраго, вымиранія, намъ и у нихъ придется отмѣтить наличность общаго руководительства. Возьмемъ, напримѣръ, племя „Беддовъ" на о. Цейлонѣ. По своей отсталости они могутъ быть поставлены только рядомъ съ

«Бушменами» Африки, съ жителями огненной земли, съ «ботокудами» Бразиліи и съ Тасманійцами. Обособленная дифференціація почти не коснулась ихъ. У нихъ нѣтъ ни кастъ, ни рабства; нѣтъ у нихъ и постоянной осѣдлости. Они легко передвигаются въ погонѣ за пищей; и все то у нихъ есть, если не наслѣдственный или пожизненный, то временный повелитель, власть котораго обыкновенно зависитъ отъ зрѣлаго возраста, отъ его энергіи и ловкости. Между разрозненными группами нѣтъ еще такой связи, а потому отсутствуетъ и общій вождь, но каждая въ отдѣльности имѣетъ своего старѣйшину. У Ботокудовъ Бразиліи, Кину пришлось отмѣтить однохарактерныя черты. Правда, группы ихъ болѣе многочисленны, включаютъ въ себя отъ 10 до 12 семей каждая. Но это охотничье племя не знаетъ еще постоянной осѣдлости, хотя и владѣетъ своими охотничьими районами въ предѣлахъ, издавна установленныхъ и признаваемыхъ его сосѣдями. Всякое посягательство на эти районы со стороны другихъ однохарактерныхъ группъ подаютъ поводъ къ междоусобіямъ, иногда рѣшаемымъ путемъ поединка. Тотъ, кто останется побѣдителемъ въ немъ и тѣмъ докажетъ свою силу и ловкость, нерѣдко становится вождемъ той группы, интересы которой онъ отстаивалъ. У Тасманійцевъ, по описанію Бонвика, также встрѣчается уже руководительство, правда не наслѣдственное, а временное, всецѣло зависящее отъ личныхъ качествъ того, кто имъ пользуется, отъ его исключительной ловкости въ охотѣ и храбрости, обнаруживаемой при защитѣ охотничьяго района группы. Быть рѣдкаго племени изъ числа охотничьихъ научены съ той обстоятельностью въ такихъ широкихъ размѣрахъ и съ такимъ проникновеніемъ во всѣ подробности ежедневной жизни, какъ быть австралійскихъ негритосовъ. Благодаря работамъ Гаупта, а въ послѣднее время Спенсера и Гиллена, мы пріобрѣли возможность прослѣдить развитіе у нихъ различныхъ формъ руководительства, болѣе или менѣе выработанныхъ въ точной зависимости отъ матеріальныхъ условій, позволяющихъ скопленіе большаго или меньшаго числа индивидовъ одной мѣстности, а потому и большую или меньшую численность состава отдѣльныхъ группъ. У Южныхъ и юго-восточныхъ племенъ, населяющихъ пустыню, руководительство принадлежитъ обыкновенно старѣйшинѣ по возрасту и между ними наиболѣе популярнымъ, т.е. обезпечившимъ своей симпатіи преимущественно умомъ, силою и хитростью. Первенствующее значеніе ихъ

выступаетъ въ томъ, что въ ихъ распоряженіи оказывается большее число женщинъ. Ловкость въ охотѣ, умѣнье говорить, храбрость, искусство и колдовство являются личными условіями, обезпечивающими тому или другому лицу руководительство всею группою. Оно, какъ общее правило, временное и охватываетъ собою только членовъ мѣстной группы, орды или тотемы. Но какъ на единичные случаи можно указать на возникновеніе еще до прибытія европейцевъ пожизненнаго главенства надъ нѣсколькими группами. Такъ у Дізри нѣкто Джалина постепенно забралъ въ свои руки опредѣленіе времени и мѣста тѣхъ религіозныхъ церемоній, каія связаны съ производствомъ обрѣзанія *) и посвященія достигшихъ возмужалости подростковъ. На сотни миль въ окружности его посланцы объявляли о томъ, когда онъ будетъ держать совѣтъ со старикани или устраивать общія пиршества, сопровождающія акты посвященія молодежи, а также прекращеніе войнъ съ сосѣдями.

Джалина отличался необыкновеннымъ ораторскимъ искусствомъ, вдумчивымъ отношеніемъ ко всему, что ему говорили, и широкимъ

*) Примѣчаніе. Со временъ работъ Спенсера и Гиллена выясненъ любопытный фактъ. То обрѣзаніе, которое мы привыкли считать исключительной особенностью евреевъ, встрѣчается у цѣлаго ряда народовъ. Оно распространено между австралійскими негритосами, которые, разумѣется, никакого отношенія къ моисееву закону не имѣютъ. Обрѣзаніе играетъ роль поворотнаго момента въ жизни негритоса, считается актомъ новаго крещенія. До обрѣзанія негритосъ никакихъ правъ не имѣетъ. Съ момента обрѣзанія онъ пріобрѣтаетъ право охоты, право присвоенія женщинъ, право обзаводиться семейнымъ очагомъ и др. Отъ вождя зависитъ опредѣлить мѣсто и время, гдѣ и когда будетъ совершенъ актъ обрѣзанія юнаго негритоса, послѣ чего они пріобрѣтаютъ извѣстныя права. Понятно поэтому, какое громадное значеніе имѣетъ назначеніе мѣста и времени совершенія этого акта. Тотъ, отъ кого зависитъ это назначеніе, является лицомъ, захватившемъ руководство надъ всѣми жителями данной мѣстности.

гостепріимствомъ. Благодаря этимъ качествамъ въ большей степени, чѣмъ благодаря физической силѣ, онъ сдѣлался главою не только своего тотема, но и цѣлаго ряда другихъ. Онъ періодически посѣщалъ различныя группы Діери и періодически получалъ отъ нихъ подарки. Его руководительство, длившееся въ теченіе всей его жизни, сказывалось въ держаніи совѣтовъ, въ разбирательствѣ споровъ и тяжбъ и нерѣдко въ актахъ колдовства.

У племенъ, поселенныхъ въ болѣе плодородной мѣстности, лучше орошаемой и располагавшей поэтому большими пищевыми продуктами, мы встрѣчаемъ уже руководительство цѣлымъ племенемъ и притомъ нерѣдко наслѣдственное. Старѣйшина не только предсѣдательствуетъ на совѣтѣ стариковъ, но и играетъ первенствующую роль въ тѣхъ спеціальныхъ церемоніяхъ магическаго характера, которыя устраиваются съ цѣлью и въ надеждѣ размножить эту породу животныхъ или растеній, которая доставляетъ главную пищу племени.*)

Такъ какъ эти племена были большей частью охотничьими, то тотъ звѣрь, который былъ наиболѣе распространенъ въ занимаемой ими мѣстности, составлялъ самый интересный предметъ ихъ жизни. Неудивительно, поэтому, если они избираютъ его своимъ покровителемъ, если постепенно складывается представленіе о такой тѣсной связи между этимъ звѣремъ и тѣмъ народомъ, который живетъ охотой на него, что самъ народъ считается происшедшимъ отъ этого звѣря. Отсюда культъ того или иного животнаго, культъ , который принимаетъ иногда форму очень матеріальную, а именно: если число звѣрей данной породы уменьшается, то возникаетъ обычай, по которому налагается запретъ на употребленіе въ пищу въ теченіе нѣкотораго времени мяса этого животнаго. Исключенія дѣлаются только для извѣстныхъ праздниствъ., когда совершаются разнообразные чудодѣйственные или кудесническіе акты съ цѣлью размноженія этого звѣря. Въ виду тѣснаго сошенія, какое существуетъ между этимъ звѣремъ и всѣмъ родомъ, всей той группой людей, которые принадлежатъ къ тотему этого звѣря, обозначаютъ себя его именемъ и придерживаются представленія о происхожденіи отъ этого звѣря, совершаются слѣдующія жертвоприношенія. Убивается извѣстное количество головъ данной породы звѣря; самому звѣрю под-

---

Общее ученіе о государствѣ. Проф.М.М. КОВАЛЕВСКАГО.
Изд.Студ.Кассы Взаимопом. СПБ.Политехн.Институтъ.
Литографія Трофимова. СПБ.Можайская 3.

*) Они извѣстны подъ названіемъ „питичіума".

Л.6.

носятся куски его собственной плоти, которая въ то же время вкушается всѣми членами его расширеннаго семейства. При этомъ имѣется представленіе, что группа входитъ въ тѣснѣйшее общеніе съ этимъ звѣремъ, что отъ этого тѣснаго общенія къ членамъ этой группы переходятъ всѣ свойства ихъ животнаго покровителя, какъ физическія, такъ и нравственныя, и что въ то же время благодаря этому акту жертвоприношенія принимаются мѣры къ размноженію этого звѣря. Вотъ въ общихъ чертахъ теорія тотемизма.

Въ тѣсной связи съ тотемизмомъ и со всякаго рода заклинаніями и дѣйствіями, примѣняемыми съ цѣлью размноженія звѣря и установленія тѣснаго общенія между нимъ и его тотемомъ, стоитъ развитіе власти старѣйшинъ. Старѣйшины всегда предсѣдательствуютъ на этихъ парадныхъ празднествахъ , изъ года въ годъ повторяющихся и ставящихъ своей задачей размноженіе почитаемаго звѣря. Размноженіе въ дѣйствительности не достигается, но чрезвычайно распространеннымъ является представленіе о томъ, что путемъ вкушенія того или иного животнаго данной общественной группой, путемъ заклинаній и произнесенія сакраментальныхъ словъ должно достигаться размноженіе этого звѣря и должно совершаться перенесеніе его качествъ, духовныхъ и физическихъ, на вкушающихъ.

Этой точкой зрѣнія можно многое объяснить въ бытѣ дикарей, напримѣръ, убійство стариковъ. Нѣкоторыми учеными дается такое грубое объясненіе этого факта. Говорятъ, что убійство стариковъ объясняется недостаткомъ въ пищѣ. Такъ смотритъ, между прочимъ, значительное число сторонниковъ историческаго матеріализма. Хотя его основатели К.Марксъ и Фр. Энгельсъ были очень далеки отъ такихъ грубыхъ обобщеній. Въ дѣйствительности стариковъ съѣдаютъ въ опредѣленный моментъ, когда только появляются признаки дряхлости, но дряхлость еще не наступила. Ихъ съѣдаютъ въ надеждѣ, что тѣ свойства, нравственныя и физическія, которыя были присущи старикамъ, перейдутъ и къ тѣмъ членамъ ихъ общественной группы, которые будутъ участвовать въ пиршествѣ, вызванномъ ихъ убійствомъ. Сами старики знаютъ, что они будутъ съѣдены своими ближайшими потомками и когда приближается время старости они ждутъ этого момента въ увѣренности, что ихъ сила, ловкость и мужество перейдутъ къ потомкамъ. Души ихъ кормятъ ихъ потомки. Пока дѣло обстоитъ такъ, добрыя отношенія между душами умершихъ и живущими на землѣ не прекращаются. Но они могутъ и прекратиться и тогда умершіе посылаютъ болѣзни и несчастье на голо-

вы своимъ потомковъ, пока эти послѣдніе не будутъ болѣе удовлетворительно относиться къ исполненію своихъ обязанностей по отношенію къ предкамъ.

Разбирательство тяжбъ, возникающихъ въ средѣ племени также составляютъ обычную функцію племеннаго старѣйшины. Хотя его власт и является наслѣдственной, но слѣды болѣе стариннаго порядка, при которомъ онъ принадлежитъ только сильнѣйшему физически и умственно, выступаетъ нерѣдко, напр., у племенъ, населяющихъ западную часть колоніи „Викторія", въ томъ обстоятельствѣ, что побѣдившій въ единоборствѣ младшій братъ унаслѣдуетъ власть, которая должна была бы достаться старшему.

Если Вы хотите передать этотъ порядокъ болѣе отвлеченнымъ терминомъ, то здѣсь мы имѣемъ дѣло съ началомъ „добиванія стола", о которомъ говорится у проф.Сергѣевича въ его книгѣ „Князь и вѣче". Не одинъ только выборъ или признаніе обусловливали собой переходъ стола изъ рукъ въ руки, но также и фактъ добиванія, когда князь силой захватывалъ тотъ или иной княжескій престолъ. Такое же явленіе имѣетъ мѣсто въ актѣ единоборчества. Актомъ единоборчества и рѣшается вопросъ, кому быть правителемъ: старшему брату или младшему. Если побѣдитъ младшій, то онъ и дѣлается правителемъ. Начало наслѣдственности еще не упрочилось. Если Вы вспомните, какую роль играли поединки между представителями отдѣльныхъ общественныхъ группъ, то Вы поймете значеніе этихъ данныхъ этнографическаго характера для выясненія вопроса о происхожденіи государства.

Если мы спросимъ себя въ настоящее время, чѣмъ вызывается эта необходимость руководительства, проявляющаяся, какъ видно изъ сказаннаго, въ разнообразнѣйшихъ сферахъ жизни, то едва ли будетъ возможно дать ей иное объясненіе помимо психологическаго. Необходимость приспособляться къ новымъ обстоятельствамъ, какимъ можетъ быть даже такой наипростѣйшій фактъ, какъ размноженіе племени и параллельное ему сокращеніе добычи, получаемой отъ охоты въ предѣлахъ прежняго района, очевидно требуетъ затраты не одной мускульной, но и психической энергіи; онъ необходимо предполагаетъ личность той степени изобрѣтательности, на которую неспособно большинство. Немудрено, поэтому, если въ сказаніяхъ всѣхъ народовъ, въ томъ числѣ и только что разсмотрѣнныхъ наиболѣе отсталыхъ племенъ немного пара, про-

исхожденіе старѣйшинства или руководительства, принимающаго форму постояннаго учрежденія, связывается съ памятью о какомъ нибудь новаторѣ, изобрѣтателѣ, кудесникѣ. Такъ у австралійцевъ ходитъ сказаніе о нѣкоемъ Окни - Рабатѣ, терминъ, означающій „великаго учителя" и доселѣ примѣняемый къ мудрѣйшимъ, наиболѣе посвященнымъ въ знаніе мѣстныхъ обычаевъ и способныхъ обучить имъ другихъ. Лица, именуемыя такимъ образомъ, признаются въ сказаніяхъ древнѣйшими руководителями. Къ нимъ возводится установленіе извѣстныхъ обычаевъ, порядковъ, церемоній, ставящихъ себѣ цѣлью или опредѣлить условія дозволеннаго сожитія съ тѣми, а не другими женщинами племени, или тѣ магическіе акты, которые должны быть совершаемы въ интересахъ размноженія пищи. На нихъ возлагается избраніе особыхъ видовъ кудесничества, которые наиболѣе дѣйствительны для достиженія благопріятныхъ результатовъ. Однимъ изъ такихъ актовъ кудесничества является актъ, послѣдствіемъ котораго долженъ быть дождь. Вотъ лица, совершающія эти акты, „дождепроизводители", выдѣляются изъ числа другихъ членовъ рода и нерѣдко добиваются руководительства.

У американскихъ племенъ, какъ говоритъ лучшій знатокъ ихъ религіозныхъ вѣрованій, Бринтонъ, также имѣются сказанія о мифическихъ изобрѣтателяхъ обычаевъ и полезныхъ искусствъ, объ открывателяхъ питательныхъ свойственныхъ или другихъ растеній . . и т.д. На островахъ Новой Британіи такому мифическому предку приписывается установленіе не только тѣхъ или другихъ добрыхъ обычаевъ и обрядовъ, но и порядки постройки домовъ, устройства различныхъ приспособленій для улова рыбы и т.д. Сопоставьте съ этимъ сказанія китайцевъ о Фуги, основателѣ ихъ имперіи и изобрѣтателѣ способовъ приученія животныхъ, сѣтей для улова рыбы, наконецъ, самаго учрежденія брака . Это сказаніе въ послѣдней своей части довольно близко къ тому, какое аѳиняне сложили про Кекропса, своего перваго короля.

Такимъ образомъ не одна физическая сила, но и умственная, духовная, необходимо предполагается въ тѣхъ, кто выдѣляясь изъ толпы, становится руководителемъ. Необходимость же подчиняться чужимъ указаніямъ и велѣніямъ обусловливается не только большей способностью опредѣленныхъ лицъ давать желательное направленіе общественнымъ процессамъ, но и естественнымъ, прирожден-

нымъ влеченіямъ большинства воздерживаться отъ той затраты умственной энергіи, которая необходима для всякаго производительнаго почина. Одинъ американскій соціологъ, Мемфордъ, справедливо указываетъ на то, какое эмоціальное разстройство вызываетъ въ большинствѣ индивидовъ необходимость въ виду новыхъ условій отказаться отъ старыхъ привычекъ, обычаевъ и учрежденій. «Чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ вспомнить, говоритъ онъ, панику, порождаемую физическими бѣдствіями. Замѣшательство въ мысляхъ, нерѣшительность въ дѣйствіяхъ и большая способность подчиняться внушенію, проявляется каждый разъ, когда обычные порядки ассоціаціи нарушаются введеніемъ новаго фактора. Въ такихъ условіяхъ чувствуется особый запросъ на чужую инціативу, чужое руководительство, направленное къ достиженію новыхъ задачъ, необходимость которыхъ вызывается наступившею перемѣною. Въ каждой общественной группѣ найдутся люди, которые въ силу особыхъ свойствъ своего темперамента, большой ловкости и остроты ума, наконецъ, большого знанія, не теряютъ присутствія духа передъ хорошо сознаваемой ими опасностью новаго положенія и продолжаютъ за себя и за другихъ управлять общественными процессами, приспособляясь къ вновь возникшимъ условіямъ. Такіе люди обыкновенно изобрѣтательны, смѣлы, отличаются даромъ предвидѣнія и выдержанностью - все - качества, которыя не встрѣчаются въ массахъ. Продолжительное вниманіе, концентрація его на извѣстныхъ предметахъ, необходимы для того, чтобы открыть новыя точки зрѣнія, дающія выходъ изъ созданныхъ обстоятельствами затрудненій. Но это возможно только при наличности такихъ качествъ, какъ оригинальность, опытность, энергія, способность къ продолжительному усилію, - все свойства, которыя встрѣчаются только у меньшинства. Большинство же испытываетъ только одну крайнюю умственную усталость и упадокъ психической энергіи отъ чрезмѣрнаго напряженія, а потому охотно идетъ за тѣми, кто дѣлаетъ для него такое напряженіе излишнимъ, приспособляется къ ихъ указаніямъ и велѣніямъ, подчиняется ихъ воздѣйствію. Выражаясь терминологіей Тарда, масса заимствуетъ и подражаетъ, тогда какъ руководителю принадлежитъ починъ и изобрѣтеніе.*)

---

*) См. The American Journal of Sociology за 1906г. „ The origins of leadership" - Eben Mamford. Стр. 232 - 237.

§ 2.

Въ новѣйшее время сдѣлана была въ Англіи попытка выставить въ новомъ свѣтѣ вліяніе, какое на возникновеніе всякаго старѣйшинства и руководительства суждено было сыграть тому, что за отсутствіемъ положительнаго знанія заступило его мѣсто. Я разумѣю колдовство, или магію. Никто болѣе Фразера не содѣйствовалъ упроченію той вѣрной, на мои взглядъ точки зрѣнія, что магія стоитъ въ тѣснѣйшемъ отношеніи къ возникновенію древнѣйшихъ вѣрованій и къ происхожденію искусствъ, какъ пластическихъ, такъ и тоническихъ, въ частности музыки и поэзіи, наконецъ къ зарожденію духовнаго и свѣтскаго начальства. Въ главномъ своемъ трудѣ „Golden lough“ (Золотой Лукъ) Фразеръ (Fraser) собралъ богатый матеріалъ для характеристики различныхъ формъ магіи, распространенныхъ на низшихъ ступеняхъ культуры. Въ числѣ задачъ, нерѣдко весьма практическаго характера, какія ставитъ себѣ магія или колдовство, мы находимъ и такія, какъ размноженіе пищи, вызываніе дождя, устраненіе враговъ съ помощью производства дѣйствій, довольно близкихъ по природѣ къ тому envoutement, о которомъ еще недавно сообщалось во французскихъ газетахъ. Чародѣемъ, вызывающимъ болѣзнь и смерть, можетъ сдѣлаться каждый, во власти котораго окажется предметъ, бывшій въ обладаніи его жертвы, такъ какъ широко распространено представленіе, что чародѣйство, произведенное надъ частью, отдѣлившейся отъ цѣлаго, сообщается и этому послѣднему. Отсюда общераспространенное суевѣріе, доселѣ держащееся въ простонародьи, хотя бы напримѣръ, у насъ, и которое извѣстно было еще древнимъ ассиріянамъ, суевѣріе, что волосы и ногти, разъ попадавшіе въ руки враговъ, могутъ сдѣлаться источникомъ бѣдствій для того, кому они принадлежали, а потому и должны быть истребляемы, зарываемы въ землю, сожигаемы огнемъ и т.д. и т.д. Противъ чародѣйства можно дѣйствовать чародѣйствомъ, какъ противъ яда - противоядіемъ. Необходимо только открыть источникъ, изъ котораго направилось зловредное теченіе, и обратить на него затѣмъ такое же магическое воздѣйствіе. Лѣченіе на первыхъ порахъ и сводится къ магіи, направляемой противъ того, чьимъ колдовствомъ вызвана была болѣзнь или увѣчье.

Если вначалѣ чародѣйство, или колдовство, иначе магія, признается доступнымъ каждому, то со временемъ, по мѣрѣ развитія того

процесса дифференціаціи, въ которомъ Спенсеръ видѣлъ одно изъ проявленій поступательнаго движенія, или прогресса, *) извѣстныя лица, обладавшія высшимъ опытомъ, разумомъ или ловкостью, — качества, встрѣчаемыя не у однихъ только стариковъ, пріобрѣтаютъ въ глазахъ сосѣдства значеніе преимущественныхъ агентовъ въ оборудованіи магической силой. Это — „шаманы" Сибири, „попи" пшавовъ и хевсуръ, „волхвы" или чародѣи" русскаго сказочнаго эпоса и русскихъ лѣтописей, „друиды" древнихъ кельтовъ и произошедшіе отъ нихъ, согласно догадкѣ Мена, „брэгоны" древней Ирландіи. Мнѣ самому пришлось посѣтить народности, у которыхъ оффиціальное христіанство, ни въ чемъ почти не проявляясь, оставляетъ широкій просторъ для дѣятельности всякаго рода колдуновъ. У хевсуровъ Пшавовъ, Сванетовъ нашего Кавказа колдуны сплошь и рядомъ оттѣсняютъ на задній планъ рѣдко когда появляющихся священниковъ и сами попадаютъ въ положеніе, близкое къ жреческому. Факты подобнаго рода были болѣе или менѣе общимъ явленіемъ всюду, гдѣ при низкомъ уровнѣ культуры едва зачиналась дифференціація духовнаго сословія.

Новѣйшія изслѣдованія въ области этнографіи подтвердили ранѣе высказанную догадку, что кудесники и были первыми жрецами. Тайное знаніе всякаго рода „заговоровъ" и обрядностей, тщательно скрываемыхъ отъ постороннихъ и передаваемое по наслѣдству, сдѣлалось однимъ изъ условій преемственности въ отправленіе жреческихъ функцій и придало характеръ замкнутаго сословія, или касты, тѣмъ, кто бралъ на себя роль посредника между людьми и невидимыми силами, управляющими ихъ судьбами. Такъ какъ жречество имѣетъ своимъ источникомъ кудесничество, и то же кудесничество заступало мѣсто медицинскаго искусства, то немудрено, если въ тѣсномъ общеніи съ жречествомъ стоитъ въ ранній періодъ культуры и лѣчебное дѣло, если одну касту съ жрецами составляли и лѣкаря. Такъ какъ, съ другой стороны, въ этой средѣ по характеру господствующихъ въ ней интересовъ всего естественнѣе должны были сохраняться всякаго рода легенды, заклинанія, магическія формулы, нерѣдко излагаемыя стихами съ цѣлью болѣе легкаго удержанія ихъ въ памяти, то немудрено, если опять таки, въ тѣсномъ общеніи съ жречествомъ стоитъ долгое время и та профессія, которую можно передать терминомъ „народнаго сказа-

---

*) Другимъ проявленіемъ, въ его глазахъ, являлась интеграція, т.е.все большая и большая концентрація однохарактерныхъ функцій, иногда осуществлявшихся разными субъектами, въ одномъ.

тельства". Немудрено, если барды, ражоды и т.д. выходятъ изъ тѣхъ же родовъ, что и всякаго рода заклинатели и жрецы. Положеніе кудесника - жреца, какъ посредника въ сношеніяхъ съ сверхчувственными силами, руководящими судьбою живущихъ, облекало людей, предававшихся этой профессіи, такимъ почетомъ и уваженіемъ въ глазахъ ихъ соплеменниковъ, что послѣднимъ совершенно естественно было выбирать ихъ въ рѣшителей междуродовыхъ, а позднѣе и междусемейныхъ распрей. Память объ однажды постановленныхъ приговорахъ сохранялась между потомствомъ лицъ, ихъ произнесшихъ. Знаніе такихъ старинныхъ посредническихъ рѣшеній, нерѣдко тщательно скрываемыхъ отъ постороннихъ, становилось источникомъ вліянія, причиной того, что къ обладателямъ такого знанія, а не къ кому другому прибѣгали за разбирательствомъ новыхъ тяжбъ, междуродовыхъ и междусемейныхъ столкновеній.

Тѣ немногія свѣдѣнія, какими мы располагаемъ на счетъ друидовъ Галліи, благодаря описаніямъ Цезаря, находятъ себѣ существенное восполненіе въ свидѣтельствахъ древнихъ ирландскихъ источниковъ о такъ называемыхъ брегонахъ. Брэгоны - это посредники, примѣнявшіе старинныя рѣшенія, имъ однимъ извѣстныя, къ вновь возникавшимъ судебнымъ случаямъ. При замѣнѣ христіанствомъ язычества отъ кельтическаго жречества, отъ друидизма уцѣлѣли одни переживанія его свѣтскихъ функцій, въ томъ числѣ и функцій судебно-посредническихъ.

Никто болѣе Мэна не выяснилъ намъ дѣйствительную природу ирландскихъ брэгоновъ, рѣшенія которыхъ составили обширную литературу юридическаго характера. Всѣ сборники древняго ирландскаго права являются ни болѣе ни менѣе, какъ сборниками рѣшеній этихъ древнихъ посредниковъ, брегоновъ, вышедшихъ изъ рядовъ жреческаго класса. Со временемъ къ дѣйствительнымъ постановленіямъ брегововъ начинаютъ присоединяться многочисленныя категоріи, за одними комментаріями слѣдуютъ другіе, при чемъ одни комментаторы не понимаютъ своихъ предшественниковъ. Въ концѣ концовъ возникаетъ цѣлое трехъ или четырехъ этажное зданіе. Эти сборники переведены въ настоящее время на англійскій языкъ, и находятся въ рукахъ изслѣдователей даннаго вопроса. Но разобраться въ нихъ можно только, отбросивъ всѣ комментаріи. Такъ началъ вести дѣло Мэнъ, а за нимъ и другіе изслѣдователи.

На Кавказѣ мнѣ пришлось встрѣчаться съ зарожденіемъ чего то однохарактернаго. Въ Койшаурѣ, плоскостной части Дагестана,

до водворенія нашего владычества уже зародилась государственная власть. Представитель государственной власти назывался уцкія, т.е. судья, разбиратель тяжбъ. Когда мы пожелали узнать источникъ возникновенія его власти, то этотъ источникъ былъ указанъ въ сборникѣ судебныхъ рѣшеній, который былъ составленъ однимъ изъ предковъ уцѣлѣвшаго рода, нѣкіимъ Рустемъ-Ханомъ, который слылъ мудрѣйшимъ изъ жителей Койтага и оставилъ сборникъ судебныхъ рѣшеній, который хранился какъ тайна въ потомствѣ Рустемъ-Хана. Эта тайна сказывается уже въ самомъ заголовкѣ сборника. Онъ начинается словами: „Кто умѣетъ хранить языкъ за зубами, голова того будетъ цѣла". Такъ какъ единственными обладателями этого сборника были потомки Рустемъ-Хана, то рѣшено было выбирать старѣйшинъ изъ среды его семьи, его династіи для того, чтобы воспользоваться благодѣяніями отъ примѣненія старинныхъ рѣшеній. Если Вы вспомните о той роли, какую судьи сыграли въ зарожденіи еврейскаго государства, то Вамъ станетъ понятнымъ, что происхожденіе не только духовной, но и свѣтской власти, стоитъ въ тѣсной связи съ колдовствомъ, чародѣйствомъ, со значеніемъ судебныхъ рѣшеній.

Но рядомъ съ брегонами - посредниками мы встрѣчаемъ и родственную имъ группу брегоновъ - бардовъ, или пѣвцовъ, обладающихъ знаніемъ того, что можно назвать народнымъ эпосомъ, сказаніями, легендами о болѣе или менѣе мифическихъ герояхъ ирландскаго прошлаго. Выводы этнографіи встрѣчаются такимъ образомъ съ данными древнѣйшихъ литературныхъ и юридическихъ памятниковъ и укореняютъ въ нашемъ умѣ представленіе, что рано накопленное знаніе, разумѣется, не законовъ природы, а той суммы суевѣрій и обрядностей, въ которой при низкомъ уровнѣ культуры, ищутъ средствъ воздѣйствія на природу и людей, было однимъ изъ важнѣйшихъ факторовъ въ образованіи того, что можно назвать духовнымъ сословіемъ, или духовной кастой. Оно предшествовало возникновенію свѣтской аристократіи, такъ какъ въ періодъ архаическаго коммунизма не было условій, благопріятныхъ накопленію. Послѣднее имѣетъ необходимымъ результатомъ увеличеніе суммы возможныхъ воздѣйствій однихъ людей на другихъ, суммы ихъ вліянія, отъ большаго или меньшаго размѣра которой зависитъ и степень самого ихъ руководительства въ сферѣ свѣтскихъ интересовъ. Несомнѣнно, что съ момента начавшагося накопленія, которое, какъ мы сказали, не могло развиться у первобытныхъ охотниковъ и рыболововъ ранѣе изобрѣтенія ими спо-

себѣ добывать огонь и сохранять съ ея помощью пищевые продукты, появляются и зародыши того сословія, за которымъ будетъ признано руководительство простымъ людомъ въ свѣтскихъ дѣлахъ. Съ переходомъ къ скотоводству и земледѣлію обстоятельства складываются благопріятнѣе для его роста. Размноженіе стадъ даетъ возможность владѣющимъ ими семьямъ ставить въ экономическую зависимость отъ себя лицъ неимущихъ. Не случайностью объясняется поэтому тотъ фактъ, что у древнихъ ирландцевъ дворянствомъ считались такъ называемые боайре, т.е. владѣльцы коровъ, ссужаемыхъ лицамъ неимущимъ, которыя взамѣнъ принимали по отношенію къ своимъ „благодѣтелямъ" тѣ или другія служебныя обязанности. Въ связи съ сказаннымъ не лишено значенія, что и римскій терминъ „pecunia" происходитъ отъ того же корня, что и „pecus" - скотъ, и что въ названіи „феода" - составною частью входитъ понятіе скота „фе", т.е. „Vieh". Очень характерно также то названіе, подъ которымъ въ Испаніи долгое время извѣстны были члены высшаго дворянства - ихъ именовали „ricos hombres" - богатые люди, чѣмъ прямо указывалось на зажиточность, какъ на ближайшій источникъ выдѣленія ихъ изъ массы населенія. Изслѣдованія, сдѣланныя нашими историками права, и никѣмъ въ большей степени, чѣмъ проф. Сергѣевичемъ, привели къ тому заключенію, что и боярин - прежде всего человѣкъ зажиточный.

§ 3.

Если, такимъ образомъ, возникновеніе того, что привыкли называть общественной дифференціаціей, обусловливается накопленіемъ умственнаго и матеріальнаго достатка или запаса, что бы не сказать капитала, то самъ собою возникаетъ вопросъ, вельзя ли въ томъ же фактѣ видѣть и источникъ развитія власти племеннаго старѣйшины, или князя. Немногія свидѣтельства древнихъ писателей, восполняемыя показаніями народнаго эпоса и раннихъ памятниковъ письменности и права, какъ будто направляютъ нашу мысль въ сторону скорѣе личной доблести, какъ ближайшаго фактора княжеской власти, нежели въ сторону накопленія знанія, практическаго опыта и матеріальныхъ сокровищъ. Въ охотничьемъ быту нѣтъ, какъ мы уже сказали, благопріятныхъ условій для накопленія. Немудрено поэтому, если среди австралійскихъ племенъ, все еще живущихъ по

преимуществу охотой, старѣйшинство не стоитъ ни въ какомъ опредѣленномъ отношеніи къ накопленію имущества. Старѣйшины, или лица преклоннаго возраста, или лица, обнаружившія исключительныя качества хорошихъ охотниковъ, борцовъ, ораторовъ, кудесниковъ, врачевателей, вызывателей дождя, знатоковъ обычаевъ и преданій.*)

Болѣе или менѣе тѣми же условіями опредѣляется существованіе старшинскихъ функцій между краснокожими племенами центральной части Сѣв. Америки, такъ, напримѣръ, у племенъ Siy. Но у сѣверо-западныхъ племенъ, въ томъ числѣ у Тлинкитовъ, которымъ извѣстно рабство и у которыхъ къ первобытнымъ промысламъ присоединяется ремесленная и торговая дѣятельность, однимъ изъ обычныхъ условій для того, чтобы сдѣлаться старѣйшиной, является накопленіе имущества, въ частности запасовъ пищи. Оно дѣлаетъ возможнымъ устройство пиршествъ и раздачу подарковъ, чѣмъ въ свою очередь поддерживается и расширяется вліяніе зажиточныхъ. Владѣніе большимъ числомъ рабовъ, по показаніямъ Краузе, также, позволяетъ тому или другому Тлинкиту не только занять положеніе старѣйшины, но и сдѣлать это званіе наслѣдственнымъ, обыкновенно, въ материнской линіи. Старѣйшинство переходитъ въ томъ же порядкѣ, что и собственность, т.е. запасы и рабы. **)

Основатели греческихъ королевствъ - легендарные герои, или полубоги, въ родѣ Тезея, освободителя Аттики отъ населяющихъ ее разбойниковъ. Древніе германцы по свидѣтельству Тацита, выбираютъ своихъ герцоговъ, т.е. военачальниковъ, за ихъ доблесть - „Duces ex virtute summunt". Первые правители на Руси - пришлые князья, стоящіе во главѣ военныхъ бандъ или дружинъ. Кельтическіе роды объединяются на время войны подъ начальствомъ избраннаго за его доблесть „вергобрета".

Но на ряду съ этими фактами этнографы указываютъ намъ и на другіе совершенно иного порядка. Греческій „basileus", или король, въ то же время исполняетъ и жреческія функціи; по свидѣтельству Аристотелевой „политики", короли древней Греціи стояли въ тѣсномъ отношеніи къ сохраненію вѣчнаго огня на городскомъ очагѣ. Фразеръ (Fraser) въ своихъ недавнихъ лекціяхъ по „Ранней исторіи королевской власти" собралъ немало данныхъ, указывающихъ, что и въ Митиленахъ, и въ Хіосѣ, и на островѣ Косъ, король и городской очагъ приводились постоянно въ тѣсную связь между собою. Совершенно однохарактерныя данныя извѣстны намъ изъ быта нѣкото-

*) См „Американскій журналъ соціологіи" за 1907 г. Январь, стр. 504
(**) См стр. 92)

рыхъ племенъ Южной Африки. Такъ, у племени Матабелей король въ то же время верховный жрецъ. Онъ возноситъ молитвы не только духамъ своихъ предковъ, но и собственному своему духу, такъ какъ считается происходящимъ отъ божества. Точно также короли Спарты почитались потомствомъ Зевса и совершали жреческія функціи при жертвоприношеніяхъ въ его честь.

Еще болѣе раннюю ступень представляютъ въ исторіи развитія княжеской власти тѣ племенные старѣйшины, которые, начиная съ австралійскихъ дикарей и восходя до негритянскихъ племенъ внутренней Африки, вмѣстѣ съ тѣмъ являются знаменитыми чародѣями, слывутъ за лицъ, способныхъ вызвать своими заклинаніями и символическими дѣйствіями наступленіе ливня или исцѣлить больнаго раскрытіемъ дѣйствительнаго виновника постигшей его напасти, того скрытаго врага, который своимъ чародѣйствомъ обусловилъ его заболѣваніе. У южныхъ племенъ Австраліи, въ томъ числѣ у племени Вираджури, старѣйшиною является кудесникъ или лѣкарь. Онъ собираетъ народъ для совершенія тѣхъ обрядовыхъ актовъ, которые связаны съ наступленіемъ періода половой жизни и съ нимъ уже разсматриваетъ вопросы, касающіеся управленія.*) У Діери племенной начальникъ былъ не только славнымъ воиномъ, но и могущественнымъ кудесникомъ-лѣкаремъ. У жителей Меланезіи власть старѣйшинъ, по показаніямъ Кондригтона, стоитъ въ прямой связи съ представленіемъ объ ихъ тѣсномъ общеніи съ тѣнями покойниковъ и о возможности воздѣйствовать на нихъ въ направленіи благопріятномъ для интересовъ племени. На Новыхъ Гебридахъ племенное старѣйшинство переходитъ отъ отца къ сыну потому, что имѣется представленіе объ унаслѣдованіи послѣднимъ знанія магическихъ заклинаній и пѣсней, а также обладаніе тѣми амулетами, которые даютъ доступъ къ неземнымъ силамъ. У Багого, племени Восточной Африки, живущаго въ предѣлахъ германскихъ владѣній, власть старѣйшинъ зависитъ отъ приписываемой имъ способности вызывать дождь. У Массаи англійской Уганды верховнымъ вождемъ является кудесникъ - лѣкарь. **)

Я не стану приводить массу данныхъ изъ быта разнообразнѣйшихъ народовъ земного шара, которыя собраны Фрэзеромъ, съ цѣлью доказать тѣсную связь, въ какой старѣйшинство стоитъ съ представле-

*) Lectures on the early of the Kingship. стр.106.
**) Ibid. стр. 112 - 113.
(**) къ стр. 91. См. Ibid. стр. 513.

ніемъ, что лицо, къ нему призванное, обладаетъ условіями, необходимыми для производства магическихъ воздѣйствій. Нерѣдко основаніемъ къ такому предположенію является обладаніе старѣйшиной извѣстными чародѣйственными амулетами и талисманами. Вотъ почему, у многихъ малайскихъ племенъ, изученныхъ Скитомъ, въ случаѣ возстанія противъ старѣйшины мятежники прежде всего озабочены мыслью о томъ, какъ бы захватить эти талисманы. „Подобно тому, какъ евреи, говоритъ Фразеръ, носили съ собою ковчегъ Завѣта, такъ точно племенной старѣйшина, идя на войну, уноситъ съ собою эти своего рода регаліи, ожидая отъ нихъ магическаго вліянія побѣды надъ непріятелемъ".*) Нѣчто подобное такимъ регаліямъ представляютъ знамена во власти нѣкоторыхъ шотландскихъ клановыхъ старѣйшинъ. Съ тѣмъ, которымъ владѣли Маклеоды, связано было представленіе о чудодѣйственной силѣ. Она сказывалась между прочимъ въ томъ, что стоило его развернуть, чтобы вызвать обильный урожай картофеля.**)

Переживаніемъ того отдаленнаго періода, когда племенной старѣйшина являлся вмѣстѣ съ тѣмъ и чародѣемъ, можно считать удержавшееся не только въ средніе вѣка, но и еще въ XVII столѣтіи представленіе, что король однимъ только возложеніемъ рукъ, однимъ прикосновеніемъ, можетъ исцѣлить нѣкоторыя болѣзни, напр., золотуху и свинку. Людовикъ Святой лѣчилъ отъ послѣдней, настаивая на томъ, что онъ унаслѣдовалъ эту чудодѣйственную силу отъ Хлодвига, а англійскіе же короли изъ династіи Стюартовъ производили свою магическую силу врачеванія отъ Эдуарда Исповѣдника. КарлъI незадолго до своей казни еще возлагалъ руки на золотушныхъ, и свидѣтелемъ такого же лѣченія ихъ КарломъI былъ извѣстный авторъ „Мемуаровъ" Пеппи. Докторъ Джонсонъ, біографія котораго, составленная Босвилемъ, принадлежитъ къ числу наиболѣе читаемыхъ въ Англіи книгъ, въ дѣтствѣ своемъ лѣчимъ былъ отъ золотухи королевой Анной, приложившей къ нему съ этой цѣлью свою руку. ***)

На ряду съ фактами, указывающими на то, что обладаніе своего рода умственнымъ капиталомъ, все содержаніе котораго исчерпывается

---

*) Ibid. Стр. 121.

**) Ibid. Стр. 125.

***) См.Ibid. Стр. 126 - 27.

нерѣдко чародѣйствомъ, открываетъ путь къ верховной власти или служитъ средствомъ къ ея сохраненію въ рукахъ потомства, можно указать на такія данныя, какъ упроченіе за нисходящими знаменитаго своей мудростью судьи - посредника старѣйшинской власти. Примѣръ этому мы находимъ въ нашемъ Закавказьѣ. Семья знаменитаго судьи - посредника (Уцмія) хранила въ тайнѣ, какъ драгоцѣнное наслѣдіе, постановленныя имъ рѣшенія. Самый сводъ ихъ начинался словами: „Кто умѣетъ хранить языкъ за зубами, голова того будетъ цѣла". Фактъ, о которомъ я говорю, восходитъ не далѣе, какъ къ серединѣ XVII столѣтія и имѣлъ мѣсто въ плоскостной части Дагестана, въ такъ называемомъ Койтагѣ.

Изъ всего сказаннаго, какъ мнѣ кажется, не трудно вывести то заключеніе, что вопросъ о добровольномъ рабствѣ, поставленный еще Монтенемъ, рѣшается современной соціологіей въ томъ смыслѣ, что источникъ его надо видѣть въ психической преградѣ человѣка, въ преобладаніи въ ней чувствъ надъ разумомъ, въ естественномъ отвращеніи къ напряженію мыслительныхъ способностей, въ происхожденіи отсюда склонности держаться стараго, все равно суевѣрія или обычая, въ предпочтеніи пассивнаго воспріятія самостоятельному творчеству. Отсюда готовность подчиняться чужому руксводительству тѣхъ, кто признается обладателемъ большей физической или психической энергіи. Эта послѣдняя выступаетъ въ совершаемыхъ имъ актахъ магіи или чародѣйства, направленныхъ на благо членовъ одного съ нимъ рода или племени. Она сказывается также въ военной храбрости или доблести (Virtus), затрачиваемой на пользу тѣхъ, кто подчиняется руководительству. Не въ какомъ-то, никогда не имѣвшемъ мѣста договорѣ народа съ избраннымъ имъ вождемъ надо поэтому искать источникъ возникновенія власти и государства, по примѣру писателей XVII и XVIII вѣковъ, а въ психическомъ воздѣйствіи личностей, способныхъ къ иниціативѣ, къ творчеству, на массы, неспособныя ни къ чему иному, какъ къ подчиненію своей дѣятельности чужому примѣру, чужому руководительству. Общераспространенная легенда о полубогахъ, или герояхъ, какъ основателяхъ государственнаго общежитія, заключаетъ въ себѣ такимъ образомъ нѣкоторую долю истины, а это значитъ въ концѣ концовъ, что и въ дѣлѣ созданія государства, какъ и въ области религіи, искусства или права, инициаторами являются изобрѣтатели, лица способныя затратить избытокъ своей физической и умственной силы, нерѣдко

также взамѣнъ послѣдней, одной только фантазіи и хитрости, на дѣйствительное или мнимое служеніе пассивной массѣ, способной только къ воспріятію, т.е. другими словами, къ однимъ подражательнымъ процессамъ.

Выдающаяся личность является, такимъ образомъ, творцомъ государства не въ силу выбора, не на основаніи договора съ подвластными, а благодаря тому вліянію, какое ей удается оказать на нищую чужого руководительства толпу. Личность собираетъ вокругъ себя дотолѣ разрозненные и нерѣдко враждующіе между собой роды и племена, расширяетъ тѣмъ самымъ предѣлы той замиренной среды, въ которой нетерпимо кровное возмездіе, направляетъ совокупныя усилія всѣхъ на отстаиваніе независимости родины, принимая на себя съ этой цѣлью руководительство внѣшними предпріятіями и отраженіе всякихъ нападеній извнѣ. Въ то же время она распространяетъ на всѣхъ подвластныхъ миръ, какимъ пользуется его собственный очагъ и который раздѣляютъ съ нимъ всѣ члены его семьи и рода. Мѣсто кровнаго возмездія, осуществляемаго родственниками жертвы, занимаетъ отнынѣ насильственное удаленіе преступника изъ замиренной и имъ обезпокоенной среды, граница которой начинаютъ совпадать съ границами вновь возникшихъ государствъ. Идея кровнаго возмездія смѣняется идеей наказанія, въ которой разрушеніе жилища виновнаго, то что извѣстно древнему русскому праву подъ названіемъ „потока и разграбленія", предшествуетъ по времени общимъ или частичнымъ конфискаціямъ (штрафамъ) и имѣетъ цѣлью побудить виновнаго къ выселенію.

Замѣтьте, что обыкновенно разрушаютъ жилище лица, нарушившаго миръ въ предѣлахъ сперва того района, на который распространяется власть племеннаго старѣйшины, а затѣмъ всего района, совпадавшаго съ границами всего государства, которое пользуется благодѣяніями королевскаго мира. Разсматриваемое явленіе чрезвычайно распространено. Оно встрѣчается въ древнемъ германскомъ правѣ. Лицо, оскорбившее родъ насильственнымъ актомъ, направленнымъ противъ родственника, получаетъ названіе vargus'a. Нѣмцы разрушаютъ жилища этихъ лицъ, послѣ чего они бродятъ по окрестностямъ, какъ голодные волки, нигдѣ не находя пристанища до того момента, когда они будутъ усыновлены другимъ родомъ. Вы знаете, что историки русскаго права болѣе ранняго періода остановились на той мысли, что русскіе изгои очень близки по своей природѣ къ германскому vargus'y. Эти лица не имѣютъ ни рода, ни племени до

тѣхъ поръ, пока не будутъ приняты какой нибудь общественной группой въ свою среду. Конечно, кавказское абречество тоже относится къ этой категоріи явленій. Абрекъ это - нарушитель мира въ родственной средѣ. Путемъ разрушенія его жилища его заставляютъ покинуть ту общественную среду, въ которой онъ родился и выросъ. Такимъ образомъ съ возникновеніемъ старѣйшинства, возникаетъ представленіе о распространеніи имъ того мира, которымъ пользуется близкая ему родственная среда и на всю ту территорію, которая подпадаетъ подъ его власть.

Мы могли бы прослѣдить постепенно развитіе этого королевскаго мира въ исторіи права любого изъ новыхъ европейскихъ народовъ. Но, быть можетъ, ни у кого онъ не выступаетъ съ такой наглядностью какъ у англичанъ. Вотъ почему въ первой своей работѣ „Возникновеніе мѣстнаго самоуправленія въ Англіи", я посвятилъ цѣлую главу вопросу о развитіи королевскаго мира.

Резюмируя свои мысли въ нѣсколькихъ словахъ, я долженъ сказать слѣдующее: въ данныхъ этнографіи мы находимъ наглядное подтвержденіе того, что государственные порядки зарождаются у племенъ, выходившихъ изъ условій родсвого быта.

Германскій конунгъ и славянскій князь не только стоятъ обыкновенно въ главѣ войска, но и держатъ при себѣ отрядъ добровольцевъ, такъ называемую дружину, германскій Geleit илисomitatus. Они въ то же время обезпечиваютъ внутреннее спокойствіе постепеннымъ расширеніемъ же извѣстныхъ лицъ той спеціальной охраны, какой пользуется ихъ собственная резиденція, ихъ дворъ или очагъ и всѣ тѣ, кто приходилъ съ ними въ постоянное и даже временное общеніе. Характерный примѣръ въ этомъ отношеніи представляетъ намъ Англія въ эпоху первоначальнаго образованія тѣхъ небольшихъ княжествъ, , соединеніе которыхъ сперва въ семи-княжіе, а затѣмъ въ единокняжіе и положило началу англійскому государству. Въ древнѣйшихъ законахъ саксовъ Англіи мы находимъ еще слѣды родовыхъ порядковъ и связаннаго съ ними преслѣдованія преступника кровнымъ родственникомъ жертвы. Убійство самого правителя ведетъ къ уплатѣ головничества или выкупа его роду. Объ этомъ говорится еще въ томъ памятникѣ, который извѣстенъ подъ именемъ законовъ короля Ины. Но въ позднѣйшихъ по времени законахъ не только королевская резиденція пользуется охраной особаго мира, нарушеніе котораго сопровождается уже наказаніемъ, а не родовымъ возмездіемъ, но тотъ же миръ распространенъ на всѣхъ , кто временно поставленъ въ невоз-

можность разсчитывать на заступничество своего рода или по характеру своей профессіи не можетъ прибѣгать къ нему: на странствующихъ и путешествующихъ столько же, сколько же и на духовныхъ. Отсюда миръ, которымъ пользуются дороги и храмы. Послѣдніе поставлены подъ защиту не одного церковнаго, но и королевскаго мира. Король беретъ подъ свое покровительство всѣхъ безродныхъ, а потому иностранцевъ, пребывающихъ въ предѣлахъ его государства, а также вдовъ и сиротъ. Въ концѣ концовъ миръ королевскій получаетъ такое широкое распространеніе, что сливается съ земскимъ миромъ. Это значитъ, что насталъ конецъ родовому возмездію и всѣ одинаково признали для себя обязательнымъ переносить на разбирательство короля свои распри. Король судитъ самъ, и лѣтописецъ Жуэнвиль еще рисуетъ намъ образъ популярнаго монарха Людовика XI Святого, постановлявшаго приговоры подъ Венсенскимъ дубомъ; это тотъ же образъ, какой въ операѣ Вагнера „Лоэнгринъ" выступаетъ въ личности императора Генриха Птицелова, разбиравшаго распрю регента Брабантскаго съ матерью исчезнувшаго малютки - правителя.

Но королю, разумѣется, самому не управиться со всѣми тяжбами. Онъ назначаетъ поэтому взамѣнъ себя великаго судью, или „юстиціарія" - magnus justiciarius, котораго мы встрѣчаемъ въ Англіи въ періодъ ранняго владычества норманновъ и въ лицѣ аррагонскаго великаго судьи, который игралъ такую важную роль въ смыслѣ контроля конституціонности законодательныхъ актовъ. Но скоро королю не удается разборъ хотя бы только главнѣйшихъ жалобъ; разбирательство ихъ не подъ силу и верховному судьѣ, тогда король обращается къ созданію судебныхъ палатъ. И въ высшей степени интереснымъ моментомъ англійской исторіи является моментъ установленія подобныхъ палатъ, называвшихся „палатами королевской скамьи". Самый фактъ, что древніе англійскіе судьи носятъ названіе судей королевскихъ скамей, указываетъ на существованіе представленія о томъ, что король самъ разбираетъ всѣ дѣла. Господство такихъ порядковъ продолжается въ Англіи до того момента, когда англичане добиваются „Великой хартіи вольностей" и вмѣстѣ съ ней пріобрѣтаютъ право особенныхъ судовъ для обыкновенныхъ тяжбъ. Королю, такимъ образомъ, приходится

Общее ученіе о государствѣ. Проф. М.М.КОВАЛЕВСКАГО.
Изд. Студ. Кассы Взаимопомощи. СПБ.Политехн.Институтъ.
Литографія Трофимова. СПБ. Можайская 3.

Л. 7.

Составитель Филиппов

постоянно восполнять свою дѣятельность назначеніемъ цѣлаго ряда лицъ для выполненія судебной функціи, причемъ нѣкоторые изъ нихъ въ этихъ цѣляхъ разъѣзжаютъ по странѣ. Такъ создаются такіе порядки, которые мы встрѣчаемъ въ Англіи, съ нѣкоторыми измѣненіями, конечно, и въ настоящее время. Верховные судьи, число которыхъ равно 15, и къ которымъ недавно было прибавлено еще два, призваны разъѣзжать по странѣ и предсѣдательствовать на, такъ называемыхъ, уголовныхъ ассизахъ, на уголовныхъ разбирательствахъ, въ которыхъ и роль обвинителя и роль судей не только въ вопросахъ факта, но и въ вопросахъ права, принадлежитъ присяжнымъ судьямъ. Причемъ, какъ Вы знаете, обвиненіе составляется обвинительнымъ жюри, а судебное рѣшеніе предлагается судебнымъ жюри.

Король не только военачальствуетъ и судитъ, но онъ также законодательствуетъ, восполняя мѣстный обычай, въ образованіи котораго не мудрено открыть слѣды дѣятельности какъ раннихъ посреднических судовъ, такъ и позднѣйшихъ королевскихъ. Собственными приказами или указами, такъ называемыми, въ древней Германіи „Banna" король видоизмѣняетъ и дополняетъ обычай. Если обратиться къ „Русской Правдѣ", то можно будетъ убѣдиться, что, хотя въ основу ея и положено обычное право, впослѣдствіи къ этому послѣднему и присоединяются постановленія князя Ярослава и его сыновей. Но эти обязательныя нормы предписываются или не иначе, какъ съ вѣдома и участія княжескаго совѣта, въ составъ котораго призываются не одни старшіе члены ихъ дружины и лица, призванныя управлять княжескимъ дворомъ, но и всѣ второстепенные старѣйшины, которые стоятъ въ главѣ отдѣльныхъ племенъ и родовъ. Проф. В.О. Ключевскій, говоря о Княжеской Думѣ временъ первыхъ Рюриковичей, считалъ возможнымъ отождествлять родовыхъ старѣйшинъ съ упоминаемыми лѣтописью „старцами градскими". Я не знаю, насколько эта точка зрѣнія можетъ быть поддерживаема послѣ работъ проф. М. Владимирскаго. - Буданова и В.И. Сергѣевича. Но что бы мы не думали на этотъ счетъ, несомнѣнно одно, что въ древнихъ славянскихъ княжествахъ, какъ и у древнихъ германцевъ, на ряду съ народнымъ сходомъ мы встрѣчаемъ и совѣтъ старѣйшинъ. О немъ свидѣтельствуютъ одинаково и арабскіе и византійскіе источники. Что касается до древнихъ германцевъ, то показаніе Тацита не оставляетъ на его счетъ никакого сомнѣнія. Тацитъ говоритъ буквально слѣдующее: о меньшихъ дѣлахъ совѣтуются старѣйшины (principes), о болѣе

важныхъ -всѣ (de minoribus principes consultant, de majoribus omnes) (Germanius). Тѣ же зародыши болѣе тѣснаго совѣта народнаго собранія можно открыть и въ порядкахъ древне-греческихъ королевствъ и республикъ и въ начальный періодъ римской исторіи. Буле и экклезія, senatus и народныя комиціи по трибамъ и центуріямъ занимаютъ въ государственномъ устройствѣ народовъ классической древности то же мѣсто, какое у народовъ средневѣковья имѣютъ совѣты князя или думы съ одной стороны, и народные сходы и вѣча съ другой, вѣча, продолжавшія держаться въ городскихъ республикахъ Италіи подъ именемъ „говориленъ", а „ringha" и parlamentum" и переживаніемъ которыхъ во Франціи надо считать мартовскія и майскія поля.

Англійскій историкъ Фриманъ не прочь бы признать такіе порядки общими всѣмъ арійцамъ. Но данныя этнографіи позволяютъ расширить его утвержденіе и примѣнить его къ разноплеменнѣйшимъ народамъ земного шара въ періодъ, непосредственно слѣдующій за возникновеніемъ государства. Совѣтъ старѣйшинъ на ряду съ общимъ сходомъ встрѣчаются уже у австралійскихъ негритосовъ. Ранѣе упомянутый нами Джалина изъ племени Діэри разбиралъ дѣла, касающіяся интересовъ всего народа, подчинявшагося его власти, съ членами своего совѣта, составленнаго изъ людей пожилого возраста, извѣстныхъ воиновъ, ораторовъ, колдуновъ и врачевателей, а также старѣйшинъ отдѣльныхъ родовъ или точнѣе тотэмовъ.*

О такихъ же точно порядкахъ говорятъ намъ этнографы, изучавшіе краснокожихъ племень Америки. Такъ, у племени Сіу по словамъ Макъ Джи, правитель совѣщается въ вопросахъ мира со старѣйшинами и вождями. **)

У Ирокезцевъ, такъ обстоятельно изученныхъ Морганомъ, одинаково существуютъ и тѣсные совѣты и народные сходы. Абсолютная власть, какой пользовались или пользуются владѣльцы африканскихъ деспотій, въ томъ числѣ недавно упраздненнаго французами Дагомейскаго царства/отнюдь не можетъ считаться древнѣйшимъ порядкомъ политическаго устройства, какъ нельзя считать имъ и деспотіи древняго Востока.

---

*) Американскій журналъ соціологіи. „The origins of leadership", Manford 1906 - 07 г.г. стр. 393.

**) Ibid. стр. 509.

Сама княжеская власть лишь съ теченіемъ времени и постепенно становится наслѣдственной. Эта наслѣдственность долгое время встрѣчаетъ противовѣсъ въ стремленіи обезпечить руководительство наиболѣе доблестнаго, разумнаго и популярнаго вождя, славнаго своей силой и ловкостью или своимъ геройствомъ.

Мы указали выше примѣры перехода княжеской власти въ руки младшаго брата или сына послѣ счастливаго единоборства его со старшимъ. Наслѣдственность тогда возникаетъ, какъ послѣдствіе передачи изъ рукъ въ руки амулетовъ или не менѣе драгоцѣнныхъ сокровищъ - хранимыхъ въ тайнѣ рѣшеній предка посредника. Сама она не предполагаетъ необходимо перехода власти отъ отца къ сыну, а замѣщеніе выбывшаго за смертью вождя старшимъ въ его родѣ, которымъ, разумѣется, надо считать не лицъ въ нисходящей линіи. Въ древней Ирландіи власть унаслѣдовалась поэтому старшимъ братомъ покойнаго и этотъ порядокъ, извѣстный подъ именемъ law of tanistry, какъ показываетъ изслѣдованіе Поля Віоле *), долгое время опредѣляя собою переходъ стола у многихъ народовъ древняго и новаго міра. Онъ извѣстенъ, между прочимъ, и намъ въ ранній періодъ нашей исторіи. Великое княженіе доставалось не сыну, а старшему брату покойнаго правителя.

Государство въ моментъ его возникновенія и многіе вѣка спустя не ставитъ себѣ болѣе сложныхъ задачъ, кромѣ тѣхъ, какими являются внѣшняя власть и сохраненіе внѣшняго мира. Безопасность и правосудіе исчерпываютъ содержаніе правительственной программы. Культурныя задачи такому государству неизвѣстны. Область воспоминаній остается въ вѣдѣніи частью тѣхъ обширныхъ семей, которыя сохраняютъ память о родовыхъ порядкахъ, частью церкви и создаваемыхъ ею учрежденій. Та же церковь несетъ заботы объ общественномъ призрѣніи.

Такимъ образомъ, давши отвѣтъ на вопросъ о томъ, какимъ образомъ на низшихъ ступеняхъ развитія князь въ сообществѣ совѣта старѣйшинъ и народнаго вѣча печется о военныхъ нуждахъ и земскомъ мирѣ, мы исчерпали тѣмъ самымъ содержаніе дѣятельности государства.

§4.

Отвѣчая въ настоящее время на общій вопросъ о роли личности въ образованіи государства, вопросъ, посильнымъ отвѣтомъ на ко-

---

*) Memoire sur la tanistry, presente a l'Academie des sciences morales et politiques.

торый и долженъ, между прочимъ, служить настоящій „Историческій очеркъ происхожденія государства", намъ придется сказать, что во-первыхъ иниціаторомъ созданія политическаго союза, ставящаго себѣ задачей охрану мира внутри и независимости извнѣ, является всегда выдающаяся личность, обладающая физическими или психическими свойствами, обезпечивающими ей роль руководителя; во-вторыхъ, что та же личность далеко не требуетъ себѣ безграничнаго подчиненія и исключительнаго господства. Она осуществляетъ свою власть при участіи и съ совѣта старѣйшинъ, обязанныхъ, въ свою очередь своимъ выдающимся положеніемъ наличности условій, при которыхъ вообще становится возможнымъ руководительство. Этими условіями могутъ быть въ такой же степени старый возрастъ, житейская опытность, личная доблесть, какъ и накопленіе имущества, матеріальнаго или духовнаго, причемъ подъ послѣднимъ приходится разумѣть знаніе мѣстныхъ обычаевъ и тѣхъ обрядовъ, совершеніе которыхъ связано съ производствомъ тѣхъ или другихъ актовъ магіи или врачеванія, вызыванія дождя и т. д. и т.д.

Преслѣдуя лишь опредѣленныя задачи государственная власть не поглощаетъ индивида, а открываетъ довольно широкій просторъ для его самодѣятельности. Внутренній человѣкъ остается свободнымъ настолько, насколько онъ не связанъ не вполнѣ еще разорванными оковами родового быта и суевѣрій, порождаемыхъ магіей и первобытной религіей, насколько онъ не обязанъ подчиняться въ своемъ поведеніи брачнымъ и имущественнымъ запретамъ, тѣмъ многочисленнымъ „табу", которыя ограничиваютъ выборъ имъ невѣстъ въ такой же степени, какъ и право пользованія извѣстными предметами, изъятыми изъ общаго обладанія съ помощью магическихъ формулъ и обрядовъ.

-------ooooo0000oooo--------

Теорія Историческій очеркъ происхожд. государства 6 билетъ

§ 5.

Вопросъ о происхожденіи государства былъ поставленъ уже въ классической древности и съ тѣхъ поръ ученые различныхъ странъ давали и даютъ довольно не сходныя рѣшенія этого вопроса. Если мы спросимъ себя, какъ относилась древность къ вопросу о происхожденіи государства, то любопытно будетъ отмѣтить тотъ фактъ, что возникновеніе государства считалось явленіемъ настолько естественнымъ, настолько связаннымъ съ самой общежительной природой человѣка, что когда Аристотелю приходилось поднимать этотъ вопросъ, то онъ довольствуется указаніемъ на то, что человѣкъ есть не только общежительное существо, но и существо политическое: человѣкъ это ζῶον πολίτικον . Аристотель не можетъ представить себѣ человѣка, который существовалъ бы внѣ государства. Правда, существуютъ варвары, но варвары живутъ въ деспотическихъ государствахъ, и является сомнительнымъ вопросъ о томъ, насколько по своей психикѣ варваръ отвѣчаетъ понятію „человѣкъ". Только тамъ, гдѣ начинается эллинъ, начинается для Аристотеля существо не только общежительное, но и политическое. А возникновеніе государства вытекаетъ изъ самой природы человѣка, какъ существа политическаго. Что предшествуетъ, по мнѣнію Аристотеля, возникновенію государства? Семья. При этомъ семья понимается въ смыслѣ обширной семьи, въ составъ которой входятъ не только отецъ и мать семейства, но и домодчадцы, т.е. дѣти, происшедшія отъ семейнаго союза, а кромѣ того, и рабы. Соединеніе этихъ семей, въ составъ которыхъ входятъ рабы, образуетъ государство. Всѣ тѣ слѣдующія другъ за другомъ фазы общественнаго развитія между семьей и государствомъ, которыя выдвигаются теоріей XIX столѣтія, и существованіе которыхъ подтверждается данными топографіи, какъ напримѣръ, родъ, или, такъ называемое, гражданское общество, - объ этихъ общественныхъ организаціяхъ, предшествующихъ по времени возникновенію государства у древнихъ греческихъ писателей нѣтъ и помину.

Если отъ теорій греческихъ мыслителей мы перейдемъ къ теоріямъ латинскихъ писателей, которые касались вопросовъ политики и государственнаго устройства и касались ихъ по преимуществу случайно въ своихъ рѣчахъ, какъ, напримѣръ, Цицеронъ, или вообще въ

своихъ сочиненіяхъ, то здѣсь мы не найдемъ никакого отличія отъ взглядовъ Аристотеля. У Цицерона государство есть союзъ людей, союзъ постоянный (coetus perfectus) и имѣющій тотъ признакъ, что онъ объединенъ единствомъ власти и единствомъ права. И здѣсь этотъ союзъ настолько естественъ, что не стоитъ поднимать вопроса объ его происхожденіи.

Если, далѣе, мы перейдемъ къ среднимъ вѣкамъ, то прежде всего у средневѣковыхъ мыслителей мы встрѣтимся съ религіозно анархическимъ отношеніемъ къ государству, которое въ значительной степени навѣяно было христіанской доктриной. Христіанство долгое время было преслѣдуемой сектой, и потому легко могло сложиться такое представленіе, какое сложилось у Блаженнаго Августина, именно представленіе о томъ, что Римская Имперія, какъ государство безъ справедливости, ничѣмъ не отличается отъ разбойничьей шайки. Государство настоящее - это то государство, которое ждетъ насъ за гробомъ. И только нѣкоторымъ приближеніемъ къ нему было государство земное, если бы оно было построено по образцу царства Божьяго - Civitas Dei, которое рисуетъ Блаженный Августинъ. Сочиненія Блаженнаго Августина имѣютъ для насъ чрезвычайно важное значеніе, такъ какъ въ нихъ Блаженный Августинъ развивалъ мысли многихъ древнихъ мыслителей, напримѣръ, Цицерона, сочиненія которыхъ до насъ не дошли. Долгое время сочиненіе Цицерона „De republica“ и притомъ въ отрывкахъ было извѣстно только по сочиненіямъ Блаж. Августина. Точно также Бл. Августинъ пользовался сочиненіями Плутарха, тоже до насъ недошедшими, и только, благодаря немногимъ отрывкамъ изъ сочиненій Плутарха, приведеннымъ въ „De civitate Dei“ да въ сочиненіи Іоанна Салисберійскаго, мы знакомимся съ нѣкоторыми воззрѣніями Плутарха.

Изъ всѣхъ этихъ недошедшихъ до насъ сочиненій, о которыхъ мы знаемъ только по передачѣ Бл. Августина и Іоанна Салисберійскаго мы узнаемъ, что органическая теорія государства, которой такъ гордится органическая школа соціологіи въ Англіи въ главѣ съ Гербертомъ Спенсеромъ, а въ Германіи съ Шеффле, зародилась уже въ эпоху классической древности. Дѣйствительно у Блаженнаго Августина и у Плутарха по сочиненіямъ Іоанна Салисберійскаго мы находимъ сопоставленіе частей государства съ органами животнаго организма, съ руками, ногами, головой, сердцемъ и т.д. И ученіе древнихъ мыслителей о

томъ, что государство есть большой человѣкъ, ученіе, которое вы найдете уже въ трактатѣ Платона „Государство", и которое отъ Платона перешло къ Плутарху, и отъ Плутарха къ Іоанну Салисберійскому и Бл. Августину, является прообразомъ всего того, что въ XVII вѣкѣ скажетъ авторъ „Левіафана" - Гоббсъ, а въ XIX вѣкѣ - Герберъ Спенсеръ, который заявитъ, что онъ будто бы не читалъ ни Платона, ни Гоббса и этимъ незнаніемъ будетъ оправдывать себя, смотря на себя, какъ на родоначальника органической доктрины.*) Уже въ древности имѣлось воззрѣніе на то, что человѣкъ по природѣ своей есть существо общественное и политическое и какъ таковой человѣкъ, разумѣется, могъ создать государство, какъ явленіе совершенно естественное и органическое. Органическая теорія является лишь восполненіемъ ученія древности о государствѣ, какъ общественномъ союзѣ, естественно развившемся.

Но во всѣхъ сочиненіяхъ древности мы не находимъ упоминанія о томъ, что государство можетъ быть вызвано къ жизни с в о б о д н о й в о л е й л ю д е й, соединившихся для его основанія и положившихъ основаніе государству путемъ, такъ называемаго, общественнаго д о г о в о р а. Теорія общественнаго договора есть теорія новаго времени, не извѣстная классической древности. Когда зарождается эта теорія? Можно сказать, что въ средніе вѣка теорія эта не могла возникнуть благодаря отсутствію необходимыхъ условій ея возникновенія. Средніе вѣка были проникнуты мыслью что „нѣсть власти, иже не отъ Бога". Богъ создалъ двоякаго рода власть: власть духовную, съ одной стороны, и власть свѣтскую съ другой. - Папамъ - намѣстникамъ Бога, непосредственнымъ преемникамъ св. Петра - Богъ поручилъ управленіе душами людей, и ихъ духовной жизнью, вручилъ имъ духовный мечъ, а своему непосредственному помазаннику - императору - Богъ поручилъ управленіе нашими тѣлами, снабдивъ его мечемъ свѣтскимъ. Сопоставленіе папы и императора настолько же обычно въ средневѣковой литературѣ, насколько обычно сопоставленіе ихъ съ двумя мечами. Но источникомъ всякой власти является самъ Богъ, потому что текстъ Новаго Завѣта гласитъ: „нѣсть власти, иже не отъ Бога."

Задаваясь вопросомъ о томъ, въ какой степени ученіе о двухъ властяхъ, двухъ мечахъ, этотъ дуализмъ власти свѣтской и духовной можетъ считаться оригинальнымъ творчествомъ среднихъ вѣковъ, не-

*) Это оправданіе предоставляется до нѣкоторой степени вѣроятнымъ, такъ какъ Спенсеръ совершенно не получилъ классическаго образованія и отличался способностью не прочитывать и 20 страничной книги, съ мыслями автора которой онъ не соглашался.

обходимо признать, что первый, кто подчеркнулъ эту мысль, былъ знаменитый Жозефъ де Местръ. Въ своемъ трактатѣ «О папѣ" онъ высказываетъ пожеланіе о возникновеніи не только неограниченной свѣтской власти, или абсолютизма, но о возстановленіи такой власти, которая будучи неограниченной по отношенію къ сословному предствительству или народнымъ палатамъ, была бы въ то же время подчинена до нѣкоторой степени руководительству духовнаго владыки - папѣ. Идеалъ Жозефа де Местра, или идеалъ средневѣковья былъ осуществленъ въ эпоху, напримѣръ, папы Иннокентія III (папа съ 1198 - 1216 г.), подготовленную папой Григоріемъ УII (Гильдебрандомъ). Трактаты Григорія УII ясно проводятъ мысль, что свѣтская власть должна быть подчинена духовному руководительству папы, но въ эпоху Гильдебранда, заставившаго императора Генриха IУ отправиться въ Каноссу просить прошенія у могущественнаго папы, мысль эта была еще неосуществленной надеждой: Генрихъ IУ и его преемники продолжаютъ борьбу съ папой, которая заканчивается договоромъ, ставящимъ извѣстныя границы для власти папъ и власти императорской. Въ эпоху же Иннокентія III почти проводится въ жизнь тотъ идеалъ, къ которому желалъ бы вернуть насъ Жозефъ де Местръ. Папа не только лицо, помазующее императора на царство, но императоръ и подчиняется папѣ. А Іоаннъ безземельный, напримѣръ, не прочь былъ признать себя ленникомъ папы, если бы не противодѣйствіе Верховнаго Совѣта, который заявилъ, что онъ не желаетъ, чтобы англійскіе законы были измѣнены, то по всей вѣроятности Англія была бы уступлена въ ленное владѣніе папѣ Иннокентію III. Замѣтьте, что возникавшія въ то время на востокѣ Европы, не безъ участія папъ государства, напримѣръ государство Арагонской династіи, различнаго рода славянскія государства на Балканахъ, входили въ переговоры съ папойИннокентіемъ III и признавали его своимъ верховнымъ сюзереномъ.

Въ такихъ условіяхъ не было ничего благопріятнаго для возникновенія теоріи происхожденія государства договорнымъ порядкомъ.

Можно сказать, распространяя наше изслѣдованіе и на магометанскій міръ, что въ средніе вѣка существуютъ двѣ теоріи, сильно отличающіяся другъ отъ друга. Одна теорія, это теорія объ е д и н с т в ѣ власти свѣтской и духовной, теорія, соединяющая и ту и другую власть въ рукахъ одного лица - преемника пророка, калифа, отсюда ученіе калифата объ единствѣ власти. Глава калифата - калифъ держитъ въ своихъ рукахъ верховенство власти. Философское обоснованіе эта теорія находитъ въ писаніяхъ арабскихъ мыслителей, которые продолжали развивать ученіе Аристотеля и Платона до зарожденія евро-

нейской науки, главнымъ образомъ, въ сочиненіяхъ Авиценна(980-1037) и Аверроэса (1126 - 98 г.) Авиценъ считаетъ, что владычество надъ міромъ должно быть сосредоточено въ рукахъ мудрѣйшаго, Богомъ избраннаго - калифа. Согласно съ этой теоріей единства власти всѣ владычествующіе въ мірѣ владычествуютъ по уполномочію калифа. Въ католико христіанскомъ мірѣ возникаетъ другая теорія, теорія о двухъ властяхъ. Эти двѣ теоріи, изъ которыхъ одна идетъ съ запада, а другая съ востока, одно время сливаются у европейскихъ мыслителей И тотъ изъ средневѣковыхъ писателей, кто всего болѣе содѣйствовалъ распространенію возврѣній арабовъ - англійскій монахъ Роджеръ Бэконъ въ своихъ сочиненіяхъ проводитъ взгляды арабскаго писателя Авиценны. Р.Бэконъ говоритъ, что пожеланія послѣдняго осуществляются въ римскомъ папѣ, ставленникѣ Божіемъ, преемникѣ св.Петра, которому І.Христосъ передалъ ключи отъ царства своего и предоставилъ право связывать, обѣщая, что кто будетъ связанъ на землѣ, будетъ связанъ и на небесахъ.

На ряду съ этой теоріей, которая является въ Европѣ новшествомъ, продолжаетъ держаться теорія о двухъ властяхъ. Конечно, обѣ эти теоріи не удовлетворяютъ пробуждающуюся, эмансипирующуюся мысль и сторонники той и другой теоріи начинаютъ искать поддержки своихъ взглядовъ у совершенно новыхъ возврѣній. И тутъ то зарождается теорія договорнаго происхожденія, но не теорія о происхожденіи государства вообще, а о происхожденіи одного изъ элементовъ государства, именно государственной власти. Въ чемъ же ищутъ обоснованіе своей власти и папы и императоры? Они находятъ таковое въ толкованіи мифическаго, никогда не существовавшаго римскаго закона Lex regia, якобы изданнаго во времена императора Августа, закона, благодаря которому римскій народъ добровольно передалъ власть одному лицу-императору. Сперва канонисты, т.е. писатели, толкующіе законодательство церковное - затѣмъ легисты, толкующіе Дигесты или Юстиніановъ кодексъ, отправляясь отъ этого, никогда неизданнаго закона, стараются обосновать одни власть римскихъ папъ, -другіе власть императоровъ, доказать одни преимущества власти папъ надъ императорской властью. Канонисты выдвигаютъ то соображеніе, что папы получили свою власть, если не непосредственно, то посредственно отъ народа, такъ что, будучи помазанниками Бога, они въ то же время - ставленники народа. Епископы ранняго періода /епископская власть возникаетъ не ранѣе II вѣка/ являются еще выборными лицами, эти выборные епископы въ свою очередь выбираютъ изъ своей среды кардиналовъ.

а коллегія кардиналовъ выбираетъ папу, который, такимъ образомъ, является, если не непосредственнымъ, то посредственно ставленникомъ народа.

Противъ этой теоріи поборники независимости свѣтской власти выступаютъ въ лицѣ Марсилія Падуанскаго, вышедшаго изъ знаменитой Болонской школы юристовъ, занимавшаго постъ директора Парижскаго университета Сорбонны, и выставляютъ теорію созданія императорской власти, а слѣдовательно и имперіи, народомъ. Сочиненіе, въ которомъ впервые высказывается эта доктрина, основанная опять таки на произвольномъ толкованіи никогда не изданнаго закона Lex regia - это такъ называемое Defensor pacis, (защитникъ мира) сочиненіе на латинскомъ языкѣ, напечатанное въ XIV столѣтіи. Въ этомъ сочиненіи проводится мысль, что императоры имѣютъ перевѣсъ въ свѣтскихъ дѣлахъ надъ папами, потому что они ставленники народа, такъ какъ императоры Священной Римской Имперіи - преемники Римскаго императора Августа, и этотъ послѣдній попалъ на престолъ, благодаря изданію римскимъ народомъ закона Lex regia, въ силу котораго римскій народъ отказался отъ всѣхъ своихъ правъ и перенесъ ихъ на императора.

Вотъ въ какой формѣ впервые возникаетъ договорная теорія. Но этимъ договоромъ устанавливается государственная политическая власть, это договоръ подчиненія - pactum subjectionis, въ силу котораго народъ поручаетъ власть императорамъ. Въ теоріи господству~~ющей~~ въ средніе вѣка, нѣтъ мѣста договору соединенія - pactum unionis, посредствомъ котораго образуется общество, образуется нѣчто цѣльное, единое, народъ, имѣющій единую волю, и съ которымъ намъ придется встрѣтиться въ XVII и XVIII столѣтіи.

Если отъ времени Марсилія Падуанскаго мы перейдемъ къ эпохѣ реформаціи, то въ это время встрѣтимся со школой, такъ называемыхъ монархомаховъ или монархоотрицателей, которые опять таки стараются провести тотъ взглядъ, что монархическая власть не создана непосредственно Богомъ, и государства поэтому не могутъ считаться созданіемъ Бога или созданіемъ его ставленниковъ-папъ, а что власть монарховъ и сами государства возникли благодаря тому, что люди въ концѣ концовъ пришли къ сознанію необходимости въ интересахъ мира и общей защиты создать государство и перенести свои права на одного человѣка и его наслѣдниковъ, на монарха. Представители раз-

сматриваемаго направленія расходятся между собой только во взглядахъ на тѣ права, которыя люди переносятъ на своихъ верховныхъ правителей. Одни монархомахи стараются съузить область этихъ правъ, тогда какъ другіе расширяютъ ее. А нѣкоторые изъ французскихъ и шотландскихъ писателей стараются къ этимъ общимъ соображеніямъ присоединить то, что они считаютъ историческимъ фактомъ и что на самомъ дѣлѣ совершенно не заслуживаетъ этого названія. Таковы придуманные ими договоры, которые якобы были заключены древними франками или позднѣйшіе договоры, которые были заключены въ эпоху Капетинговъ; къ категоріи этихъ же фактовъ должно быть отнесено то положеніе французскихъ монархомаховъ, согласно которому самое возникновеніе и существованіе Генеральныхъ Штатовъ обязаны договору, заключенному между подданными и верховнымъ правителемъ, причемъ подданные, заключая этотъ договоръ, позаботились оставить, какъ можно больше правъ за собой.

Всѣ изложенныя доктрины объединяются писателями XVII вѣка въ болѣе стройное ученіе, причемъ Г у г о Г р о ц і й, одинъ изъ основателей науки международнаго права, соединяетъ въ своей точкѣ зрѣнія и античную теорію, еще высказанную Аристотелемъ и новое ученіе монархомаховъ о государствѣ и государственной власти, какъ возникающихъ путемъ договора подданныхъ съ правителями. Отсюда его ученіе о такъ называемомъ п р и р о ж д е н н о м ъ ч е л о в ѣ ч е с к о м ъ в л е ч е н і и к ъ о б щ е с т в е н н о й ж и з н и. Всѣ будутъ возвращаться къ этой мысли. Но сама эта мысль представляетъ ничто иное, какъ перефразировку положенія Аристотеля, что человѣкъ есть ζῷον πολιτικόν. Къ этому Гуго Гроцій присоединяетъ ученіе монархоотрицателей о томъ, что государство и государственная власть возникаютъ путемъ договора, и онъ (Гроцій) старается выговорить одну сторону человѣческой личности отъ всякаго вмѣшательства какой бы то ни было посторонней силы, это - свободу личнаго сужденія и потому свободу слова. Такимъ образомъ, уже у Гуго Гроція мы находимъ защиту этой свободы какъ чего то, что не подлежитъ ограниченію со стороны государства, такъ какъ никто отъ свободы внутренняго сужденія отказаться не можетъ. Но другое дѣло выраженіе этого сужденія во внѣшнихъ формахъ. И здѣсь Гуго Гроцій допускаетъ вмѣшательство государственной власти: онъ стоитъ на точкѣ зрѣнія Вестфальскаго мира - cujus est regio, ejus religio. Такъ что, что касается внѣшнихъ актовъ культа, то по мнѣнію Гуго Гроція они должны предопредѣляться для подданныхъ вѣроисповѣданіемъ ихъ верховнаго правителя. От-

сюда раздѣленіе Европы на двѣ половины: въ одной правители - протестанты и ихъ подданные-протестанты, тамъ же, гдѣ правители исповѣдуютъ католическую вѣру, и подданные - католики.

Такимъ образомъ, основная точка зрѣнія Гуго Гроція та, что государство возникаетъ, благодаря врожденному влеченію людей къ общенію, къ общежитію, а государственная власть возникаетъ потому, что порядокъ въ этомъ общежитіи возможенъ только тогда, когда члены этого общежитія уступятъ свои права представителю верховной власти.

Съ этой доктриной приходится считаться писателямъ XVII вѣка. Одинъ изъ нихъ Г о б б с ъ доходитъ до признанія, что люди изъ естественнаго состоянія, изображеннаго имъ, какъ война всѣхъ противъ всѣхъ (bellum omnium contra omnes), не могутъ выйти иначе, какъ отказавшись отъ всѣхъ своихъ правъ и передавши ихъ одному правителю, отъ котораго зависятъ права подданныхъ, который опредѣляетъ, что право и что не право. Отсюда то послѣдствіе, что лишь государство создаетъ право собственности, такъ какъ въ естественномъ состоянія собственности нѣтъ, разъ у каждаго каждый можетъ все отнять, но если собственность является достояніемъ государства, то послѣднее можетъ ее и отнимать. Верховнымъ же правителемъ государства и создаются понятія справедливости. Одними они могутъ быть въ одномъ государствѣ, другими въ другомъ. Теорія Гоббса есть теорія довольно революціонная и нѣтъ ничего удивительнаго, если въ 1789 и слѣдующіе годы такъ называемые „сторонники аграрнаго закона" ссылаются на Гоббса въ противовѣсъ Локку, который училъ, что собственность возникла, благодаря приложенію труда и государство призвано охранять собственность.

Итакъ, въ XVII столѣтіи изъ договорной теоріи происхожденія государственной власти дѣлаются два вывода. Одни мыслители дѣлаютъ тотъ выводъ, что государство не можетъ существовать иначе, какъ при концентраціи въ рукахъ о д н о г о ч е л о в ѣ к а в с ѣ х т ѣ х ъ п р а в ъ , которыми люди владѣли до выхода изъ естественнаго состоянія, а другіе - , и между ними Спиноза, полагаютъ, что передача правъ можетъ быть произведена только въ пользу в с е й с о в о к у п н о с т и л ю д е й , образующихъ го-

сударственное сообщество. Изъ этого положенія Спиноза въ своемъ „Богословско-политическомъ трактатѣ" и въ позднѣйшемъ „Политическомъ трактатѣ" выводитъ тотъ взглядъ, что единственно правильной формой правленія, согласной со справедливостью и первой по времени является д е м о к р а т і я, такъ какъ только при этой формѣ правленія, т.е. при раздѣленіи власти между всѣми людьми, вошедшими въ составъ государственнаго сообщества, люди, отказываясь отъ своихъ правъ, въ сущности ни отъ чего не отказываются. Они этими правами владѣютъ, но на правахъ членовъ извѣстнаго сообщества. Не Жанъ Жакъ Руссо, какъ обыкновенно думаютъ, а Барухъ Спиноза является родоначальникомъ ученія о томъ, что единственно правильной формой правленія является демократія. Ж.Ж.Руссо повторяетъ эту доктрину въ „Общественномъ договорѣ", какъ нѣчто ему принадлежащее, какъ нѣчто оригинальное, но мы имѣемъ всѣ данныя утверждать, что онъ Спинозу читалъ, такъ какъ въ его дневникѣ и другихъ сочиненіяхъ имя Спинозы повторяется неоднократно, и слѣдовательно, весьма вѣроятно, что Руссо заимствовалъ это ученіе у Спинозы.

Такимъ образомъ, договорная теорія выливается въ различныя формы. По одному ученію государственная власть связана, такъ какъ она не можетъ ничего предпринять противъ свободы личности и неприкосновенности собственности, поскольку эта собственность является результатомъ приложенія труда /Локкъ/. Другіе говорятъ о цѣлостномъ перенесеніи всѣхъ правъ /Гоббсъ/.

Но никто еще не различаетъ д о г о в о р а с о е д и н е н і я pactum unibnis и д о г о в о р а п о д ч и н е н і я pactum subjectionis. Можно сказать, что прежде всего у Пуффендорфа мы находимъ проведеніе точки зрѣнія на существованіе двухъ договоровъ, причемъ однимъ изъ нихъ договоромъ соединенія - pactum unionis, кладется основаніе общежитію, организуется нѣчто цѣльное и единое, общество, а другимъ договоромъ подчиненія - pactum subjectionis, кладется основаніе государственной власти.

Въ какой же мѣрѣ Ж.Ж.Руссо повторяетъ вѣками ранѣе сложившуюся договорную теорію, въ какой степени онъ слѣдуетъ за Пуффендорфомъ? Нужно сказать, что Ж.Ж.Руссо признаетъ договоръ соединенія; его „Общественный договоръ" объясняетъ не происхожденіе государственной власти, а происхожденіе самого государственнаго общенія, пере-

несеніе людьми тѣхъ правъ, которыми они пользовались въ естественномъ состояніи. Но если все же государственная власть возникаетъ, то это происходитъ не въ силу договора, а является ничѣмъ инымъ, какъ передачей по довѣрію. Король, представитель верховной власти, не является и не можетъ являться стороной въ договорѣ съ народомъ, онъ - приказчикъ народа, его слуга, на котораго возлагается осуществленіе опредѣленной функціи неотчуждаемой отъ народа суверенной власти. Правители - это довѣренныя лица; это тѣ лица, которыя и по настоящее время называются просто уполномоченными народа. Ученіе о томъ, что сановники являются уполномоченными народа, что народъ не заключалъ съ ними договора объ установленіи власти, однимъ словомъ, то обстоятельство, что не было никакого договора подчиненія - pactum subjectionis всего болѣе подчеркиваетъ Ж.Ж.Руссо. Въ этомъ, какъ и въ положеніи, что общежитіе возникаетъ договорнымъ путемъ, заключаются существенныя черты доктрины Руссо.

Нечего и говорить, что всѣ послѣдователи исконной точки зрѣнія на власть, какъ происходящую отъ божества, относились отрицательно ко всякимъ теоріямъ объ общественномъ договорѣ, якобы лежащемъ въ основѣ общежитія и положившемъ начало государственной власти, и выставили другое ученіе, ученіе патріархальное. Патріархи и первосвященники, слѣдовательно, не только Авраамъ, Исаакъ и Іаковъ, но и Мельхиседекъ получили свою власть отъ Бога, точно такъ же, какъ получили ее отъ Бога и Мойсей съ Ааропомъ. Отсюда то ученіе, что другой власти, кромѣ власти, имѣющей своимъ источникомъ Бога, быть не можетъ. Поэтому догматамъ религіи противорѣчитъ всякое представленіе о томъ, что власть монарха можетъ быть получена снизу. Народное самодержавіе противорѣчитъ религіознымъ воззрѣніямъ. Стоя на этой точкѣ зрѣнія, Жозефъ де Местръ разноситъ ученіе объ общественномъ договорѣ, считая его революціоннымъ въ томъ смыслѣ, что оно противорѣчитъ исконнымъ христіанскимъ воззрѣніямъ.

Въ этой доктринѣ, говорящей о томъ, что власть идетъ непосредственно отъ Бога, нужно различать отличныя другъ отъ друга воззрѣнія. Одной изъ ходячихъ доктринъ, о которой я кажется уже упоминалъ намъ, является та доктрина, которая нашла свое выраженіе въ половинѣ XVII вѣка въ сочиненіи „Патріархъ, или естественная власть королей" ФИЛЬМЕРА. Въ этомъ сочиненіи проводится мысль, что англійскій

король есть преемникъ не только древнихъ патріарховъ, но и родоначальникъ всѣхъ патріарховъ - праотца Адама. По ученію Фильмера Богъ еще въ раю далъ Адаму власть надъ Евою, а потому и надъ ихъ дѣтьми; затѣмъ власть переходила отъ старшаго сына къ старшему же сыну, но когда возникло много народовъ, она стала принадлежать въ каждомъ народѣ старшему въ немъ, т.е. патріарху; короли и суть истинные преемники патріарховъ, и имъ принадлежатъ всѣ права отцовъ надъ ихъ дѣтьми. Критиковать эту теорію серьезно - трудно. Тѣмъ не менѣе она была настолько распространена, что Дж. Локкъ посвятилъ ей одинъ изъ своихъ раннихъ трактатовъ. Съ этой доктриной соглашается и Руссо, когда, возражая противъ нея, онъ заявляетъ, что если таково дѣйствительное происхожденіе государства и верховной государственной власти, то я лично былъ бы очень заинтересованъ въ томъ, чтобы мои родственныя связи съ Авраамомъ, Исаакомъ и Іаковомъ были точно установлены. Можетъ быть въ силу этого родства, я болѣе призванъ къ осуществленію власти надъ всѣмъ міромъ, нежели всѣ теперешніе правители.

Теорія извѣстнаго сподвижника Людовика XIV, епископа города Мо, Б о с с ю э т а , выражается въ его сочиненіи „Политика, основанная на текстѣ священнаго писанія", обходится уже безъ патріарховъ. Боссюэтъ говоритъ, что цари и вообще верховные правители - земные помазанники Бога. Въ своей „Всемірной исторіи" онъ указываетъ на то обстоятельство, что человѣкъ постоянно волнуется что онъ сплошь и рядомъ для достиженія своихъ цѣлей предпринимаетъ то то, то другое, то третье, и только Богъ постоянно окрыляетъ человѣка, выводитъ его изъ бѣды, направляетъ его на правый путь. Богъ достигаетъ этого путемъ установленія власти, путемъ передачи власти тому или иному ставленнику своему, причемъ самъ Богъ выбираетъ этого ставленника. А такъ какъ пути Божіи неисповѣдимы, такъ какъ Богъ воленъ для наказанія людей посылать на нихъ различныя бѣдствія въ родѣ тирановъ, то слѣдуетъ повиноваться даже и этимъ послѣднимъ. Эта мысль проходитъ красною нитью черезъ всѣ сочиненія Боссюэта и находитъ свое отраженіе въ его многочисленныхъ проповѣдяхъ.

Эта доктрина получила свое распространеніе и въ XIX столѣтіи. Доктрина Священнаго Союза, основаніе которому было положено на Вѣнскомъ конгрессѣ въ 1815 году, мало чѣмъ отличается отъ доктрины Боссюэта.

Господство, такъ называемаго, историзма, а за послѣднее время рѣшительный перевѣсъ соціологіи сдѣлали то, что обѣ только что изложенныя доктрины постепенно утрачиваютъ свое прежнее значеніе. Только въ видѣ переживанія можно встрѣтить упоминаніе о божественномъ происхожденіи верховной власти. Въ настоящее время никто не думаетъ о томъ, что единственнымъ основаніемъ и источникомъ власти является Богъ (основаніе власти находится въ самомъ текстѣ конституціи) точно также, какъ никто не думаетъ, что власть возникаетъ не иначе, какъ путемъ общественнаго договора, и потому договорная теорія забвенія такъ же, какъ и теорія божественнаго происхожденія власти. Остается, такимъ образомъ, только теорія историческаго происхожденія государства, которая особенно настойчиво проводится въ современныхъ соціологическихъ ученіяхъ.

Нужно сказать, что государствовѣды послѣдняго времени постепенно отказываются отъ поднятія вопроса объ историческомъ происхожденіи государства. Послѣднимъ сочиненіемъ по государственному праву, въ которомъ разбирается этотъ вопросъ, является знаменитая „Энциклопедія государственныхъ наукъ" Роберта Моля, гдѣ излагается 12 - 18 теорій объ историческомъ происхожденіи государства. Въ настоящее время этотъ вопросъ уже вышелъ изъ области тѣхъ, которые обсуждаются государственнымъ правомъ и перешелъ въ область тѣхъ, которыми интересуется соціологія.

Въ такомъ же положеніи находится и другой вопросъ, чрезвычайно сильно интересовавшій прежнихъ государствовѣдовъ ,- вопросъ о ц ѣ л и государства, быть можетъ, потому, что всѣ государствовѣды сошлись на той мысли, что "государство само для себя существуетъ." Поэтому, всѣ разговоры о цѣли государства отнесены въ настоящее время къ области метафизики. Сказать ,что вопросъ этотъ можетъ быть рѣшенъ научно, нельзя. Вотъ почему я не буду заниматься въ своемъ курсѣ этимъ вопросомъ; тѣмъ изъ васъ, кто пожелалъ бы ознакомиться съ этимъ вопросомъ, я предлагаю

Общее учение о государствѣ.
Изд. Студ. Кассы Взаимопомощи.
Литографія Трофимова.

Проф. М.М. КОВАЛЕВСКАГО.
СПБ. Политехн. Институтъ.
СПБ. Можайская 3.

Л. 8.

Сост. Филиппов

сдѣлать это по „Энциклопедіи государственныхъ наукъ" Роберта Моля, которая содержитъ 15 - 20 теорій, такъ или иначе этотъ вопросъ разрѣшающихъ.

Глава IУ. 7 билетъ

УЧЕНІЕ О СОСТАВНЫХЪ ЭЛЕМЕНТАХЪ ГОСУДАРСТВА.

§ 1.

Слѣдующимъ вопросомъ, подлежащимъ вѣдѣнію государствовѣдовъ, является вопросъ о составныхъ элементахъ государства. Каковы необходимыя составныя части государства?

На этотъ вопросъ даются различные отвѣты. Одни ученые говорятъ, что государство существуетъ только у осѣдлыхъ народовъ, и считаютъ территорію необходимымъ элементомъ государства; въ противоположность имъ иные утверждаютъ, что государственная организація существуетъ или, по крайней мѣрѣ, можетъ существовать и у кочевыхъ народовъ. Другимъ составнымъ элементомъ считаются люди, такъ какъ государство существуетъ для людей. Наконецъ, третьимъ элементомъ государства является государственная власть.

Я избавлю себя отъ необходимости обоснованія той мысли, что территорія необходима для государственнаго общенія. Мнѣ кажется, что вопросъ этотъ довольно ясенъ и что можно обойтись безъ обоснованія этого положенія.*)

Я лично присоединяюсь къ мнѣнію тѣхъ писателей, которые думаютъ, что въ понятіи государства нельзя обойтись безъ двухъ элементовъ, безъ населенія и безъ власти. Безъ этихъ элементовъ

---

*) Жедающихъ въ этомъ убѣдиться я отсылаю къ слѣдующимъ сочиненіямъ: Іеллинекъ. Право современнаго государства, 1-ый т. и Чичеринъ. Общее государственное право. Томъ I.

нельзя представить себѣ государство, какъ такового. Поэтому то. въ послѣднее время почти всѣ государствовѣды сходятся въ признаніи необходимости вводить въ ученіе о составныхъ элементахъ государства, по крайней мѣрѣ, двѣ главы: они обязательно говорятъ о населеніи съ одной стороны, и о государственной власти, съ другой . Относительно же территоріи еще можетъ быть нѣкоторое разногласіе. Можно, напримѣръ, поставить вопросъ о существованіи государства Массачузетской бухты въ то время, когда „отцы - пилигримы," плывшіе на кораблѣ „Майскій цвѣтокъ" (Maiblume) обосновали государство и распредѣлили между собой государственныя функціи. Можно также поставить вопросъ о томъ, существовало ли государство въ Калифорніи въ то время, когда всякій сбродъ, явившійся сюда для наживы, съ цѣлью положить конецъ постояннымъ спорамъ и дракамъ создалъ власть, а между тѣмъ особой территоріи не имѣлось. Сбродъ этотъ былъ англосаксонскій, а территорія на которой онъ обосновался, считалась принадлежащей Испаніи. Когда же возникло государство? Тогда ли, когда была создана государственная власть, или государство возникло только тогда, когда Калифорнія была признана территоріей Сѣверо Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ. По моему мнѣнію, нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что трудно говорить о государствѣ до тѣхъ поръ, пока его подданные не очутятся гдѣ нибудь на твердой почвѣ, а не будутъ, напримѣръ, плавать на кораблѣ. И слѣдовательно, вопросъ о необходимости территоріи для государственнаго общенія долженъ считаться до поры до времени рѣшеннымъ.

Вопросъ о двухъ другихъ элементахъ государства - о власти и населеніи необходимо подвергнуть болѣе подробному разсмотрѣнію. Намъ прежде всего предстоитъ поставить и рѣшить вопросъ о томъ, каковы признаки верховной государственной власти. Чѣмъ должна отличаться верховная власть отъ всякаго рода другой власти? Вѣдь, несомнѣнно, что есть власть и у городского головы, есть власть и у губернатора, и у предсѣдателя земской и городской управы и т.д. Но всѣ эти власти не могутъ считаться властью верховной. Почему?

Далѣе я перейду къ разсмотрѣнію вопроса о другихъ составныхъ элементахъ государства - населеніе, и покажу вамъ, что рѣшеніе, даваемое этому вопросу современными государствовѣдами и заключается въ томъ, что въ лицѣ подданнаго мы находимъ также

и гражданина, - (рѣшеніе очень новое,), что на первыхъ порахъ понятіе подданства не совпадало съ понятіемъ гражданства. Уравненіе подданнаго съ гражданиномъ получило свое осуществленіе только въ Европѣ новѣйшаго времени: въ Англіи со времени торжества парламента надъ королемъ, во Франціи съ эпохи Великой революціи (1789 г.)/ а въ нѣкоторыхъ государствахъ не получило своего осуществленія до сихъ поръ. Отсюда разслоеніе населенія на различные пласты, въ которыхъ можно отмѣтить три главныя вѣтви: организацію к а с т о в у ю, организацію с о с л о в н у ю и, наконецъ, организацію к л а с с о в у ю. Нужно ли считать кастовое устройство необходимой стадіей, которую проходятъ всѣ народы? Оно несомнѣнно существовало въ Индіи и въ Египтѣ, слѣды его подмѣчены и во многихъ другихъ государствахъ, но можно ли говорить, что оно - общее явленіе, необходимый фактъ въ исторіи культуры всѣхъ народовъ? На этотъ вопросъ намъ придется отвѣтить отрицательно. Затѣмъ мы познакомимся съ тѣмъ, какія общія черты существуютъ въ сословномъ устройствѣ разныхъ народовъ, какія соціальныя и политическія условія вызвали къ жизни это устройство, чѣмъ оно поддерживается и въ какой степени переживанія сословного устройства сохранились и по настоящее время. Наконецъ, мы коснемся вопроса о классовомъ строеніи современнаго общества.

§2.

Г О С У Д А Р С Т В Е Н Н А Я В Л А С Т Ь.

Обращаясь къ вопросу о томъ, каковъ характерный признакъ государственной власти, безъ чего нельзя представить себѣ государства, къ вопросу о томъ, чѣмъ государственная власть отличается отъ всякой другой власти, необходимо прежде всего сказать, что въ этомъ вопросѣ намъ приходится имѣть дѣло съ данными богатой литературы, принявшей, особенно за послѣднее время прямо

таки огромные размѣры. Несомнѣнно, что есть всякая власть: есть власть директора Политехническаго института, есть власть общиннаго начальника и власть городского головы, и сказать, что эти лица не могутъ издавать общеобязательныхъ нормъ, аналогичныхъ нормамъ, издаваемымъ законодательными учрежденіями, значило бы итти противъ жизни. Полицейскіе регламенты иногда представляютъ для жителей столь же недріятныя неожиданности, какъ и издаваемые парламентомъ законы. Во всякомъ случаѣ власть городского головы или общиннаго начальника связываетъ свободныя проявленія личности, какъ связываютъ ихъ нормы, исходящія отъ законодательныхъ учрежденій.

Все это говорится для того, чтобы объяснить Вамъ, почему человѣкъ, занимающій въ настоящее время каѳедру государственнаго права въ Берлинскомъ университетѣ - Preuss счелъ возможнымъ посвятить цѣлое изслѣдованіе вопросу о томъ, какая же въ сущности имѣется разница между властью, положимъ, общиннаго или городского начальника издавать обязательныя постановленія, властью государства издавать законы и властью международнаго союза опять таки связывать своими нормами и отдѣльныя государства и подданныхъ отдѣльныхъ государствъ, властью, проявляющейся очень ясно хотя бы въ вопросѣ объ авторской конвенціи. Можно связывать волю подданнаго, и будучи городскимъ головой, и будучи директоромъ Политехникума, и будучи главой верховнаго правительства - предсѣдателемъ совѣта министровъ, или путемъ конвенціи между самостоятельными государствами. Возникаетъ вопросъ, что же отличаетъ государственную власть отъ всѣхъ другихъ властей, властей подчиненныхъ.

Этимъ самымъ вопросомъ очень много занимался профессоръ Іеллинекъ въ своихъ раннихъ сочиненіяхъ, напримѣръ, въ томъ, которое онъ посвятилъ изученію федеративной связи, существующей между государствами, въ „ Lehre von den Staatenverbindungen". И мнѣ кажется, что интересующій насъ вопросъ никѣмъ не былъ выясненъ такъ обстоятельно, какъ именно проф. Іеллинекомъ. Не имѣя возможности знакомить Васъ со всей литературой, имѣющейся по вопросу объ отличительныхъ признакахъ государственной власти, я познакомлю Васъ съ конечными выводами, на которыхъ остановилась эта литература и въ особенности нѣмецкая наука.

Эти выводы принадлежатъ къ числу тѣхъ немногихъ выводовъ нѣмецкой государственной науки, которые принимаются и за предѣлами Германіи нѣкоторыми французскими государствовѣдами, а также и англійскими.

Отличительнымъ, характернымъ признакомъ государственной власти, говоритъ нѣмецкая школа, является то, что эта власть - власть с а м о д о в л ѣ ю щ а я, т.е. н е д о п у с к а ю щ а я к о н т р о л я п о с т о р о н н е й в л а с т и и я в л я ю щ а я с я и с т о ч н и к о м ъ в с я к и х ъ д р у г и х ъ в л а с т е й в ъ г о с у д а р с т в ѣ. Въ своей „Lehre von den Staatenverbindungen“(ученіи о союзахъ, возникшихъ между государствами) Іеллинекъ говоритъ: „Чтобы рѣшить вопросъ, слѣдуетъ ли считать ту или иную публично. - правовую корпорацію государствомъ или подчиненнымъ ему союзомъ, надо задаться вопросомъ, сама ли она создаетъ право или нѣтъ, т.е. получаетъ его отъ другого.“ И въ государствѣ, конечно, не одна государственная власть имѣетъ право создавать юридическія нормы. Тоже можно сказать и о самоуправляемыхъ союзахъ. Но ихъ самотворческая дѣятельность осуществляется или во имя государства или подъ контролемъ государства. Органы самоуправленія осуществляютъ функціи государства. Когда послѣднее надѣляетъ ихъ автономіей или даетъ свое признаніе проявленіямъ власти этихъ органовъ, оно только утилизируетъ ихъ для своихъ цѣлей, переноситъ на нихъ право осуществлять свою волю въ опредѣленной сферѣ. Государство налагаетъ въ данномъ случаѣ на подданныхъ тѣ или другія обязательства не непосредственно, а чрезъ посредство другой силы, которая - или его собственное созданіе, или существовала раньше его и включена была имъ въ его организацію. Эта мощь не только состоитъ въ непосредственной зависимости отъ государства, но и подчинено въ отношеніи къ осуществляемымъ его функціямъ ежечасно примѣняемому праву верховнаго контроля (jus supremae inspectionis.)

Изданіе правовыхъ нормъ, творчество учрежденій въ силу ему одному принадлежащаго и безконтрольнаго права - специфическая особенность государства. Одно государство имѣетъ неподлежащую контролю публично - правовую власть. Одни его мѣропріятія не могутъ быть ни пріостановлены, ни измѣнены помимо его собствен-

наго почина. И это справедливо по отношенію ко всей государственной дѣятельности. Мы можемъ сказать поэтому, что каждый разъ, когда тотъ или другой политическій союзъ въ любомъ изъ направленій государственной дѣятельности по собственному праву издастъ общеобязательныя нормы, такой союзъ и является государствомъ, **и отсюда возможность считать существеннымъ и необходимымъ признакомъ государства с а м о у п р а в л я е м о с т ь, связываніе самого себя имъ же принимаемыми нормами. Если такое право абсолютно не встрѣчаетъ никакихъ ограниченій, мы имѣемъ право говорить о с у в е р е н н о м ъ г о с у д а р с т в ѣ. Н е с у в е р е н н ы м ъ же надо признать такое, которое допускаетъ всязываніе его въ извѣстныхъ вопросахъ другимъ непремѣнно суверенным государствомъ. П р и н я т і е о б я з а т е л ь с т в ъ и с к л ю ч и т е л ь н о п о с о б с т в е н н о й в о л ѣ, то, что Іеллинекъ называетъ: „Verpflichtbarkeit durch eigenen Willen," надо считать поэтому юридическимъ признакомъ государства.*)

Я сдѣлалъ для Васъ этотъ переводъ изъ сочиненія Іеллинека „Lehre von den Staatenverbindungen, потому что переведенное мѣсто въ весьма сжатой формѣ и на мой взглядъ наиболѣе ясно передаетъ то рѣшеніе разсматриваемаго вопроса, надъ выработкой котораго работалъ цѣлый рядъ знаменитыхъ публицистовъ Германіи и главнымъ образомъ Прейссъ и Іеллинекъ.

Дѣло, повидимому — очень просто. Университетъ Петербургскій и Московскій по закону 27 августа 1905 года есть автономное учрежденіе. Въ силу своей автономіи университетъ имѣетъ право издавать извѣстныя опредѣленія, напримѣръ, объ отношеніи студентовъ къ университетской администраціи. Онъ дѣлалъ это по своему разумѣнію, такъ какъ взамѣнъ другихъ полномочій получилъ отъ правительства бѣлый листъ, на которомъ стояло только: автономія. Въ настоящее время этотъ листъ покрывается разными предписаніями, идущими со стороны правительства и болѣе или менѣе противорѣчащими автономіи. А такъ какъ власть автономнаго союза, какимъ является университетъ, не есть власть самодовлѣющая, неподлежащая контролю другой власти, то этому союзу и приходится

---

*) Ibid. стр. 34.

** Указ.соч. Іеллинека стр. 40.

видоизмѣнять свои распоряженія, регулирующія отношенія студенчества къ университету, сообразно съ тѣмъ, что написано нынѣшними представителями верховной власти на этомъ бланковомъ листѣ. Вотъ положеніе, въ которомъ находится издающее обязательныя нормы учрежденіе, въ силу того, что ему принадлежитъ власть подчиненная, а не государственная: оно является только агентомъ государства, получаетъ свои директивы отъ государства.

Возьмите, съ другой стороны, такія дѣйствія государства, какъ дѣянія австрійскаго правительства, направленное на обращеніе Босніи и Герцеговины въ австрійскія провинціи. На Берлинскомъ конгрессѣ для того, чтобы сдѣлать непріятность Россіи, австрійское правительство было приглашено въ роли педагоговъ по отношенію къ двумъ туредкимъ провинціямъ Босніи и Герцеговины, въ которыхъ турки не могли якобы исполнять функцій, принадлежащихъ имъ по ихъ праву. Такъ какъ турки были въ то время побиты, то они съ этимъ вынуждены были согласиться и уступить свои провинціи Австріи для болѣе подлежащаго управленія имъ. Когда же, Россія потерпѣла цѣлый рядъ пораженій во время русско-японской войны и заключила позорный Портсмутскій миръ съ Японіей, а въ Турціи произошелъ государственный переворотъ, руки у Австріи оказались развязанными, и она воспользовалась удобнымъ моментомъ для того, чтобы въ силу самодовлѣющей власти, принадлежащей государству, объявить своими провинціями Боснію и Герцеговину, которыя въ сущности принадлежали не ей, а Турціи. Такой захватъ вызвалъ очень большое недовольство въ Турціи и, что особенно любопытно, въ сосѣднихъ государствахъ, правительства которыхъ, быть можетъ, были тоже не прочь въ силу своей самодовлѣющей власти присвоить себѣ Боснію и Герцеговину. Но не въ этомъ дѣло. Дѣло въ томъ, что Австрія позволила себѣ такой шагъ. Почему? Да потому, что власть государственная есть власть самодовлѣющая и не подлежащая контролю. Я не говорю, конечно, что въ виду этого всѣ поступки государства должны отвѣчать требованію справедливости. Вѣдь, еще Бл. Августинъ сказалъ, что государство безъ справедливости есть ничто иное, какъ шайка разбойниковъ, и эти слова Бл. Августина подтверждаются какъ эпохой, когда онъ жилъ, такъ и всей послѣдующей исторіей. Актъ аннексіи Босніи и Герцеговины былъ произведенъ Авст-

ріей въ силу самодовлѣющей власти.

Представимъ себѣ, что Хорватія и Славонія, австрійскія провинціи, задумали произвести такой актъ. Весьма естественно, что и имъ тоже пріятно было бы присоединить Боснію и Герцеговину. Но онѣ не смогли бы этого сдѣлать, такъ какъ у Хорватіи и Славоніи нѣтъ безконтрольной и самодовлѣющей власти, тогда какъ у Австріи эта власть имѣется. Она не подлежитъ контролю австрійскихъ подданныхъ и австрійскихъ провинцій, но, конечно подлежитъ контролю общественнаго мнѣнія своей страны и общественному мнѣнію другихъ, а тѣмъ болѣе заинтересованныхъ государствъ. Возбужденіе этого общественнаго мнѣнія можетъ быть настолько велико, его отношеніе къ акту аннексіи Босніи и Герцеговины можетъ быть въ такой степени отрицательно, что Австрія будетъ вынуждена измѣнить свою политику по отношенію къ Босніи и Герцеговинѣ. Очевидно, сама Австрія слѣдуетъ здѣсь примѣру правительствъ другихъ государствъ, которыя покупали провинціи и у тѣхъ же, турокъ и у другихъ народовъ. И Австрія, конечно, будетъ считать эти провинціи присоединенными къ своей государственной территоріи въ силу пользованія своей самодовлѣющей властью, но чтобы крѣпче, укрѣпить ихъ за собой, она готова уплатить Турціи нѣсколько милліардовъ франковъ. Хотя объ Австріи еще въ средніе вѣка сложилась поговорка:

Bella gerant alii, tu, felix Austria, nube,
Nam quod Mars aliis dat, tibi Venus.

т.е. пусть другіе ведутъ войны, а ты, счастливая Австрія, заключай браки, потому что тебѣ Венера даетъ то, что другіе получаютъ отъ Марса. Но несомнѣнно, что и въ Австріи всегда дѣло обстояло такимъ образомъ, что Марсъ сплошь и рядомъ помогалъ Венерѣ.

Изъ сказаннаго ясно, что дѣло съ опредѣленіемъ государственной власти не такъ просто. Хотя самоопредѣляемость и составляетъ существенный признакъ государственной власти, но есть нѣкоторый контроль и за этой самоопредѣляющейся властью, контроль со стороны международнаго союза. Вотъ почему Прейсъ говоритъ менѣе рѣшительно объ этой самоопредѣляемости, допуская возможность контроля, введенія въ извѣстныя рамки этой самоопредѣляемости

со стороны членовъ, такъ называемаго, европейскаго концерта. Международные интересы требуютъ, чтобы эта самоопредѣляемость была, хотя бы до нѣкоторой степени, стѣснена. И несомнѣнно, что эта самоопредѣляемость была стѣснена, когда рѣчь шла о нашей самоопредѣляемости на Берлинскомъ конгрессѣ. Примѣры прошлаго доказываютъ, что самоопредѣлямости государственной власти ставятся извѣстныя границы путемъ международныхъ соглашеній. Самодовлѣющая власть русскаго правительства въ лицѣ министра иностранныхъ дѣлъ князя Горчакова пользуется раздоромъ Франціи и Пруссіу для того, чтобы избавиться отъ тѣхъ ограниченій нашей самоопредѣляемости, отъ тѣхъ обязательствъ, которыя были наложены на Россію Парижскимъ миромъ по отношенію къ содержанію флота на Черномъ морѣ.

Итакъ, мнѣ кажется, что вопросъ о томъ, чѣмъ отличается государственная власть отъ всякой другой власти, подчиненной, хотя бы и автономной, а тѣмъ болѣе, ограниченной власти органовъ мѣстнаго самоуправленія, вполнѣ выясненъ тѣми замѣчаніями, или тѣмъ рѣшеніемъ, которыя представлены были Іеллинекомъ еще въ 1882 г. Не удивительно потому, если въ своемъ новѣйшемъ сочиненіи „Право современнаго государства", Іеллинекъ въ сущности ничего не прибавляетъ къ тому, что было сказано имъ уже въ 1882 году. Вы можете убѣдиться въ этомъ изъ слѣдующей цитаты: „Государство должно в л а с т в о в а т ь, пишетъ онъ, т.е. п о в е л ѣ в а т ь б е з у с л о в н о и п р и н у ж д а т ь к ъ и с п о л н е н і ю п о в е л ѣ н н а г о. Власть, надѣленная такой силой есть в л а с т ь г о с у д а р с т в е н н а я. Господство является тѣмъ критеріемъ, который отличаетъ государственную власть отъ всѣхъ другихъ властей. Въ тѣхъ случаяхъ, когда мы находимъ такую власть господствованія у одного изъ лицъ или союзовъ, входящихъ въ составъ государства, такая власть можетъ быть только п р о и з в о д н о й."*)

Въ средніе вѣка существовали многочисленные союзы негосударственнаго характера, имѣвшіе свою самостоятельную, не дарованную государствомъ власть господствованія. Такимъ союзомъ прежде всего была церковь. Рядомъ съ ней такими союзами могли быть и свѣтскіе союзы. Іеллинекъ указываетъ на феодальный союзъ.

---

*) Право современнаго государства. т. I. стр. 318.

Очевидно, что о примѣненіи къ такому союзу критерія государственной власти, выставленнаго выше, не можетъ быть и рѣчи. Трудно будетъ сказать, кому принадлежала государственная власть во Франціи въ то время, когда въ ней воцарились Капетинги. Извѣстенъ отвѣтъ, данный однимъ изъ французскихъ графофъ, т.е. высшихъ феодальныхъ владѣльцевъ цѣлой областью, когда Гуго Капетъ позволилъ себѣ задать ему слѣдующій вопросъ, имѣя въ виду самодовлѣющій характеръ своей власти: "Кто тебя поставилъ графомъ?" На этотъ вопросъ графъ отвѣтилъ: "а тебя кто поставилъ королемъ?" Очевидно, что въ то время за королемъ Франціи еще не признается самодовлѣющая власть. Но такъ какъ Гуго Капетъ и его ближайшіе преемники всѣми правдами и неправдами старались укрѣпить владычество французскаго короля, то, напримѣръ, уже при Филиппѣ IУ Красивомъ никто изъ французскихъ вельможъ и не осмѣлился бы задать королю вопроса объ источникахъ его королевской власти, какъ дѣлалъ это одинъ изъ графофъ Гуго Капетъ. И съ этого только времени проведено было въ жизнь то начало, что государственная власть есть единственная самодовлѣющая и не контролируемая власть. Наглядньмъ доказательствомъ этого служитъ вся практика французскаго законодательства. Можно сказать, что французское государство, какъ и вообще всякое средневѣковое государство, было поставлено въ необходимость отчуждать свои верховныя права отдѣльнымъ владѣтельнымъ князьямъ - феодаламъ до такихъ предѣловъ(право держать висѣлицы, право суда надъ жителями феода, право облагать налогами лицъ, провозившихъ свои товары черезъ владѣнія феодала и т.д.), въ которыхъ естественно возникаетъ вопросъ о томъ, принадлежитъ ли самодовлѣющая власть одному только верховному правителю или многимъ, болѣе мелкимъ правителямъ отдѣльныхъ областей. И такое важное право феодаловъ, какъ право держать висѣлицы - одно изъ тѣхъ правъ, которыя отмѣняются еще въ 1789 году во Франціи. Нечего говорить, конечно, что имъ не пользовались уже давно, что Людовикъ XIУ едва ли бы допустилъ возможность примѣненія этого права хотя бы однимъ французомъ, но формально это право не было отмѣнено до 1789 года. Что же было сдѣлано французскимъ правительствомъ впослѣдствіи для разрѣшенія этого вопроса? Уже въ эпоху Филиппа II Августа достаточно было королю узнать, что тѣмъ или другимъ феодальнымъ

владѣльцемъ отказано въ правосудіи одинмъ изъ его подданныхъ или рѣшено неправильно то или иное дѣло, какъ французскій король требовалъ въ силу, такъ называемой, эвокаціи дѣло на разбирательство своего парламента, своего верховнаго суда, а то и просто коммисаровъ своего правительства. По мѣрѣ же усиленія государственной власти, она ведетъ все болѣе усиленную и энергичную борьбу съ правами и властью самостоятельныхъ союзовъ государственнаго характера и отдѣльныхъ феодальныхъ владѣльцевъ. Въ этой борьбѣ постепенно происходитъ поглощеніе власти союзовъ и лицъ государственной властью. Современное государство хотя и признаетъ за каждымъ индивидомъ и каждымъ союзомъ опредѣленную закономъ сферу свободы отъ вмѣшательства государственной власти, но признать самостоятельную власть, или государствованіе оно ни за однимъ изъ нихъ не можетъ.

Слѣдовательно, ея н е п р о и з в о д н о с т ь, ея с а м о д о в л ѣ е м о с т ь, ея с а м о о п р е д ѣ л я е м о с т ь и ея б е з к о н т р о л ь н о с т ь – вотъ что должно считаться существенными и необходимыми признаками государственной власти.

Когда всѣ эти признаки характеризуютъ данную государственную власть, только тогда можно говорить о томъ, что эта власть с у в е р е н н а . На русскій языкъ это можетъ быть передано терминомъ с а м о д е р ж а в і е , и никто иной, какъ проф. Ключевскій весьма убѣдительно доказалъ, что самодержавнымъ русское государство сдѣлалось съ того момента, когда прекратился платежъ всякой дани по отношенію къ владѣльцамъ Золотой Орды, что „самодержавный" есть буквальный переводъ греческаго термина αὐτοκράτος, что „самодержавіе" значило, что русскій государь не состоитъ отнын' вассаломъ другого государства, а это всегда и обозначалось терминомъ „суверенный" по отношенію къ государству и государю до тѣхъ поръ, пока и государство и государь совпадали.

Ученіе о суверенитетѣ возникаетъ тогда, когда правители отдѣльныхъ государствъ Европы начинаютъ настаивать на признаніи ихъ независимости отъ главы всего христіанскаго католическаго міра – императора Священной Римской Имперіи, въ теоріи преемника

власти римскаго императора Августа, который опять таки въ разрѣшеніе съ явнымъ нарушеніемъ исторіи въ силу никогда неизданнаго закона Lex regia, получилъ всѣ права римскаго народа, благодаря добровольной передачи народомъ этихъ правъ въ его руки. Съ того момента, когда отдѣльные правители обнаружили желаніе не считаться вассалами германо - римскаго императора, былъ поставленъ на очередь вопросъ о томъ, не является ли существеннымъ признакомъ государственной власти ея суверенитетъ. Такъ какъ разумѣется, всѣ государства и по настоящее время не желаютъ быть зависимыми, то и суверенный характеръ власти является однимъ изъ обычныхъ признаковъ государственной власти. Но нужно замѣтить, что не всѣ государства пользуются суверенитетомъ, и если Болгарія въ силу пользованія самодовлѣющей властью сдѣлалась суверенною и получила своего царя, то это явленіе недавняго времени, такъ какъ съ эпохи Санъ - Стефанскаго и Берлинскаго мира Болгарія не была сувереннымъ государствомъ: она не могла, напримѣръ вести войны безъ вѣдома правительства турецкаго государства, которое по отношенію къ Болгаріи являлось государствомъ суверереннымъ.

Въ исторіи политическихъ ученій понятіе суверенитета имѣетъ самыя разнообразныя значенія. И нужно сказать, что добрая половина изъ того, что говорится о суверенитетѣ, къ этому ученію не имѣетъ никакого отношенія. Одни ученые, говорили и говорятъ о суверенитетѣ государства, другіе говорятъ о суверенитетѣ народа, а третьи утверждали, что суверенитетъ принадлежитъ только разуму. Но все это подчасъ никакого отношенія къ самому вопросу о суверенитетѣ не имѣетъ. Въ дѣйствительности вопросъ о суверенитетѣ есть вопросъ о самостоятельности или несамостоятельности государства. Такъ какъ въ средніе вѣка со времени Карла Великаго возникло государство, которое пожелало достигнуть владычества въ предѣлахъ всего міра одного императора, на этотъ разъ императора Священной Германо - римской Имперіи, то съ момента ослабленія этого государства и его притязаній на всемірное господство впервые былъ поставленъ вопросъ о суверенитетѣ. Довольно любопытно отмѣтить, что у писателей на рубежѣ среднихъ вѣковъ и новаго времени уже поднимается вопросъ о томъ, какія же государства могутъ быть признаны суверенными.

И этотъ вопросъ рѣшается въ томъ смыслѣ, что Англія, какъ государство, никогда не входившее въ составъ Священной Римской Имперіи, должно считаться государствомъ суверенным. На этотъ счетъ никакого разногласія у юристовъ и публицистовъ въ концѣ среднихъ вѣковъ и начала новаго времени не возникаетъ. Правда, былъ моментъ, когда и Англія могла утратить свой суверенитетъ, это тогда, когда Англія угрожала опасность попасть въ зависимость, если не отъ свѣтскаго главы католическаго міра - императора, то отъ духовнаго его главы - папы. Въ эпоху разногласія со своими великими баронами, до изданія Великой Хартіи вольностей, Іоаннъ Безземельный задумываетъ ради изысканія средствъ на борьбу съ баронами объявить, что Англія является леномъ апостольскаго стола, т.е. превратить Англію изъ суверенаго государства въ государство зависимое отъ римскаго папскаго престола. Замѣтьте, что это время было эпохой необычайнаго усиленія папской власти. Папскій престолъ занималъ Иннокентій III, который считалъ своимъ леннымъ имуществомъ Королевство Обѣихъ Сицилій. Во время владычества Анжуйскаго дома въ Неаполитанской области и Сициліи верховнымъ правителемъ ихъ являлся папа Иннокентій III. Тѣ же притязанія на верховенство, или суверенитетъ папы Иннокентій III предъявлялъ къ существовавшимъ или вновь возникавшимъ славянскимъ государствамъ на Балканскомъ полуостровѣ. Въ этотъ моментъ Іоаннъ Безземельный согласился обратить Англію въ ленное владѣніе римскаго папы. Но собравшійся Большой Совѣтъ заявилъ, что онъ не желаетъ, чтобы законы Англіи были измѣнены, чтобы англійское государство хотя бы только въ церковныхъ дѣлахъ подчинялось власти римскаго папы, и король долженъ былъ отказаться отъ своей мысли обратиться изъ за корыстныхъ цѣлей въ вассала папы. Съ этого времени уже не ставится вопросъ о томъ, является ли Англія суверенным государствомъ. Отвѣтъ ясенъ: Англія государство суверенное.

Когда публицисты конца XVI и начала XVII вѣка ставятъ вопросъ о томъ, какія государства - суверенны, то вслѣдъ за Священной Римской Имперіей на второмъ мѣстѣ они ставятъ Англію и присоединяютъ къ этимъ двумъ государствамъ съ одной стороны, Франціи и съ другой, Арагонское королевство. Вотъ черезъ

государства, которыя признаются суверенными; всѣ же остальныя считаются государствами зависимыми.

Если мы разсмотримъ политическую карту Европы болѣе поздняго времени, то мы не можемъ признать суверенными государствомъ, напримѣръ, Маркграфство Бранденбургское, такъ какъ оно находится въ ленной зависимости отъ польскаго короля. Такъ называемыя, наслѣдственныя земли Габсбургскаго дома, входившія до начала XIX столѣтія (1806 года) въ составъ Священной Римской Имперіи, такъ же не составляютъ суверенныго государства. Можно говорить о томъ, что Италія того же времени была самостоятельнымъ государствомъ? Италіи собственно не было. Была Ломбардо - Венеціанская область, которая послѣ немногихъ лѣтъ освобожденія снова подпала подъ владычество Австріи и вошла въ составъ Австрійскихъ земель. Объединенной Италіи въ то время не было. Слѣдовательно, можно сказать, что число суверенныхъ государствъ стало размножаться только за послѣднее время.

Но тутъ возникаетъ новый вопросъ. Многія изъ нихъ (государствъ) вошли въ составъ федеративныхъ государствъ. Можно ли считать сувереннымъ государствомъ напримѣръ, Баварію, которая входитъ въ составъ германской Имперіи, которая не можетъ воевать, если не двинется вся Германская Имперія или не будетъ сдѣлано распоряженіе о мобилизаціи войскъ во всей Имперіи? Мнѣ придется впослѣдствіи говорить о, такъ называемомъ, союзномъ государствѣ и союзѣ государствъ, объ уніи реальной и личной. Вы увидите тогда, что вопросъ о суверенитетѣ не можетъ быть рѣшенъ въ томъ смыслѣ, что всякое государство потому только, что оно государство , - суверенно. Въ этомъ смыслѣ высказывается цѣлый рядъ нѣмецкихъ публицистовъ. Но этотъ взглядъ встрѣчаетъ рѣшительный отпоръ во Франціи, напримѣръ, со стороны бордосскаго профессора Дюги, который высказываетъ цѣлый рядъ соображеній, главнымъ образомъ, историческаго характера, направленныхъ противъ этого признанія.

Ученіе о суверенитетѣ - ученіе новаго времени. Оно было высказано на рубежѣ новаго времени Бодэномъ въ его сочиненіи „ Les six livres de la republique," въ которомъ уже поставлены многіе изъ основныхъ вопросовъ государственнаго права, и

между прочимъ, выдвинуть и вопросъ о суверенитетѣ. Какъ поборникъ того, чтобы Франція считалась государствомъ, имѣющимъ самодовлѣющую власть, онъ выставилъ ученіе о томъ, что необходимымъ признакомъ государства является суверенитетъ и что этотъ суверенитетъ неотчуждаемъ и недѣлимъ. Такимъ образомъ, можно сказать, что Бодэнъ является родоначальникомъ ученія, которое вы найдете въ „Общественномъ договорѣ" Руссо, только произведшаго перемѣну въ лицѣ субъекта. Бодэнъ говоритъ о суверенитетѣ государства, какъ необходимомъ признакѣ государства, а Ж.Ж. Руссо переноситъ понятіе суверенитета на народъ. Суверенемъ является народъ. Ученіе Ж.Ж. Руссо, признающаго, что народный суверенитетъ неотчуждаемъ и недѣлимъ, есть ничто иное, какъ прямое перенесеніе съ одного субъекта - государство, на другой - на народъ понятія о неотчуждаемомъ и недѣлимомъ суверенитетѣ. Нѣмецкіе публицисты, не желая признать суверенаго народа, остаются вѣрными доктринѣ Жана Бодэна. Они утверждаютъ, что государство необходимо обладаетъ суверенитетомъ, и что такой суверенитетъ неотчуждаемъ и недѣлимъ.

Вотъ, господа, тѣ основныя представленія, какія связаны съ понятіемъ суверенитета. Суверенитетъ - это самодовлѣющая государственная власть, недопускающая надъ собой контроля никакой посторонней силы. На русскомъ языкѣ этого нельзя передать иначе, какъ словомъ самодержавіе: самодержавіе Россійской Имперіи. Россійская Имперія такъ же самодержавна, какъ и самодержавна Французская Республика, какъ самодержавно Англійское Королевство. Но англичане передаютъ это самое понятіе суверенитета и самодержавія нѣсколько иначе. Они говорятъ: нѣтъ на землѣ большей власти, чѣмъ та, которая принадлежитъ англійскому парламенту, и этотъ парламентъ состоитъ изъ трехъ неразрывныхъ составныхъ частей: короля, палаты лордовъ и палаты общинъ. Все въ предѣлахъ физической возможности можетъ быть осуществлено парламентомъ. Конечно, парламентъ не можетъ отмѣнить электричества, но парламентъ можетъ отмѣнить палату лордовъ и королевскую власть, разумѣется подъ однимъ условіемъ, если составныя части парламента: король, лорды и палаты общинъ сойдутся въ этомъ

желаніи. Итакъ, то самое понятіе самодовлѣющей государственной власти, которое въ одномъ мѣстѣ передается терминомъ: самодержавіе, въ другомъ - терминомъ суверенитетъ, въ третьемъ мѣстѣ — можетъ передаваться описательно. - въ смыслѣ всемогущества англійскаго парламента. Во всѣхъ этихъ случаяхъ мы имѣемъ дѣло съ однимъ и тѣмъ же понятіемъ.

Вотъ то немногое, что я считалъ нужнымъ сказать Вамъ о государственной власти, какъ необходимомъ составномъ элементѣ самого понятія государства. Гдѣ нѣтъ с а м о д е р ж а в н о й государственной власти, гдѣ нѣтъ в о з м о ж н о с т и с а м о о п р е д ѣ л е н і я для государства, т а м ъ н ѣ т ъ , к о н е ч н о и с а м о г о г о с у д а р с т в а .

§ 3.

Н А С Е Л Е Н І Е .

Рядомъ съ государственной властью, какъ верховной и являющейся источникомъ всѣхъ другихъ властей въ государствѣ, составнымъ элементомъ послѣдней является является н а с е л е н і е . Оно состоитъ изъ лицъ и семействъ, связываемыхъ въ своей дѣятельности волею государства, т.е. чужой для нихъ волей. Не можетъ подлежать никакому сомнѣнію, что населеніе является необходимымъ составнымъ элементомъ въ понятіи государства. Немыслимо представить себѣ государство безъ населенія.

Основнымъ вопросомъ въ главѣ о населеніи является слѣдующій: совпадаетъ ли понятіе подданства съ понятіемъ гражданства? Въ современномъ государствѣ считается по крайней мѣрѣ желательнымъ, чтобы эти понятія совпадали . И подданные въ

Общее ученіе о государствѣ.
Изд. Студ. Кассы Взаимопом.
Литографія Трофимова.

Проф. М.М. КОВАЛЕВСКАГО.
СПБ. Политехн. Институтъ.
СПБ. Можайская 3.

Л. 9.

Сост. Филиппов

современномъ правовомъ, или конституціонномъ государствѣ являются одновременно и участниками въ дѣлѣ осуществленія государственной власти; въ этомъ смыслѣ они должны почитаться его гражданами. Вѣроятно, каждому изъ Васъ бросается въ глаза это стремленіе современнаго государства къ уравненію подданнаго и гражданина. Но, разумѣется, только пустымъ краснорѣчіемъ можно было бы объяснить, если бы лѣтъ 20 - 25 тому назадъ въ обращеніи къ Государю или къ какому нибудь другому представителю власти я расписался гражданиномъ Россіи. Тогда у насъ понятія не покрывали другъ друга. Несомнѣнно, что у передовыхъ народовъ Европы они другъ друга покрываютъ.

Однимъ изъ первыхъ сочиненій, въ которомъ всего ранѣе былъ рѣшенъ вопросъ о соотношеніи понятій подданства и гражданства, было извѣстное сочиненіе Руссо «Общественный договоръ" (Contrat social). Я напомню Вамъ подлинныя слова Руссо. Руссо еще раньше обнародованія своего политическаго трактата очень любилъ говорить о себѣ, какъ о членѣ суверяннаго государства, - „membre du souverain" - и потому его гражданинѣ. Этимъ суверяннымъ государствомъ былъ городъ Женева, который, однако, обнаружилъ впослѣдствіи свое отношеніе къ своему подданному и гражданину Ж.Ж.Руссо только въ томъ смыслѣ, что изгналъ его изъ своихъ предѣловъ за его сомнѣнія въ правомѣрности правящей въ Женевѣ аристократіи, сомнѣнія, высказываемыя въ его сочиненіи. Въ „Общественномъ договорѣ" Руссо даетъ такое опредѣленіе понятію „citoyen": „citoyen" это - „participant a l'autorité souveraine". Эти его слова встрѣчаются прежде всего въ стихотвореніи, въ которомъ онъ описываетъ неудобства междуусобной борьбы, происходившей въ то время въ его отечествѣ. Эта, хотя и некровопролитная революція подвергала сомнѣнію будущность Женевы, такъ какъ ея существованію угрожала французская абсолютная монархія. Страхъ передъ ея притязаніями примиряетъ враждующія партіи въ Женевѣ. Тогда Руссо поетъ гимнъ миру, въ которомъ онъ и говоритъ, что, подданный Женевы, онъ, являясь членомъ суверяннаго государства, является и его гражданиномъ. А затѣмъ эта доктрина находитъ свое философское обоснованіе въ трактатѣ

„Общественный договоръ".

Въ этомъ своемъ трактатѣ, разсматривая вопросъ о томъ, какъ путемъ общественнаго договора люди выходятъ изъ естественнаго состоянія и передаютъ всѣ свои права всей совокупности людей, образующихъ государственное сообщество, Руссо заявляетъ, что съ заключеніемъ этого договора люди ничего не теряютъ, такъ какъ свои права они уступили всей совокупности, а оттого, что личное выступленіе отдѣльнаго человѣка замѣнилось выступленіемъ всей совокупности, индивидъ не только ничего не потерялъ, но, наоборотъ, пріобрѣлъ большую силу. Какъ же стали называться люди послѣ того, какъ они перешли изъ естественнаго въ государственное состояніе? Каждый въ отдѣльности индивидъ по отношенію ко всей совокупности является подданнымъ, но такъ какъ вся совокупность осуществляетъ права, принадлежавшія въ сущности отдѣльнымъ индивидамъ, положившимъ основаніе государству, то я, какъ часть этой совокупности, являюсь частью суверенаго государства, слѣдовательно и гражданиномъ. Или какъ говоритъ самъ Руссо: „Люди, образующіе государство, принимаютъ коллективное названіе народа и именуются каждый въ отдѣльности гражданиномъ, какъ участвующій въ верховной власти, и подданнымъ, какъ подчиненный государственной власти". *)

Такимъ образомъ, понятіе „подданный" и „гражданинъ" сливаются. Очевидно, что для полнаго совпаденія понятія подданнаго и гражданина необходимо было бы, чтобы всѣ жители государства безъ различія пола и возраста принимали участіе въ осуществленіи верховной государственной власти, т.е. власти законодательной, необходимо было бы, чтобы всѣ они были надѣлены избирательными правами. А этого въ дѣйствительности нѣтъ на лицо, и этимъ, повидимому, не былъ озабоченъ и самъ Руссо, не упоминающій ни единымъ словомъ объ избирательныхъ правахъ женщинъ.

Болѣе послѣдовательнымъ въ этомъ отношеніи является цѣликомъ принимающій ученіе Руссо знаменитый К о н д о р с е .

---

*) Р у с с о . Общественный договоръ. ч. I. гл. VI.

Этотъ послѣдній впервые на континентѣ Европы признаетъ то, за что впослѣдствіи будетъ ратовать Дж.Ст. Милль, - начало равноправія половъ. Но Вы знаете, что за исключеніемъ небольшого числа штатовъ Сѣверо-Американской федераціи, болѣе близкихъ къ Тихому океану, нежели къ Атлантическому, штатовъ молодыхъ и весьма не густо населенныхъ, напримѣръ, штатовъ Вайоминга, (и, конечно, Финляндіи) нигдѣ избирательное право женщинамъ на государственныхъ выборахъ не предоставлено. Другое дѣло избирательное право на земскихъ выборахъ. Таковыми правами женщины обладаютъ во многихъ наиболѣе демократическихъ государствахъ. Поэтому всетаки остается нерѣшеннымъ вопросъ, въ какой мѣрѣ подданный является гражданиномъ. Если гражданиномъ долженъ быть участникомъ въ осуществленіи верховной власти, если признать, что каждый, участвующій въ политической жизни, есть участникъ въ дѣлѣ осуществленія государственной власти, то можно сказать, что такими участниками и, слѣдовательно, гражданами является только взрослое мужское населеніе страны. Но нельзя сказать, что это начало распространяется и на женщинъ, и тѣмъ болѣе на подростковъ.

Теоретики государственнаго права, которые, тѣмъ не менѣе желали бы защитить доктрину Руссо о томъ, что подданство совпадаетъ съ гражданствомъ, стали проводить во Франціи различіе между, такъ называемыми, публичными правами и правами политическими. Публичныя права это тѣ, такъ называемыя, необходимыя вольности, которыя какъ свобода физическихъ и нравственныхъ проявленій личности, т.е. свобода передвиженія, свобода отъ задержанія, свобода совѣсти, слова, печати и т.д., признаются за всѣми подданными независимо отъ его пола, наличности или отсутствія постояннаго мѣста жительства и обладанія какимъ либо имуществомъ. Что касается до политическихъ правъ, то государство даетъ эти права тѣмъ или инымъ, отвѣчающимъ извѣстнымъ условіямъ, категоріямъ подданныхъ, имѣя въ виду, что представительное устройство есть такое устройство, которое, ставитъ задачу управленія страною лучшими людьми, т.е. людьми, наиболѣе проникнутыми чувствомъ законности и чувствомъ патріотизма.

Отсюда возникшее давно уже ученіе о томъ, что правомъ участія въ осуществленіи законодательной власти могутъ обладать только тѣ, кто имѣетъ постоянный интересъ въ государствѣ. Слѣдовательно, не лица, владѣющія движимой собственностью или капиталомъ, которыя держатъ свои богатства сегодня въ парижскомъ банкѣ, а завтра, въ случаѣ проведенія прогрессивно-подоходнаго налога во Франціи, переносятъ ихъ, скажемъ, въ бельгійскій банкъ, а только тѣ, которые владѣютъ имуществомъ, не подлежащимъ такому перенесенію въ иностранные банки, т.е. недвижимостью. Вотъ почему многими писателями проводилось то ученіе, что политическими правами должны быть надѣлены только люди, имѣющій постоянный интересъ въ государствѣ въ формѣ недвижимаго имущества опредѣленнаго размѣра. Цензовыя ограниченія избирательнаго права сводятся къ одному: только владѣніе недвижимостью даетъ право быть участникомъ въ осуществленіи государственной власти.

Можно сказать, что былъ сдѣланъ большой шагъ впередъ, когда Учредительное Собраніе 1789 года, задавшись вопросомъ объ избирательномъ правѣ, разбилось на два лагеря: меньшинство и большинство, но не вопросу о томъ, давать ли право избранія только обладателямъ недвижимой собственности, но и по вопросу о томъ, нужно ли вообще какое нибудь обезпеченіе для того, чтобы индивидъ могъ пользоваться политическими правами. Въ то время, какъ Робеспьеръ и его единомышленники выступили сторонниками всеобщаго права голосованія, другіе члены Учредительнаго Собранія выставляли соображенія въ пользу установленія ценза независимо отъ рода собственности. Эти послѣдніе встали на ту точку зрѣнія, что лишь нѣкоторый достатокъ даетъ возможность человѣку пріобрѣсти тѣ элементарныя знанія, безъ которыхъ трудно сознательно голосовать въ законодательное собраніе страны. Этотъ достатокъ они опредѣляли довольно скромно: этотъ достатокъ измѣрялся платежемъ налоговъ, равняющихся, по крайней мѣрѣ, трехдневной заработной платѣ. Тѣ, которые имѣли этотъ достатокъ, получили названіе активныхъ гражданъ - citoyens actifs - и пользовались правомъ участвовать въ избирательномъ собраніи; тѣ, ко-

торые не имѣли этого достатка, остались въ категоріи гражданъ пассивныхъ - citoyens passifs. -. Довольствуясь такимъ, собственно говоря, очень скромнымъ цензомъ для выборовъ, создатели конституціи французской 1791 года установили сравнительно уже высокій цензъ для выбираемыхъ. Для того, чтобы попасть въ выборщики, нужно было быть собственникомъ или узуфруктуаріемъ имущества, доходъ съ котораго не былъ меньше 200-дневной заработной платы или нанимателемъ жилища, доходность котораго установлена была въ размѣрѣ не менѣе 150 дневной заработной платы. Необходимость такого высокаго ценза для избираемыхъ мотивировалась тѣмъ, что выборные должны имѣть возможность составлять опредѣленныя сужденія по вопросамъ государственнаго устройства, подчасъ довольно сложнымъ. Для того, чтобы съ честью выполнять трудныя обязанности народныхъ представителей, нужны знанія, а эти знанія могутъ быть пріобрѣтены лишь людьми значительнаго достатка.

Отсюда теорія, которая находитъ сторонника въ лицѣ Б е н ж а м е н а - К о н с т а н а , которая будетъ повторена Г и з о. , которая разовьется въ доктрину суверенитета разума. Начало этой теоріи, особенно выдвигаемой Гизо, можно сказать было положено еще въ Англіи королевскими призывными письмами XIУ столѣтія и раньше. Этими письмами призывались лучшіе люди страны, проникнутые духомъ законности и патріотизма, помогать королю въ дѣлѣ управленія англійскимъ королевствомъ. Основное требованіе этой доктрины отвергнуто въ настоящее время во Франціи, хотя до нѣкоторой степени удержалось въ другихъ государствахъ, напримѣръ, въ Италіи, которая дѣлаетъ одно только исключеніе изъ всеобщаго избирательнаго права: въ Италіи правомъ голоса пользуются всѣ полноправные граждане, знающіе грамоту. Это то же самое исключеніе, которое предлагается въ Австріи въ законопроектѣ выработанномъ, не такъ давно, Андраши. Этотъ послѣдній выработалъ проектъ избирательнаго закона, вызвавшій очень большое недовольство въ странѣ, проектъ, который требовалъ извѣстнаго уровня знаній отъ людей, желающихъ получить голоса на выборахъ въ законодательныя учрежденія страны. На практикѣ это ограниченіе чрезвычайно важ-

но, такъ какъ большинство низшихъ классовъ венгерскаго населенія принадлежитъ къ славянскому и мадьярскому племени и не можетъ удовлетворить указаннымъ въ законопроектѣ требованіямъ. И для теоретическаго обоснованія своего законопроекта Андраши выдвигаетъ соображенія, приводимыя доктриной суверенитета разума. Его затаенная цѣль заключается, конечно, въ томъ, чтобы устранить отъ участія въ выборахъ наиболѣе демократическіе слои населенія.

Итакъ, для того, чтобы оправдать представленіе о томъ, что подданный непремѣнно потому самому - гражданинъ, придумана была теорія, отличающая публичныя права отъ правъ политическихъ, причемъ политическими правами признается право участія въ осуществленіи верховной государственной власти.

Противъ этой доктрины можно возразить слѣдующее. Не нужно быть русскимъ для того, чтобы пользоваться въ Россіи публичными правами. Если у насъ будетъ проведенъ законъ, отвѣчающій англійскому закону Habeas Corpus, если у насъ будетъ отмѣнена паспортная система, то этимъ воспользуются не только коренные жители Россіи, но и всякій французъ, англичанинъ и иной иностранецъ. Общее для всѣхъ современныхъ государствъ стремленіе состоитъ въ томъ, чтобы обезпечить всѣмъ жителямъ вселенной свободу физическихъ и нравственныхъ проявленій личности. Слѣдовательно, сказать, что пользованіе публичными правами обращаетъ человѣка въ гражданина было бы невѣрно. Нѣтъ необходимости быть гражданиномъ для того, чтобы въ современныхъ передовыхъ государствахъ пользоваться свободой физическихъ и нравственныхъ проявленій личности. Можно не быть гражданиномъ Англіи и пользоваться всѣми публичными правами англичанина. Нельзя сказать, что только одни англичане могутъ издавать газеты или журналы въ Англіи, - тогда бы Герцену не пришлось издавать „Полярной Звѣзды" и „Колокола", такъ какъ онъ не былъ англійскимъ гражданиномъ. Нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что отъ Герцена никто не требовалъ, чтобы онъ принесъ присягу въ признаніи супрематіи королевы Викторіи; слѣдовательно, онъ пользовался свободой совѣсти, не будучи гражданиномъ Англіи. Если бы Герцену желательно было обсудить со своими единомышлен-

никами какой нибудь вопросъ, то никакихъ препятствій этому не, чинилось бы со стороны англійской администраціи. Слѣдовательно, свобода физическихъ проявленій личности признается въ современныхъ передовыхъ государствахъ точно такъ же, какъ и свобода нравственныхъ проявленій личности, не только для подданныхъ государства, но и для иностранцевъ. А если такъ, то нельзя сказать, что, если я пользуюсь свободой физическихъ и нравственныхъ проявленій личности, то я - не только подданный, но и гражданинъ даннаго государства. Отсюда тотъ выводъ, что съ понятіемъ гражданства связывается представленіе объ участіи въ осуществленіи политической власти.

Въ наши дни Германская юридическая школа въ лицѣ Іеллинека замѣняетъ французскую доктрину публичныхъ и политическихъ правъ доктриной правъ объективныхъ и субъективныхъ. Въ самыхъ общихъ чертахъ это ученіе можетъ быть передано словами того же, Іеллинека въ слѣдующемъ видѣ: „Признаніе индивида лицомъ служитъ основой всѣхъ правоотношеній," говоритъ Іеллинекъ; индивидъ, будучи лицомъ, подчиненъ лишь ограниченной власти. Всякое притязаніе государства къ индивиду должно имѣть правовое основаніе. Та возможность индивидуальныхъ проявленій личности, которая остается на лицо, за вычетомъ правовыхъ ея ограниченій, образуетъ сферу ея свободы. Оставшаяся за личностью возможность проявлять эту свободу и есть ея субъективное право. Современное государство стремится распространить это пользованіе субъективными правами или, по крайней мѣрѣ, частью ихъ не только на всѣхъ своихъ подданныхъ, но и на иностранцевъ. Равенство этихъ правъ, вытекающее изъ понятія „законъ одинъ для всѣхъ", отвѣчаетъ требованіямъ той изополитіи, къ которой по вѣрному замѣчанію Г а л л а м а , стремились еще древнія Аѳины, которая достигнута была Римомъ со времени императора Каракаллы, то есть въ моментъ широкаго ограниченія субъективныхъ правъ императорской властью. Въ новое время изополитія предоставляется намъ на первыхъ порахъ въ болѣе скромныхъ границахъ прирожденнаго права жителей той или иной страны, въ частности Англіи. „Brithright" называетъ его ревни-

тель гражданскаго уравненія, низеллиторъ или лезеллеръ, Джонъ Лильборнъ во серединѣ XVII вѣка. Но уже у Локка прирожденное право англичанина уступаетъ мѣсто прирожденному праву человѣка, и школа, такъ называемаго, естественнаго права подготовляетъ рѣшеніе считать эти права „преимущественными во времени и высшаго порядка сравнительно съ тѣми, которыя создаются закономъ государства". Мы слѣдуемъ терминологіи знаменитой „Declarations des droits de l'homme".

А. Кастовое устройство.

Какъ указано было выше, современное государство характеризуется стремленіемъ достигнуть того, чтобы подданство сливалось съ гражданствомъ. Но такое стремленіе совершенно не замѣчается на раннихъ ступеняхъ развитія гражданственности. Идея равенства, идея гражданства - идея сравнительно новая, которую, разумѣется, такъ же мало пойметъ средній человѣкъ, взятый, положимъ, изъ индусскаго общества, какъ мало пойметъ средній человѣкъ изъ нашей среды то взаимное отвращеніе, которое питаютъ другъ къ другу подданные одного государства, разъ они принадлежатъ къ различнымъ кастамъ.

Спрашивается теперь, можно ли говорить о томъ, - какъ это дѣлалось и дѣлается во многихъ трактатахъ по исторіи, по философіи и по общему государственному праву - что въ порядкѣ развитія идеи подданства нужно всюду начинать съ кастового устройства, какъ представляющаго собой самое рѣзкое выраженіе исключительности отдѣльныхъ общественныхъ группъ, какъ антипода представленію о гражданскомъ равенствѣ, которое современныя государства проводятъ въ своихъ законодательствахъ, а затѣмъ уже переходить отъ кастового устройства сперва къ сословному устройству, а послѣ того къ устройству классовому, которое можетъ удерживаться и при томъ гражданскомъ равенствѣ, при

той изополитіи, которая составляла идеалъ Аѳинъ, была до нѣкоторой степени осуществлена Римомъ во времена Каракаллы и стала осуществляться на дѣлѣ на континентѣ Европы лишь съ 1789 года? Если бы вернулись Вы къ тому времени, когда мнѣ приходилось держать магистерскій экзаменъ, если бы Вы обратились къ почтеннымъ сочиненіямъ профессора В л ю н ч л и , который докучалъ намъ когда-то, какъ теперь докучаетъ Вамъ профессоръ Іеллинекъ, то Вы нашли бы въ его сочиненіяхъ эту саму градацію: касты, сословія, классы. Вы найдете ее отчасти и въ знаменитой „Энциклопедіи государственныхъ наукъ" Р о б е р т а М о л я , которая дастъ представленіе о самыхъ разнообразныхъ взглядахъ, которыхъ можно держаться на одинъ и тотъ же предметъ, если не обратиться къ индуктивно-дедуктивному методу изученія. Это сочиненіе прямо таки невѣроятно уже по одной своей обширности: оно занимаетъ три большихъ тома in quarto. И оно особенно интересно для насъ, потому что нѣтъ ни одного русскаго ученаго, который не почерпнулъ бы своей учености изъ этой „Энциклопедіи". Когда Вы найдете въ различныхъ русскихъ сочиненіяхъ ссылки на ученыхъ Klüber'a, Zachariae, Zöpfl'я и многихъ другихъ, то знайте: эти ссылки заимствованы изъ „Энциклопедіи государственныхъ наукъ" Роберта Моля.

Несмотря на всю эту ученость и послѣ выхода въ свѣтъ этого сочиненія, вопросъ о томъ, стоятъ ли касты, сословія и классы въ отношеніи умоляющейся исключительности, остается болѣе, чѣмъ спорнымъ. Высказывается въ новѣйшее время мнѣніе, что кастовое устройство вовсе не составляетъ общаго явленія, какъ склонны были думать раньше. Для того, чтобы оно возникло, требуются совершенно исключительныя условія, которыя нигдѣ не привились въ такой степени, какъ въ Индіи. Можетъ быть это покажется страннымъ, но вопросъ о кастахъ, который изучается самое меньшее лѣтъ полтораста, до сихъ поръ - наименѣе изученный вопросъ изъ всѣхъ вопросовъ исторіи, этнографіи и государственнаго права.

Вы, вѣроятно, всѣ еще изъ гимназіи вынесли тѣ элементарныя свѣдѣнія, которыя даются о происхожденіи кастъ. Обыкновенно это сводится къ разсужденію, которое имѣется еще въ

сборникѣ древняго индусскаго обычнаго права „Ману". Въ сборникѣ „Ману" говорится, что Брама, одинъ изъ трехъ высшихъ существъ, признававшихся религіей индусовъ: Брама - созидающій міръ, Вишну - сохраняющій и Сива - разрушающій міръ (Тримурти), положилъ основаніе дѣленію индусскаго народа на нѣсколько наслѣдственныхъ кастъ, что изъ головы Брамы жрецы, или брамины, изъ его рукъ вышли воины или, такъ называемые кшатріи, изъ живота Брамы вышли скотоводы, и, наконецъ, изъ его ногъ вышли слуги, или такъ называемые, судрасы. Затѣмъ, уже безъ помощи Брамы появляются на свѣтъ Божій паріи(группы лицъ, не принадлежавшихъ ни къ одной изъ только что указанныхъ четырехъ кастъ), которыхъ Брама не создавалъ и которые существуютъ на зло всѣмъ кастамъ, вышедшимъ изъ Брамы.

Долгое время имѣлось представленіе, что индусское общество распредѣляется на эти четыре касты, изъ которыхъ двѣ первыя, т.е. каста жрецовъ и воиновъ были высшими кастами. Оказывается, однако, что вся эта доктрина нисколько не отвѣчаетъ истинѣ. Когда лѣтъ 30 тому назадъ вышелъ цензъ индусскаго населенія, то одной изъ подробностей его было доказательство существованія многихъ сотенъ кастъ въ Индіи. Это было новинкой для всѣхъ, за исключеніемъ лицъ, исполнявшихъ обязанности англо-индусскихъ чиновниковъ. Оказывается, что дѣленіе на касты вызывается не только раздѣленіемъ труда. Вы увидите впослѣдствіи, что не только послѣдовательность занятій вызываетъ особленіе лицъ, занятыхъ опредѣленнымъ ремесломъ, въ одну касту, но и цѣлый рядъ внѣшнихъ условій. Такъ,получаются различныя касты въ зависимости отъ того, исполняютъ ли люди, занятые тѣмъ или инымъ дѣломъ, свою работу, сидя или стоя и т. д.

Первый, кто воспользовался этими свѣдѣніями былъ Ляйэлль, сынъ извѣстнаго англійскаго геролога Чарльза Ляйэлля. Его сочиненіе, посвященное вопросу о кастовомъ устройствѣ, весьма популярное въ англійскомъ обществѣ, было затѣмъ переведено на всѣ языки міра, и, такимъ образомъ, мало-по-малу распространилось представленіе о томъ, что въ Индіи, несмотря на свидѣтельство „Ману" имѣется не четыре, а сотни кастъ,

и что предстоитъ еще выяснить причины зарожденія кастъ. Съ тѣхъ поръ въ англійской литературѣ появилось очень много, весьма цѣнныхъ трактатовъ по интересующему насъ вопросу, написанныхъ, главнымъ образомъ, англо-индусскими чиновниками на мѣстахъ. О кастахъ одной сѣверо-западной Индіи вышли четыре толстыхъ тома in quarto, столько же, приблизительно четыре тома, занимаетъ другое сочиненіе, посвященное кастамъ Пенджаба.

За послѣднее время вопросъ о кастахъ обратилъ на себя вниманіе соціологовъ въ связи съ изученіемъ роли, какую играетъ дифференціація общественныхъ функцій и въ томъ числѣ раздѣленіе труда. Одновременно въ Берлинѣ и въ Бордо два извѣстныхъ обществовѣда З и м м е л ь и Д ю р к г е й м ъ сдѣлали попытку опредѣлить вліяніе этого фактора одинаково на структуру и поступательный ходъ общества. Одинъ изъ учениковъ Дюркгейма, нынѣ профессоръ соціологіи въ Парижѣ - Бугле, преслѣдуя задачи опредѣленія роли уравнительныхъ идей, т.е. изополитіи, въ сферѣ общественнаго прогресса, остановился на мысли изучить порядки обществъ типа противополагаемаго современному, т.е. опирающихся на разслоеніе народа, на наслѣдственныя группы, сторонящіяся другъ отъ друга и приуроченныя къ опредѣленнымъ видамъ занятій. Отсюда его недавно обнародованный отдѣльной книгой сборникъ этюдовъ "О кастовомъ устройствѣ". Онъ вышелъ въ Парижѣ въ 1908 году. Бугле старается опредѣлить характерные признаки кастового устройства и считаетъ таковыми слѣдующіе три: наслѣдственность занятій, пользованіе членами касты извѣстными привилегіями, исключительность и замкнутость, недопускающія заключенія браковъ и общенія иначе, какъ съ членами той же касты. Съ этими тремя признаками каста, по его мнѣнію, выступаетъ выпукло только въ Индіи.

Необходимо задать вопросъ, да откуда же возникло это кастовое устройство, составляетъ ли оно особенность какой-либо національности или какой-либо одной культуры или встрѣчается у разныхъ народовъ, въ различныя времена, и существуетъ ли исключительное родство между кастами и сословіями. Съ тѣми рѣшеніями, которыя Бугле даетъ этимъ вопро-

замъ, я познакомлю Васъ въ самыхъ общихъ чертахъ.

Нужно прежде всего замѣтить, что отдѣльныя черты, свойственныя кастовому устройству, встрѣчаются и въ другихъ цивилизаціяхъ. О чемъ то подобномъ кастамъ мы находимъ свѣдѣнія у Геродота, когда онъ описываетъ Египетъ. Онъ говоритъ, что въ Египтѣ существуетъ цѣлый рядъ группъ, образующихся на почвѣ раздѣленія труда; группы эти наслѣдственны, ведутъ замкнутое существованіе, стараются не входить въ общеніе другъ съ другомъ. По словамъ Геродота египтяне раздѣлены были на жрецовъ - священниковъ, воиновъ, волсвниковъ, свинопасовъ, купцовъ, толмачей, кормчихъ, слугъ - носителей воды. Нужно думать, что это неисчерпывающее перечисленіе замкнутыхъ группъ, существовавшихъ въ Египтѣ, а, такъ сказать, только примѣры ихъ. Одни священники и воины вправѣ были ожидать отъ другихъ актовъ внѣшняго признанія или уваженія. Особыя преимущества были пріурочены къ этимъ пластамъ населенія. Они свободны были отъ несенія всякихъ тягостей въ пользу государства. Діодоръ Сицилійскій говоритъ о спеціализаціи занятій, какъ о чемъ то вынуждаемомъ закономъ по отношенію къ отдѣльнымъ кастамъ. Она выступила въ меньшей степени въ средѣ высшихъ кастъ, жрецовъ и воиновъ, такъ какъ жреческія функціи не исключали возможности одновременнаго занятія и военнымъ дѣломъ.

Слѣдующее упоминаніе, какое мы имѣемъ о группахъ, обособленныхъ другъ отъ друга наслѣдственностью занятій, это - свидѣтельство о подраздѣленіи аѳинскаго народа на четыре филы. Самое названіе этихъ филъ позволяетъ думать, что существовали какія то наслѣдственныя занятія, обособлявшія лицъ, ими занимавшихся, въ особыя группы. Какихъ - либо другихъ упоминаній о наслѣдственности и замкнутости въ образованіи общественныхъ слоевъ, мы не имѣемъ.

Возникаетъ вопросъ, какъ объяснить происхожденіе кастъ. Для объясненія источника происхожденія кастъ предложено было нѣсколько теорій. Одна изъ нихъ сближаетъ кастовое устройство съ тѣмъ, что мы знаемъ о наслѣдственной организаціи труда въ средніе вѣка, при цеховомъ устройствѣ, т.е. о гильдіяхъ и цехахъ, и видитъ источникъ тѣхъ и другихъ, т.е.

кастъ и гильдій въ обособленіи отдѣльныхъ видовъ труда. Эта аналогія какъ бы сама напрашивается. Замѣтьте, что гораздо раньше возникновенія средневѣковыхъ цеховъ еще въ Римской Имперіи существовали организаціи довольно близкія по типу къ цехамъ среднихъ вѣковъ. Вы знаете, что М о м з е н ъ занимался вопросомъ объ этихъ организаціяхъ, что его рукопись посвященная этому вопросу, была сожжена, что затѣмъ цѣлый рядъ его учениковъ продолжаетъ работать надъ этимъ вопросомъ, и одинъ изъ нихъ, К у л и к о в с к і й , написалъ диссертацію: „Цехи въ древнемъ Римѣ". Въ этомъ сочиненіи можно встрѣтить первое упоминаніе о древнихъ обществахъ, имѣвшихъ много общихъ чертъ съ цеховымъ устройствомъ. Въ міровой исторической и экономической литературѣ до сихъ поръ однимъ изъ спорныхъ вопросовъ является вопросъ о томъ, существуетъ ли какая-нибудь филіація, какое нибудь преемство между римскими „collegia sodalitia" и средневѣковыми гильдіями, извѣстными въ Италіи подъ латинскимъ названіемъ „artes". Этому вопросу я также посвятилъ главу въ 3-ьемъ томѣ моего сочиненія „Экономическій ростъ Западной Европы". Сказать, что мы пришли къ разрѣшенію этого вопроса, въ настоящее время безусловно нельзя.

Замѣчательно, что римскія организаціи, подобныя цехамъ, продолжали держаться и въ Византійской Имперіи, которая и послѣ паденія Рима, продолжала придерживаться римскихъ традицій, римской системы въ организаціи администраціи, римскаго подѣленія общества на классы. Одному женевскому ученому удалось открыть приказъ константинопольскаго префекта своего рода градоначальника, приказъ, отданный разнымъ цехамъ города Константинополя, изъ котораго видно, что въ Константинополѣ долгое время держалась наслѣдственность занятій, что однѣ и тѣ же семьи поставляли людей, занимавшихся опредѣленнымъ промысломъ; напримѣръ, одни семьи разносили воду по домамъ, другія занимались рыбнымъ дѣломъ и т.д. Въ предѣлы Византійской Имперіи входилъ Равенскій экзархатъ. Интересно задаться вопросомъ о томъ, въ какой степени въ городѣ Равеннѣ сохранились слѣды этой наслѣдственности занятій. Оказыва-

ется, что цехъ рыболововъ, существующій по настоящее время и извѣстный по какимъ то причинамъ подъ страннымъ названіемъ „Сумашедшаго Дома", ведетъ свое существованіе съ тѣхъ самыхъ временъ, когда существовала наслѣдственная организація занятій въ самой Италіи.

Наконецъ, благодаря необычайно счастливой находкѣ, сдѣланной въ антикварномъ магазинѣ мюнхенскаго торговца Аккермана М о н т и к о л о , явилась возможность дополнить небольшое число страницъ, оставшихся незаполненными въ древнѣйшей запискѣ Венеціанскаго права. При соединеніи этихъ двухъ рукописей стало возможнымъ подробное изученіе цехового устройства въ Венеціи, въ результатѣ котораго оказалось, что либеральныя и нелиберальныя профессіи уже въ X вѣкѣ были организованы въ наслѣдственные цехи. А такъ какъ Венедія долгое время находилась подъ культурнымъ и политическимъ вліяніемъ Византіи, такъ какъ венеціанскій дожъ явился только на смѣну трибунамъ и такъ какъ само названіе „дожъ" есть только простонародная передѣлка латинскаго „dux", то естественно возникаетъ предположеніе, что и здѣсь мы имѣемъ дѣло съ послѣдствіями, съ филіаціей византійскихъ, а, слѣдовательно, и римскихъ порядковъ.

Если Вы примите сказанное во вниманіе, то Вамъ станетъ понятнымъ, почему первая попытка объяснить существованіе кастъ состояла въ томъ, чтобы сблизить цеховую организацію съ организаціей кастъ. И въ той и другой организаціи есть нѣчто общее: наслѣдственность занятій, большая замкнутость, которая не допускаетъ отправленія ремесла иначе, какъ лицами, принадлежащими къ цехамъ или кастамъ. Я знаю, что имѣется доктрина, по которой замкнутость цеховъ появилась только впослѣдствіи, въ результатѣ ихъ развитія. Быть можетъ это справедливо по отношенію къ Германіи, но замкнутость цеховъ въ Италіи существуетъ съ самаго начала ихъ существованія. А наслѣдственность занятій есть черта характерная для кастъ Индіи. Это опредѣленно извѣстно изъ свидѣтельствъ магометанскихъ писателей IX вѣка по Р. Хр. и изъ индусскихъ источниковъ, относящихся къ VI вѣку. Изъ древнихъ писателей еще Стра-

боязъ указывалъ на то, что каждый классъ въ Индіи имѣетъ свое ремесло. Саккунтала же, устами рыбака, котораго попрекаютъ въ жестокомъ обращеніи съ рыбами, говоритъ: „мы никогда не должны оставлять ремесло нашихъ предковъ, какъ бы низменно оно не было.“ Въ Индіи попадаются тѣмъ не менѣе случаи оставленія цѣлой кастой или частью ея своего ремесла и перехода ея къ другимъ занятіямъ. Но частаго перехода къ занятіямъ неизвѣстнымъ предкамъ, мы въ Индіи не встрѣчаемъ. Если наслѣдственность занятій есть черта, общая кастѣ съ ремесленнымъ цехомъ съ гильдіей, то съ другой стороны послѣдней совершенно неизвѣстно отсутствіе всякаго общенія, всякаго совмѣстнаго принятія пищи и заключенія брачныхъ узъ между членами разныхъ кастъ.

Быть можетъ, касты и произошли, какъ объясняетъ Н е с ф и л ь д ъ по мѣрѣ обособленія занятій или роста спеціализаціи, такъ что низшими кастами оказались бы тѣ, которыя пріучены къ занятіямъ, извѣстнымъ самымъ примитивнымъ обществамъ, какъ то занятіямъ рыбнымъ промысломъ и охотою, но можно ли только раздѣленіемъ труда и наслѣдственностью занятій объяснить происхожденіе кастового устройства. Это можно было бы сдѣлать, если бы въ кастовомъ устройствѣ не встрѣчались группы, которыя не находятъ объясненія въ раздѣленіи труда. Эти черты не поддаются юридическому описанію, это - черты бытовыя, черты, сказывающія во взаимномъ отвращеніи, питаемомъ членами одной касты къ членамъ другой. Тѣ самыя предразсудки, которые заставляютъ человѣка изъ простонародья отплевываться, когда онъ встрѣчается со священникомъ, тѣ самыя черты выступаютъ и въ настоящее время въ отношеніяхъ кастъ между собой. Браминъ, вошедшій въ общеніе съ представителемъ одной изъ низшихъ кастъ, будетъ обмываться и обтираться, чтобы избавиться отъ слѣдовъ той профанаціи, которая была вызвана этимъ общеніемъ. Настоящій браминъ считаетъ себя совершившимъ большой грѣхъ, если станетъ ѣсть и пить изъ одной чашки съ лицомъ, принадлежащимъ не къ одной кастѣ. Если бы это касалось только жрецовъ, то это еще было бы объ-

яснимо. Но это взаимное отвращеніе встрѣчается въ отношеніяхъ между всѣми другими кастами. Заключеніе браковъ возможно только между членами одной и той же касты. Существуютъ, напримѣръ, двѣ касты: одна занимается выдѣлкой металлическихъ издѣлій изъ чернаго металла - „лагоры", другая занимается выдѣлкой металлическихъ предметовъ изъ бѣлаго и желтаго металловъ - „сонары". Члены почтенной касты считаются людьми почтенными, тогда какъ логары считаются людьми презрѣнными, такъ какъ черный цвѣтъ является пагубнымъ въ глазахъ индѣйцевъ, и золото и серебро кажется имъ комбинаціей двухъ священныхъ элементовъ - воды и огня. Бракъ между членомъ касты, обрабатывающей золото и серебро, не можетъ имѣть мѣста съ женщиной, принадлежащей къ кастѣ, обработывающей желѣзо или свинецъ. Принятіе пищи лицомъ, принадлежащимъ ко второй кастѣ у лица, принадлежащаго къ первой кастѣ, совершенно невозможно. При объясненіи причинъ исключительности касты по отношенію другъ къ другу, взаимнаго отвращенія ими питаемаго, не можетъ считаться съ общераспростра - неннымъ въ средѣ далеко не арійскихъ расъ обычаемъ „табу", или запретъ самого прикосновенія къ извѣстному предмету. Считаются, напримѣръ, низкими касты, которыя имѣютъ дѣло съ обработкою кожи мертвыхъ животныхъ. Касты брадобрѣевъ - цирульниковъ повсюду признается кастой презрѣнной. Почему? Да потому; что они имѣютъ дѣло съ волосами и кровью, такъ какъ цирульники одновременно исполняютъ обязанности хирурговъ, и всякій, кто имѣлъ дѣло съ волосами и кровью, считался существомъ презрѣннымъ. Общеніе съ такимъ человѣкомъ унизительно для членовъ другихъ кастъ, и требуются многочисленныя омовенія въ рѣкѣ Гангѣ для того, чтобы смыть слѣды этого общенія. Болѣе почтенной считается каста рыболововъ, чѣмъ каста охотни - ковъ, въ виду священнаго характера воды, съ которой первые имѣютъ дѣло.

Все это объяснить однимъ раздѣленіемъ труда нельзя. Приходится, слѣдовательно отказаться отъ только что изложенной гипо - тезы и поискать другихъ. Чѣмъ въ самомъ дѣлѣ объясняется такой фактъ, что нѣкоторыя касты носятъ довольно странныя названія: одна и именуется именемъ оленя, другая - именемъ жабы, третья - именемъ дракона и т.д.? Очевидно, что въ кастахъ приходится имѣть дѣло съ продуктомъ весьма сложныхъ и разнообразныхъ явленій. Для того,

Общее ученіе о государствѣ. Проф. М.М. Ковалевскаго.
Изд. Студ. Кассы Взаимоп. При СПБ. Политехн. Инст.
Литографія Трофимова Можайская 3. Л.10.

Корректировал С. Кочин

чтобы объяснить происхожденіе кастъ приходится принять въ расчетъ, помимо раздѣленія труда и расовыя различія, ту вѣковую борьбу, которую вели представители туземнаго индусскаго населенія съ покорителями пришельцами съ сѣвера - арійцами. А кромѣ того необходимо считаться съ сохранившейся въ средѣ индусскаго населенія своеобразной организаціей, которую Вы найдете и среди нѣкоторыхъ другихъ народовъ, напримѣръ уайстрійскихъ племенъ которая связана съ понятіемъ о тотэмѣ, о культѣ извѣстнаго животнаго, растенія или предмета неорганической природы, которыя считаются патронами, покровителями и даже родоначальниками даннаго племени, которымъ запрещается вкушать, истреблять и потреблять, за исключеніемъ одного дня праздника, когда для того, чтобы войти въ непосредственное общеніе съ этимъ родоначальникомъ, всѣ призываются къ вкушенію тѣла этого животнаго или растенія. Является вопросъ о непосредственномъ общеніи, общеніи, которое всего легче можетъ быть произведено путемъ съѣденія, о непосредственномъ общеніи потомства съ родоначальникомъ въ томъ предположеніи, что свойства родоначальника перейдутъ къ потомкамъ и количество звѣрей покровителей увеличится. Отсюда же съѣденіе стариковъ ранѣе впаденія ихъ въ древность, производимое для того, чтобы ихъ свойства, физическія и нравственныя, перешли къ ихъ потомкамъ.

Вотъ значитъ къ какой древности приходится восходить для того, чтобы объяснить нѣкоторыя черты кастового устройства, аналогичныя, напримѣръ, съ исключеніемъ всѣхъ, кто не принадлежитъ къ данному тотемистическому союзу отъ той формы общенія, въ которой оно признается болѣе близкимъ и болѣе непосредственнымъ, отъ вкушенія мяса животнаго - покровителя. Если мы примемъ во вниманіе это обстоятельство, то намъ станетъ понятно, почему люди, принадлежащіе къ одному тотэмистическому союзу не могутъ принимать пищи вмѣстѣ съ членомъ другого тотэмистическаго союза. И если въ кастовомъ устройствѣ проявляется эта черта, то эта черта болѣе архаическая, идущая отъ той эпохи, когда существовала тотэмистическая организація общественныхъ группъ. Если мы зададимся вопросомъ, почему браки не возможны между членами различныхъ кастъ, то мы опять таки должны будемъ возвратиться къ этой же отдаленной эпохѣ. Или если мы себя спросимъ, почему касты носятъ странныя названія различныхъ животныхъ и растеній, то объясненіе можетъ быть найдено въ существованіи тотэмистическихъ союзовъ.

Черезъ всю индусскую исторію проходитъ соперничество аріевъ и дайсіевъ. И антропологическія измѣренія показываютъ, что населеніе

Индіи составляетъ, по крайней мѣрѣ, два этнографическихъ типа. Два англичанина Р и с л э и К р у к ъ, спеціально занявшіеся вопросомъ о кастовомъ устройствѣ, одинъ въ Бенгалѣ, другой въ сѣверо - западныхъ провинціяхъ Индіи постоянно указываютъ на этнографическія различія, существующія между кастами. У дравидійскихъ кастъ многія названія происходятъ отъ именъ животныхъ и растеній, истребленіе и съѣденіе которыхъ считается запретнымъ для ихъ членовъ. А это уже все признаки тотэмистическихъ союзовъ*. Тѣ же тотэмистическія прозвища встрѣчаются и между подраздѣленіями арійскихъ кастъ, такъ напримѣръ, прозвище козла, черепахи и дракона.**

Такимъ образомъ, сказанное заставляетъ насъ предполагать, что въ основѣ кастового строя лежитъ не только раздѣленіе труда, не только расовыя различія, но что на возникновеніе кастъ оказала сильное вліяніе одна изъ раннихъ формъ общественной организаціи, какой является тотэмистическій союзъ, предшествующій по времени родовому союзу. А такъ какъ тотэмистическая организація не вездѣ имѣла мѣсто, то и не вездѣ проводится начало наслѣдственности занятій и замкнутости отдѣльныхъ группъ, не всюду проводится ихъ исключительная обособленность. Вотъ почему не всюду встрѣчаются и касты. Вотъ почему существуютъ общества, въ которыхъ исторію неравенства нужно вести не отъ кастового устройства, а отъ сословій. Мы не можемъ указать такого періода въ исторіи русскаго, германскаго и англійскаго народовъ когда у нихъ существовало бы кастовое устройство, потому что мы можемъ прослѣдить процессъ развитія сословной организаціи у этихъ народовъ Исторія неравенства несомнѣнно можетъ открываться въ этихъ цивилизаціяхъ среди этихъ расъ и національностей исторіей сословій, а не исторіей кастъ.

Чѣмъ вызваны къ жизни сословія, каковы отличія сословій отъ кастъ и отъ классовъ, насколько фундаментъ сословной организаціи отличенъ и не совпадаетъ съ основаніемъ классового строя общества?

---

* См. К р у к ъ. Касты и племена сѣверо-восточныхъ провинцій Индіи. т. I. стр. CLXX и стр. CLXXXII

** См. К р у к ъ. Вступленіе къ „народнымъ вѣрованія жителей сѣверо западныхъ провинцій Индіи." стр. 288.

Б. С О С Л О В І Я.

Вопросъ о сословіяхъ, объ ихъ возникновеніи и развитіи можетъ быть изученъ только путемъ историко-сравнительнаго изученія относящихся къ этому вопросу явленій. Изъ литературы, посвященной этому вопросу, съ очевидностью вытекаетъ, что развитіе сословій началось еще раньше возникновенія самого государства и что прежде всего это развитіе сказалось въ существованіи свободныхъ и несвободныхъ. Я уже говорилъ Вамъ, что развитію государства предшествовалъ цѣлый рядъ общественныхъ стадій, изъ которыхъ позднѣйшей по времени, т.е. ближайшимъ моментомъ по отношенію къ возникновенію государства является періодъ родовыхъ союзовъ. И вотъ, если Вы обратитесь къ изученію этихъ родовыхъ обществъ, изученію, начало которому положено давно и въ нѣмецкой литературѣ и во французской и въ англійской, то Вы повсюду встрѣтитесь съ однимъ и тѣмъ же фактомъ, заключающемся въ томъ, что общества, еще не перешедшія къ государственной стадіи общежитія, уже знаютъ различія между свободными и несвободными, полноправными и рабами.

Изъ сочиненій, которыя подымали этотъ вопросъ, т.е. вопросъ о родовомъ бытѣ и его внутреннемъ строеніи, я бы указалъ прежде всего на сочиненія человѣка, котораго я болѣе, чѣмъ кого либо могу признать своимъ учителемъ, такъ какъ и методологическіе пріемы, которыми я пользовался, особенно въ своихъ раннихъ сочиненіяхъ, и предметы, мною избираемые, всегда стояли въ близкомъ отношеніи къ тѣмъ, какихъ придерживался онъ. Этимъ учителемъ былъ никто инсй, какъ знаменитый англійскій ученый сэръ Г е н р и - Д ж е м с ъ М э н ъ, авторъ многочисленныхъ произведеній по исторіи древняго права и учрежденій: „Village Communities in the East and West" (1871), „The early History of Intitutions" (1875), „Early Law and Custom", (1883), „Popular Governement (1885) и мн. др.

Вліяніе Мэна отразилось на всей литературѣ, посвященной историко-сравнительному изученію общественнаго строя различныхъ народовъ въ разныя времена. И изъ всѣхъ его сочиненій, въ которыхъ поднимаются вопросы государственнаго развитія, по моему мнѣнію, не было болѣе выдающагося, чѣмъ „Древнѣйшая исторія уч-

реженій". Здѣсь онъ пользуется и пользуется очень искусно необслѣдованными еще въ то время матеріалами относительно родовыхъ порядковъ, имѣвшихъ мѣсто у кельтическихъ народовъ, и прежде всего у ирландцевъ, которые до завоеванія англосаксами жили родовыми союзами.

Необходимо отмѣтить слѣдующій любопытный фактъ. Если сопоставить то, что имѣло мѣсто у ирландцевъ и что имѣло мѣсто въ герцогствѣ У э л ь с ъ , съ тѣмъ, что существовало, судя по древнѣйшимъ памятникамъ у древнихъ германцевъ и у древнихъ славянъ, а также и у древнихъ грековъ и римлянъ, что всѣ они не знаютъ одного и того же, именно существованія того, что нельзя назвать, слѣдуя за профессоромъ Сергѣевичемъ, б е з с о с л о в н о с т ь ю , такъ какъ уже на первыхъ порахъ есть различіе свободныхъ и несвободныхъ. Очевидно, что всякій родовой союзъ, прежде чѣмъ осѣсться на извѣстномъ пространствѣ, долженъ былъ подчинить первоначальное населеніе данной мѣстности, обыкновенно силою оружія. Такъ какъ всѣхъ туземцевъ истребить было нельзя, то тѣ изъ нихъ, которые оставались въ живыхъ, были обращены въ рабовъ. И число этихъ рабовъ сдѣлалось столь велико въ нѣкоторыхъ обществахъ, что единицей измѣренія и опредѣленія размѣра пени, композиціи или выкупа за убійство и за раненіе является рабъ или рабыня. За отцеубійство, положимъ, взимается столько то рабынь. Въ древнѣйшихъ записяхъ права герцогства Уэльскаго значится, что убійца долженъ отдать потерпѣвшему столько то женщинъ рабынь, или замѣнить ихъ скотомъ, считая, что на столько то рабынь приходится одна корова, или на опредѣленное количество рабынь - столько то овецъ. Это кажется очень страннымъ и дикимъ, но если мы обратимся къ записямъ древнихъ обычаевъ нашихъ кавказскихъ горцевъ, сдѣланнымъ въ цѣляхъ правительственныхъ, русскими чиновниками, попадавшими на Кавказъ, то и въ этихъ сборникахъ права, изданныхъ въ двухъ томахъ профессоромъ Л е о н т о в и ч е м ъ , мы найдемъ частое упоминаніе о томъ, что выкупъ платится извѣстнымъ числомъ рабовъ и рабынь, и за недостаточностью таковыхъ опредѣленнымъ количествомъ головъ скота, мѣдными тазами и многими другими принадлежностями домашнкго обихода. Причемъ есть общая скала: за раба или рабыню приходится столько то головъ рогатаго скота, овецъ, за мѣдный тазъ уже другое количество и т.д.

Противоположеніе свободныхъ и несвободныхъ встрѣчается и въ древнемъ русскомъ правѣ. Холопы и свободные люди - вотъ то противоположеніе, съ которымъ мы встрѣчаемся въ обыкновенномъ строѣ древней Руси. Если Вы обратитесь къ тѣмъ свѣдѣніямъ, которыя мы имѣемъ о древнѣйшихъ германцахъ, т.е. къ извѣстному описанію Т а ц и т а нравовъ германцевъ, то Вы найдете и въ этомъ, очень конкретномъ описаніи, точно такъ же, какъ и у Ю. Ц е з а р я , упоминаніе о томъ, что у всѣхъ германцевъ есть серны (servi),т.е. рабы, и слова, что германцы поступаютъ съ рабами не такъ, какъ мы - римляне. Римляне, какъ извѣстно, заставляли жить рабовъ въ общежитіяхъ при своихъ жилищахъ, тогда какъ германцы устраивались со своими рабами иначе: они разсаживали ихъ, какъ разсказываетъ Тацитъ,на своихъ земляхъ, такъ что каждый сервъ имѣетъ свою усадьбу и свой участокъ земли, который онъ обрабатываетъ и съ котораго онъ платитъ собственнику извѣстную ренту, обыкновенно натуральными приношеніями. Вотъ Вамъ, господа, первый источникъ, первое указаніе на переходъ рабовъ къ той категоріи лицъ, которыя извѣстны римлянамъ подъ названіемъ glaebae adscripti и которая впослѣдствіи сдѣлалась извѣстной всему Западу подъ названіемъ виллановъ (villain), или крѣпостныхъ людей.

Древне-греческія эпопеи доказываютъ намъ, что совершенно то же было и у древнихъ грековъ. Возьмите Иліаду или Одиссею. Изъ за чего поссорились Ахиллесъ и царь Агамемнонъ? Да изъ за одной прекрасной рабыни, которую и тотъ и другой желали имѣть въ числѣ своихъ рабынь. Упоминаніе о рабахъ и рабыняхъ, вербуемыхъ изъ военноплѣнныхъ, встрѣчается въ греческихъ эпопеяхъ точно такъ же, какъ оно встрѣчается и въ эпопеяхъ другихъ народовъ; возьмите хотя бы „Пѣсни о Нибелунгахъ" и др.

Итакъ, первое, что мы находимъ въ исторіи развитія человѣческаго общества, это - противоположеніе свободныхъ людей, людей, принадлежащихъ къ племени и роду завоевателей, и людей несвободныхъ, т.е. покореннаго туземнаго населенія, безъ подчиненія и обращенія въ рабство котораго не было бы возможности завоевателямъ считать завоеванную землю своею и распоряжаться покоренной страной такъ, какъ будто эта земля - ничья земля, res nullius. Англійскій историкъ Ф р и м е нъ , въ высшей степени озабоченный чистотой англо-саксонской крови, утверждаетъ, что, будто бы при своемъ занятіи Британіи саксы истребили

поголовно все туземное населеніе. Но преувеличенія этого представленія давно вызвали критику со стороны позднѣйшихъ историковъ, и они опровергли его, пользуясь памятниками англосаксонскаго обычнаго права, въ которомъ имѣются упоминанія о рабынѣ уэльской крови, т.е. рабынѣ кельтическаго происхожденія, которая несомнѣнно принадлежала къ прежнему туземному населенію Британіи; такъ какъ англо-саксы умерщвляли, главнымъ образомъ, мужчинъ, а женщинъ они оставляли, дабы имѣть возможность расплачиваться за убійства, раненія и другія преступленія.

Спрашивается, ограничивается ли этимъ на первыхъ порахъ возникновеніе сословій? Если Вы откроете курсъ профессора Г р а д о в с к а г о или изслѣдованія по исторіи русскаго права профессора С е р г ѣ е в и ч а, то встрѣтите и у того и у другого одну и ту же типическую фразу: древняя Русь не знала сословій. Много лѣтъ тому назадъ я посвятилъ одну изъ своихъ работъ развитію и обоснованію мысли, что древняя Русь не знала или знала сословія въ такой же степени, въ какой знали ихъ или не знали германцы и кельты. Если понимать подъ сословіемъ то, что мы понимаемъ теперь подъ этимъ терминомъ, то понятно, что сословій не знали ни древніе славяне, ни древніе германцы и не древнія кельтическія племена. Но если имѣть въ виду, что при оцѣнкѣ преступленій, нарушеній мира, раненій и т.д., устанавливаются различные размѣры взысканія, смотря по тому, идетъ ли рѣчь о простомъ человѣкѣ или объ огнищанинѣ, какъ говорится въ Р. Правдѣ, что вира была двойная въ этомъ послѣднемъ случаѣ, что члены княжеской дружины, старѣйшей или молодшей, были защищены отъ нарушенія мира, пораненія и т.д. въ большей степени, чѣмъ простолюдины, то Вамъ покажется яснымъ, что тѣ элементы, изъ которыхъ впослѣдствіи слагаются извѣстныя обособленныя группы среди населенія, имѣлись одинаково и въ древней Руси. Можно сказать, что они имѣлись одинаково, и въ древнемъ французскомъ королевствѣ, и въ древнемъ баварскомъ, и въ древнемъ англосаксонскомъ и многихъ другихъ.

Германскіе ученые и никто въ большей степени, какъ Конрадъ Мауреръ, ставили и давали отвѣтъ на вопросъ, каковъ былъ источникъ древняго дворянства и чѣмъ древнее дворянство отличалось отъ послѣдующаго. Сочиненіе Конрада Маурера такъ и носитъ названіе: „О древнемъ дворянствѣ Германскихъ племенъ".

Заключеніе, къ которому приходитъ этотъ видный знатокъ германской древности, всего болѣе сдѣлавшій и для изученія скандинавскаго права, сводится къ тому, что на первыхъ порахъ дворянство, или высшее сословіе это - потомки упраздненныхъ медіатизированныхъ княжескихъ домовъ. Древняя Англія, какъ извѣстно представляла собой рядъ самостоятельныхъ королевствъ, число которыхъ было несомнѣнно больше, чѣмъ число нынѣшнихъ графствъ Англіи. Въ настоящее время высказывается сомнѣніе, что эти графства потому не могутъ считаться исключительно административными единицами, въ родѣ французскихъ департаментовъ, что то, что теперь является графствомъ, нѣсколько сотъ лѣтъ тому назадъ было самостоятельнымъ королевствомъ. Изъ исторіи Англіи мы знаемъ, что всѣ эти самостоятельныя королевства превратились въ концѣ концовъ всего на всего въ семь королевствъ, которыя образовали изъ себя нѣкоторый союзъ, носившій названіе семицарствія, или гептархіи. Процессъ политической централизаціи продолжался и далѣе и достигъ момента, когда различныя королевства слились въ одно. Эдуардъ Исповѣдникъ явился уже правителемъ объединеннаго англійскаго королевства.

Что же сталось съ потомками медіатизированныхъ, лишившихся независимости князей? Ихъ постигла та же судьба, какая постигла и русскихъ князей, когда началось объединеніе Россіи сперва Владиміромъ, а потомъ Москвой. Вы знаете, что въ эпоху Іоанна Грознаго эти самостоятельные князья перешли на положеніе княжатъ, по терминологіи самого Іоанна Грознаго, и что Іоаннъ Грозный поставилъ своей задачей извести княжатъ, и дѣйствительно эту задачу исполнилъ весьма совершенно. Потомки прежнихъ самостоятельныхъ королевскихъ династій Англіи извѣстны въ послѣдній англосаксонскій періодъ подъ названіемъ старѣйшихъ людей, oldermen'овъ. Эти старѣйшіе люди - oldermen'ы, - сдѣлались родоначальниками англійской аристократіи и обыкновенно стояли во главѣ графства. (Терминъ oldermen примѣняется въ самыхъ различныхъ значеніяхъ. Члены городскихъ думъ, которые выбираютъ городского мэра, также называются oldermen'ами. Первоначально же названіе oldermen означало потомковъ медіатизированныхъ князей.)

Теперь спросимъ себя: а въ континентальныхъ странахъ, въ Германіи и Галліи, можно ли встрѣтить такіе аристократическіе роды и каковъ ихъ источникъ? На этотъ вопросъ Конрадъ Мауреръ отвѣчаетъ, что у баварцевъ существовалъ цѣлый рядъ самосто-

ятельныхъ княжествъ. Такихъ самостоятельныхъ княжествъ насчитывалось четыре, откуда и четыре аристократическихъ рода у баварцевъ. Такихъ родовъ, напримѣръ, у Саксонцевъ было всего два и т.д. Что касается до французскаго королевства, то здѣсь сначала признается только одинъ родъ Меровинговъ, потомковъ Меровея - полумифическаго существа -, который, якобы былъ родоначальникомъ этого рода. Этимъ полумифическимъ происхожденіемъ объясняется то, что правители французскаго племени брались изъ этого рода до тѣхъ поръ, пока правитель двора Меровинговъ майордомъ П и п и н ъ К о р о т к і й не воспользовался лѣнью меровингскихъ королей и не произвелъ маленькаго coup d'etat, благодаря которому родъ бывшаго дворецкаго Пипина Короткаго сдѣлался второй династіей французскаго королевства и далъ изъ себя великаго человѣка, Карла, возстановителя Римской Имперіи.

Присоединилось ли къ этому дворянству со временемъ дворянство новое? Да. Но это новое дворянство повсюду было служилымъ и бралось изъ рядовъ дружинниковъ. Въ этомъ явленіи мы найдемъ полную аналогію съ явленіями древней русской жизни. Вы знаете, что у русскихъ князей старѣйшая дружина и дружина молодшая и тѣ лица, которыя принадлежали къ княжеской дружинѣ, пользовались особымъ почетомъ и особымъ значеніемъ въ случаяхъ нарушенія мира, направленнаго противъ нихъ и сопровождающагося убійствомъ или раненіемъ. Обратитесь отъ русскаго примѣра къ французской или германской жизни. И повсюду, подъ именемъ comitatus по французскому или Geleit по германскому праву, Вы встрѣтитесь съ дружиной, извѣстной Вамъ изъ русской древности. Отдѣльные члены этой дружины носятъ латинское названіе comes. Эти comes или antrustiones, т.е. лица, пользующіяся особымъ довѣріемъ князя, признаются служилыми людьми, которыхъ вознаграждаютъ тѣмъ, что въ то время представляетъ наибольшую цѣнность - продуктами грабежа. А исчезнетъ возможность грабежа, нѣтъ войны, остались люди и нужно ихъ вознаградить чѣмъ либо за службу, — ихъ жалуютъ землей, разумѣется; не пустопорожней, а землей населенной. Что за расчетъ служилымъ людямъ принимать пустопорожнюю землю? Даютъ имъ землю населенную. Значитъ ли это, что люди, занимавшіе это земли, теряютъ всякое отношеніе къ землѣ и переходятъ въ состояніе несвободное? Нѣтъ не значитъ. Они остаются свободными людьми, но

тѣ платежи, которые они раньше несли въ княжескую казну, теперь несутъ въ казну человѣка, въ пользованіе котораго дадена земля, ими населенная. Отсюда источникъ того, что называется на Западѣ б е н е ф и ц і я м и , а на Востокѣ - п о м ѣ с т ь е м ъ .

Мы встрѣчаемся съ тѣмъ же самымъ явленіемъ comes и въ Англіи, гдѣ они извѣстны подъ названіемъ тановъ и гдѣ они вознаграждаются главной цѣнностью того времени - заселенной землей. Этихъ тановъ въ англійскомъ королевствѣ со временемъ оказывается такъ много, и они пріобрѣтаютъ столь важное значеніе, что верховный правитель Англіи считаетъ возможнымъ дѣлать то же, что дѣлаютъ и русскіе князья. Постоянно въ лѣтописяхъ говорится о томъ, что князья совѣтуются со своей дружиной *) и дружина пускается въ собесѣдованіе о томъ, напримѣръ, нужно ли выступить въ походъ или нѣтъ. Явленіе однохарактерное Вы встрѣтите и въ англійской исторіи. Этихъ тановъ англійскій король призываетъ въ свой Совѣтъ, онъ вѣжливо называетъ ихъ умными или, вѣрнѣе, „о с т р о у м н ы м и " людьми, людьми остраго ума, откуда возникаетъ названіе зародыша будущаго англійскаго парламента и въ частности его верхней палаты - „в и т э н а г е м о т ъ ", что буквальнс означаетъ собраніе остроумныхъ людей. Сословіе тановъ или русская дружина не становятся замкнутыми группами. Подобно тому, какъ русскій князь можетъ составлять свою дружину вообще изъ лицъ, которые почему либо кажутся ему полезными, не только изъ лицъ, несущихъ военную службу, но и изъ купцовъ, точно такъ же и въ англійскомъ королевствѣ дѣйствовало правило, по которому таномъ становится купецъ, торгующій съ заграницей и трижды переплывшій Ламаншъ.

---

*) Въ „Русской Правдѣ", напр., читаемъ, что Владиміръ Мономахъ „по Святополкѣ созва дружину свою на Берестовѣмь: Ратиборо киевоко тысячьского, Прокопью бѣлогородьскаго тысячьскаго, Станислава переяславльскаго тысячьскаго и т.д., и уставили до третьяго раза" или О Долобьюкомъ съѣздѣ сказано въ лѣтописи: „Богъ ... вложи въ сердце княземъ рускымъ Святополку и Володимиру, и сиастася думаши на Долобьскѣ: и сѣде Святополкъ съ своею дружиною, а Володимиръ съ своею въ единомъ шатрѣ. И почаша думати".

Вотъ два источника происхожденія высшихъ сословій. Но это не всѣ источники происхожденія высшихъ сословій, не всѣ источники и на Западѣ и въ Россіи. Есть еще одинъ источникъ происхожденія сословій, источникъ, распространенный на всемъ земномъ шарѣ и не составляющій исключительной особенности ни народовъ крови арійской, ни народовъ семитической крови, ни какихъ либо другихъ народовъ. Это - ни болѣе , ни менѣе, какъ богатство, накопленіе запасовъ тѣхъ или иныхъ благъ. Хотите Вы встрѣтиться съ этимъ элементомъ въ кельтическихъ обществахъ, обратитесь къ записямъ древняго ирландскаго права. Ирландскіе памятники, какъ я уже имѣлъ случай Вамъ указывать, представляютъ изъ себя сборники рѣшеній третейскихъ судей, , которые назывались брегонами. Многія изъ этихъ рѣшеній пріобрѣли настолько большое значеніе и важность, что и въ послѣдующія времена считали нужнымъ обращаться къ этимъ рѣшеніямъ. Многія изъ нихъ оказались уже столь неполными, что пришлось обратиться къ толкованію ихъ. Самыя толкованія съ теченіемъ времени дѣлаются недостаточными и возникаетъ необходимость прибѣгнуть къ толкованію толкованій. И если Вы обратитесь теперь къ этимъ сборникамъ древняго права, изданнымъ въ четырехъ большихъ томахъ и переведеннымъ на англійскій языкъ, то Вы увидите нѣчто невѣроятное. Вы увидите мертвыя формулы рѣшеній безъ всякаго упоминанія о жившихъ когда-то людяхъ, по дѣлу которыхъ было принято данное рѣшеніе, формулы, къ каждой изъ которыхъ присоединяется толкованіе, а къ этому послѣднему другія толкованія, свидѣтельствующія о томъ, что экономическія и всякаго рода другія условія настолько измѣнились, что прежнія формулы рѣшеній не въ состояніи были отвѣчать новымъ условіямъ. На основаніи этого матеріала произведено много работъ, такъ сказать, по отчисткѣ подлинныхъ рѣшеній отъ позднѣйшихъ наслоеній въ видѣ толкованій, и въ результатѣ этихъ работъ явилась возможность въ полной и чистой формѣ имѣть довольно значительную часть рѣшеній древнихъ брегоновъ. Любопытно отмѣтить, что часть записей древне - ирландскаго права по времени написанія предшествуетъ на нѣсколько лѣтъ „Русской Правдѣ".

Если воспользоваться этимъ матеріаломъ, то по вопросу насъ интересующему мы находимъ слѣдующее. Высшее, или благородное сословіе называлось э р ъ - д е з а (air - desa). Для того чтобы сдѣлаться такимъ air - desa, нужно родовитое происхож-

деніе, т.е. нужно принадлежать къ княжатамъ. Но кромѣ того, въ сборникахъ древне ирландскаго права говорится, что человѣкъ, накопившій извѣстный достатокъ, человѣкъ у котораго имѣется въ стадѣ значительное число коровъ, такъ называемый „коровій дворянинъ", или б о - э р ъ, уже въ третьемъ поколѣніи становится родоначальникомъ новаго э р ъ - д е в а. Чѣмъ же пріобрѣтается значеніе этого большого дворянина? Основаніе этого значенія лежитъ въ томъ, что зажиточный человѣкъ, имѣя значительное количество головъ рогатаго скота, отдаетъ не нужный ему самому скотъ въ пользованіе людей, имѣющихъ землю, но неимѣющихъ рабочаго скота и капитала, необходимыхъ для для утилизаціи земли. Эти люди образуютъ особую кооперацію зависимыхъ уже людей, людей лично свободныхъ, но имущественно зависимыхъ, извѣстныхъ подъ названіемъ ф у н д и р о в ъ; они обязуются по отношенію къ богатому человѣку нести извѣстную службу и отбывать извѣстныя повинности, нестолько установляющія ему матеріальныя выгоды, сколько почетъ и уваженіе, они участвуютъ въ его свитѣ въ торжественныхъ случаяхъ, а кромѣ того они платятъ ему извѣстную ренту. Личную свободу фундиры сохраняютъ, но попадаютъ по отношенію къ человѣку, снабжающему ихъ скотомъ, въ имущественно зависимое положеніе.

Хотите Вы найти подобіе этому въ древне -русскомъ быту, вспомните о тѣхъ отношеніяхъ, которыя возникали между „житьими людьми" и тѣми, кто не пользовался жизненнымъ достаткомъ. Вспомните о „серебряникахъ". Серебро въ древности, какъ извѣстно, обозначало капиталъ всякаго рода, слѣдовательно и рабочій скотъ. „Серебряникъ" это человѣкъ, которому для утилизаціи почвы не хватало капитала и который получалъ его отъ извѣстнаго лица. Благодаря чему попадалъ по отношенію къ послѣднему въ отношеніе экономической зависимости, которая, какъ показываетъ проф. Ключевскій, впослѣдствіи явилась источникомъ и личной зависимости или крѣпостного права. Задолженность „серебряниковъ", подобно задолженности арендаторовъ Римской Имперіи, перешедшихъ въ колонатъ, т.е. ставшихъ крѣпкими къ землѣ людьми, становится и въ Россіи однимъ изъ факторовъ, обусловившихъ развитіе крѣпостного права. Обратите вниманіе на то обстоятельство, что при толкованіи термина „бояринъ" извѣстный изслѣдователь русской государственной древности проф. Сергѣевичъ затрудняется дать ему другое опредѣле-

ніе, какъ то, что бояринъ - это человѣкъ зажиточный. Итакъ, являет-
ся источникомъ бояретва та самая зажиточность, которая явилась ис-
точникомъ возникновенія извѣстной категоріи дворянъ въ кельтическихъ обществахъ.

Обратите вниманіе на только что указанный фактъ, что въ англо-саксонскомъ обществѣ зажиточный купецъ, торгующій за границей и трижды переѣхавшій Ламаншъ, благодаря зажиточности, попадаетъ въ категорію лицъ высшаго сословія, становится тановъ, и Вы увидите, такимъ образомъ, что рядомъ со службой военной, или служилымъ источникомъ происхожденія дворянства, рядомъ съ происхожденіемъ высшаго сословія изъ медіативированныхъ князей, или княжатъ, нужно указать на третій источникъ происхожденія дворянства - на зажиточность, на накопленіе запасовъ. И послѣ этого Васъ не удивитъ, если, читая „Боярскую Думу" проф. Ключевскаго, Вы придете къ заключенію, что не нужно даже было быть свободнымъ человѣкомъ, чтобы попасть со временемъ въ ряды дворянства, и что этому въ гораздо большей степени содѣйствовалъ достатокъ.

Въ 29 -омъ году англійская палата лордовъ назначила для выясненія вопроса объ источникахъ англійскаго дворянства особую комиссію, въ распоряженіи которой находились обширные матеріалы, и къ работамъ въ которой были призваны лучшіе археологи Англіи. Вопреки ходячему представленію о томъ, что англійское дворянство есть самое старинное, работами этой комиссіи было установлено, что въ англійскомъ дворянствѣ старинныхъ родовъ совершенно не оказывается. Это не покажется Вамъ страннымъ, если Вы вспомните, что послѣ войны Алой и Бѣлой Розы въ Англіи осталось всего только 29 древнихъ дворянскихъ родовъ. Всѣ повднѣйшіе дворянскіе роды вышли изъ простого сословія. Когда же комиссія палаты лордовъ стала разбираться въ этихъ 29 родахъ, то она нашла, что наиболѣе старинный изъ нихъ происходитъ отъ человѣка, который стоялъ во главѣ кухни Вильгельма Завоевателя. И въ этомъ опять таки нѣтъ ничего поразительнаго: всякаго рода придворныя службы являлись однимъ изъ источниковъ происхожденія дворянства. Вспомните, что дворецкій лѣнивыхъ королей изъ дома Меровинговъ явился родоначальникомъ новой династіи во Франціи. Конюшій, человѣкъ завѣдовавшій пог-

ребомъ, и др. - всѣ эти лица, помимо выполненія своихъ непосредственныхъ обязанностей, призывались въ совѣты ихъ правителей и принимали участіе въ рѣшеніи тѣхъ или иныхъ дѣлъ. Comes stabuli - человѣкъ, завѣдовавшей конюшней, неоднократно призывался въ верхнюю палату Англіи. Поэтому нѣтъ ничего удивительнаго, если и у насъ всякаго рода виночерпіи, конюшіе, дворецкіе и др. вошли въ составъ высшаго аристократическаго сословія. Хотите найти этому подтвержденіе, - прочтите „Боярскую Думу" проф. Ключевскаго. Въ составъ русскаго дворянства вошли въ большомъ числѣ потомки старинныхъ княжескихъ домовъ. Многіе изъ Рюриковичей, въ ихъ числѣ Крапоткины и Горчаковы, уцѣлѣли и по настоящее время, но они принадлежатъ по общему правилу къ захудалымъ дворянскимъ родамъ, тогда какъ наиболѣе зажиточное дворянство къ Рюриковичамъ не восходитъ. Совершенно то же самое Вы имѣете и въ Англіи, гдѣ наиболѣе зажиточные дворянскіе роды не восходятъ даже къ среднимъ вѣкамъ, а только къ эпохѣ самовластья Тюдоровъ, когда изъ прежнихъ съемщиковъ монастырской земли, теперь сдѣлавшихся ихъ собственниками, вербовались члены палаты пэровъ, и бывшіе съемщики земли становились герцогами.

Теперь спрашивается: если въ древнихъ обществахъ мы видимъ противоположеніе двухъ категорій - рабства на низахъ и высшаго аристократическаго слоя, состоявшаго изъ разнообразныхъ подгруппъ, на верхахъ, то предтоставляетъ ли все прочее населеніе одну сплошную массу? На этотъ вопросъ приходится отвѣтить утвердительно, по крайней мѣрѣ, въ отношеніи Россіи и Англіи, гдѣ все остальное населеніе представляетъ одну сплошную и недифференцированную массу. Для Англіи подтвержденіе этому можно найти въ древнихъ записяхъ обычнаго права, по которымъ все населеніе Англіи дѣлится на два класса: простолюдиновъ - коммонеровъ („Kearls") и членовъ высшихъ сословій („earls") И это раздѣленіе встрѣчается въ Англіи почти до настоящаго времени. Причемъ въ теченіе всей англійской исторіи мы встрѣчаемся съ такой любопытной чертой: только служба въ Королевскомъ Совѣтѣ выдѣляетъ служилыхъ людей въ особую категорію пэровъ королевства. Однако, пэромъ является только старѣйшій въ родѣ, тогда какъ остальные члены рода - такіе же простолюдины - коммонеры, какъ и всѣ другіе англичане. Обратимся теперь къ Россіи. И здѣсь, за исключеніемъ членовъ княжеской дружины, мы встрѣтимся только съ безразличной массой свободныхъ людей. Въ настоящее

время не подлежитъ никакому сомнѣнію, что тотъ классъ людей, который извѣстенъ нашимъ древнимъ памятникамъ подъ названіемъ смердовъ, - былъ классомъ людей свободныхъ. Смердъ не поставленъ ни въ какую крѣпостную зависимость, онъ пользуется личной свободой и обрабатываетъ участокъ земли, находящійся въ его владѣніи. Если Вы перейдете къ германцамъ, то опять таки встрѣтите ту же особенность. За исключеніемъ небольшого числа аристократическихъ родовъ и весьма значительнаго числа рабовъ все остальное населеніе состоитъ изъ людей свободныхъ, Freien, liberi homines. Нужно, чтобы бенефиціальная система превратилась въ феодальную, для того, чтобы выработалось различіе между людьми свободными и несвободными. Въ эпоху развитого феодализма Вы встрѣтитесь съ разными названіями, которыя всѣ будутъ указывать людей различной степени зависимости, зависимости прежде всего экономической. На первыхъ порахъ Вы имѣете дѣло только со свободными людьми.

При изложеніи всѣхъ этихъ данныхъ я не останавливалъ еще Вашего вниманія на романскихъ странахъ. Возьмемъ, напримѣръ, Испанію. Въ ней особенно наглядно выступаютъ источники высшихъ сословій, о которыхъ я говорилъ. Въ древнихъ испанскихъ памятникахъ, гдѣ разсказывается отомъ, какая судьба постигаетъ отобранную, вторично завоеванную у мавровъ землю, уже выступаютъ различные слои испанскаго общества. Эти различные слои въ различной степени участвовали въ отвоеваніи этой земли, и потому она должна была поступать въ большихъ или меньшихъ размѣрахъ во владѣніе отдѣльныхъ классовъ испанскаго общества. Въ грамотахъ, въ которыхъ говорится о поселеніи на земляхъ никому не принадлежащихъ, превратившихся послѣ изгнанія мавровъ въ res nullius, упоминаются слѣдующіе классы: на первомъ мѣстѣ стоитъ классъ людей богатыхъ - „ricos hombres“-, терминомъ этимъ обозначается высшее сословіе испанскаго общества; нѣсколько ниже „ricos hombres“-ставятся кабаллеро („caballero“), это - люди, проводящіе свою жизнь на лошадяхъ, выступающіе на войну въ качествѣ конницы; все остальное населеніе выступаетъ въ качествѣ пѣхотинцевъ и является просто свободными людьми.

Такъ какъ богатые люди должны были принимать на себя большія тягости въ дѣлѣ отвоеванія земли у мавровъ, то имъ до-

стается львиная часть земли. Меньшая достается на долю всадниковъ, которые также должны затратить довольно изрядную сумму для сбора въ походъ. Что касается остального населенія, то оно допускается къ пользованію землей на началахъ нераздѣльности. Здѣсь мы видимъ, такимъ образомъ, повтореніе всего того, что мы нашли у народовъ другой части Европы. Большой достатокъ, участіе въ княжеской дружинѣ - вотъ основанія для выдѣленія изъ массы свободныхъ людей высшихъ классовъ. Все же, что ниже свободныхъ, все это - рабы, число которыхъ громадно. Численное отношеніе свободныхъ и рабовъ и порядокъ ихъ отношенія другъ къ другу напоминаютъ собой послѣднія времена Римской Имперіи. При этомъ не безинтересно будетъ отмѣтить, что, если мы обратимся къ изученію этнографическаго состава класса рабовъ, весьма многочисленнаго въ Испаніи и особенно въ морскихъ республикахъ, въ родѣ Генуи или Венеціи, то мы опять-таки найдемъ въ нихъ покоренныхъ или уведенныхъ въ плѣнъ чужеземцевъ, въ томъ числѣ лицъ славянской и даже р у с с к о й крови.

Такимъ образомъ, кромѣ категорій богатыхъ и значительныхъ людей на верхахъ и рабовъ на низахъ все остальное общество является обществомъ равно-свободныхъ.

Продолжая дальше очеркъ развитія сословій, мнѣ подлежитъ теперь показать Вамъ, какъ дальнѣйшій процессъ феодализаціи установилъ различныя категоріи свободныхъ и несвободныхъ, какъ рядомъ съ высшимъ дворянствомъ появилось новое дворянство, какъ отношенія между ними опредѣлялись прежде всего отношеніями къ землѣ: одни являлись собственниками земли, а другіе только владѣльцами, или ленниками, какъ затѣмъ подвассалы составили первый классъ людей полусвободныхъ, и какъ постепенно изгладилось представленіе о рѣзкомъ переходѣ отъ свободныхъ къ несвободнымъ: явились полусвободные люди и явились совершенно несвободные люди - крѣпкіе землѣ и рабы.*)

---

*) Основательное знакомство съ исторіей возникновенія и развитія сословій можно пріобрѣсти по слѣдующимъ сочиненіямъ русскихъ ученыхъ:
П.В И Н О Г Р А Д О В Ъ . Происхожденіе крѣпостного права въ Англіи.
Н.И.К А Р Ѣ Е В Ъ . Очеркъ исторіи французскихъ крестьянъ до 178[illegible] и по работамъ проф. Л У Ч И Ц К А Г О , касающимся этого вопроса.

Почему почти повсюду, столько въ Германіи, сколько во Франціи и въ Англіи мы встрѣчаемъ высшее и низшее дворянство? Вы видѣли изъ сказаннаго выше, каковы вообще источники дворянства. Объяснить возникновеніе нѣсколькихъ наслоеній въ средѣ дворянства нельзя безъ справки и знакомства съ феодальными порядками. Необходимо принять во вниманіе особенности феодальнаго землевладѣнія и связь съ этимъ землевладѣніемъ іерархіи сословій. Тѣ, кто держитъ землю непосредственно отъ короля, какъ верховнаго сюзерена, кто является его прямымъ вассаломъ, составляетъ высшее дворянство. А тѣ свободные люди, которые держали землю отъ прямыхъ вассаловъ короля, обязанные взамѣнъ этого надѣленія землей отбывать рыцарскую службу разнаго рода, образуютъ второстепенное дворянство. Вы видите, такимъ образомъ, что источникъ происхожденія различій въ средѣ высшаго сословія, во-первыхъ,- не первоначальный источникъ :- онъ производенъ, и во-вторыхъ, связанъ непосредственно съ самой феодальной системой.

Если Вы откроете одинъ изъ тѣхъ документовъ, которые бросаютъ свѣтъ на внутренній распорядокъ жизни феодальнаго общества, то въ нихъ найдете слѣдующую картину взаимныхъ отношеній между различными общественными группами въ предѣлахъ, скажемъ, англійскаго помѣстья. Владѣетъ землей всего помѣстья въ непосредственной зависимости отъ короля человѣкъ, который въ англосаксонскій періодъ назывался „hlaford" - терминъ въ значительной степени отвѣчающій терминуу кормилецъ; „hlaford" это - человѣкъ, который въ голодные годы доставляетъ хлѣбъ для пропитанія всего помѣстного населенія. Отъ термина „hlaford" происходитъ со временемъ терминъ „lord", т.е. терминъ, обозначающій не только владѣльца помѣстья, но и господина надъ всѣми тѣми, кто живетъ въ помѣстьѣ. А живутъ въ немъ люди разнаго характера: люди свободные и люди крѣпкіе землѣ. Люди свободные живутъ подъ латинскимъ названіемъ „liberi homines", что буквально означаетъ„свободные люди". Такъ какъ они несутъ еще обязанности всадниковъ, т.е. каждый разъ, когда лордъ выходитъ въ поле для сраженія, исполняя свои обязанности сюзерену, его сопровождаетъ цѣлый рядъ воиновъ - всадниковъ, набранныхъ изъ свободныхъ людей, то эта категорія „liberi homines" носитъ названіе „milites". А такъ какъ они несутъ ту

Общее ученіе о государствѣ. Проф. М.М. КОВАЛЕВСКАГО.
Изд. Студ. Кассы Взаимопом. СПБ.Политехн. Институтъ.
Литографія Трофимова. СПБ. Можайская 3. Л. 11.

службу, которая причитается съ рыцаря, а рыцарь, всегда выступающій въ походъ верхомъ, долженъ быть одѣтъ опредѣленнымъ приличнымъ образомъ, долженъ имѣть коня, приличную сбрую и т.д., такъ какъ англійскій всадникъ удовлетворяетъ всѣмъ этимъ требованіямъ, то онъ не только свободный человѣкъ, не только всадникъ, но и „Knight" - рыцарь (слово Knight остается въ употребленіи и по настоящее время.).

О службѣ этихъ рыцарей заходитъ рѣчь даже въ эпоху реставраціи Стюартовъ. Хотя постепенно вышло изъ употребленія право короля требовать за посвященіе въ рыцари извѣстное вознагражденіе, однако, когда короли изъ династіи Стюартовъ остались безъ денегъ, а парламентъ денегъ не давалъ, то они вспомнили, что у нихъ есть еще статья дохода, въ которую парламентъ вмѣшаться не можетъ, и обнаружили сильное желаніе произвести дѣтей многихъ англійскихъ подданныхъ въ рыцари. Парламентъ началъ энергичную борьбу противъ осуществленія этого королевскаго намѣренія. Такъ какъ эта борьба протекала при общемъ недовольствѣ, то Карлъ II, человѣкъ въ высшей степени благоразумный, желавшій, главнымъ образомъ, пополненія казны, предложилъ парламенту такого рода сдѣлку. Упразднимъ всѣ эти устарѣвшія требованія рыцарской службы, платежей въ видѣ освобожденія отъ этихъ службъ и т.п., но подъ условіемъ, чтобы вы обезпечили мнѣ кругленькую сумму денегъ, которую можете получать изъ какого угодно источника. Парламентъ, состоявшій въ громадномъ большинствѣ изъ землевладѣльцевъ, нашелъ, что добрый англійскій народъ заплатитъ эту сумму и потому ввелъ новое косвенное обложеніе, именно обложилъ акцизомъ товары, ввозившіеся въ Англію голландскими купцами.

Этотъ налогъ далъ возможность дворянамъ и землевладѣльцамъ освободиться отъ невыгодныхъ послѣдствій, какія представляло сохраненіе остатковъ феодальной системы и основанныхъ на ней денежныхъ притязаній короля.

Значитъ только въ 1660 году былъ положенъ конецъ рыцарской службѣ возведенію въ рыцари, полученію королемъ соотвѣтствующихъ доходовъ и т.д., но титулъ „Knight" все-таки остается въ употребленіи. Такъ какъ всѣ существенныя различія между просто свободными людьми и рыцарями исчезли и такъ какъ англичане народъ, чрезвычайно дорожащій титулами, то всѣхъ свободныхъ стали называть рыцарями, нѣтами, а въ просторѣчьи терминъ „Knight"

замѣнился терминомъ „esquire“ (сквайръ). Всѣ тѣ категоріи людей, которые происходятъ и отъ прежнихъ рыцарей и отъ прежнихъ свободныхъ людей подъ однимъ условіемъ: имѣть достатокъ, позволяющій жить доходомъ отъ имѣнія, образовали то, что жители континента называютъ второстепеннымъ дворянствомъ и что англичане обнимаютъ болѣе широкимъ терминомъ милыхъ (gentle), пріятныхъ людей, джентльменовъ (gentlemen)или собирательнымъ именемъ джентри (gentry). Англичане и до сихъ поръ стараются проводить различія между просто человѣкомъ man'омъ и gentleman'омъ. Это постоянно сказывается въ разговорахъ и перепискѣ. Если въ Россіи не такъ давно называли Вашимъ Благородіемъ всякаго, кто носилъ носилъ нѣмецкое платье, то въ Англіи въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ пускаются въ разсужденіе на тему, откуда тотъ или иной человѣкъ получаетъ свой доходъ. Если онъ добываетъ его личнымъ трудомъ, то онъ просто man, а если онъ получаетъ этотъ доходъ въ видѣ процента на капиталъ или ренты, онъ джентльменъ. Всѣ эти различія носятъ на себѣ печать историческаго происхожденія.

Въ Германіи Вы встрѣтите то же самое. Въ Германіи классъ свободныхъ людей, которые не принадлежали къ числу прямыхъ вассаловъ короля, образовалъ то сословіе, которое нѣмцамъ XVIII и половины XIX вѣка извѣстно подъ названіемъ „Ritterschaft“ - рыцарства. (Ritter - это рыцарь.).

Въ германской литературѣ не трудно найти сочиненія на тему „Adelschaft und Ritterschaft“, въ которыхъ ставится и рѣшается вопросъ о происхожденіи высшаго и низшаго дворянства. Это - то же самое различіе, которое держалось въ Россіи между боярствомъ и дворянствомъ. Иностранцы, не знавшіе этого подраздѣленія русскаго дворянства на высшее - бояръ и низшее - просто дворянъ - называли бояриномъ всякаго русскаго, посѣтившаго ихъ государство. Это различіе въ настоящее время совершенно исчезло.

Если Вы обратитесь къ Франціи, то Вы опять таки встрѣтите прежде всего титулованное дворянство, большею частью состоявшее изъ прямыхъ вассаловъ короля и изъ медіатизированныхъ княжатъ, бывшихъ владѣтелей Прованса, отдѣльныхъ частей Лангедока, изъ бывшихъ герцоговъ Бретани и др. По мѣрѣ того, какъ всѣ эти когда то самостоятельныя королевства объединились

въ одно государство, оставались только соотвѣствующіе аристократическіе роды. Помимо этихъ категорій лицъ прямые вассалы короля продолжали считаться членами высшаго дворянства. Второстепенное, низшее дворянство составляли свободные люди, владѣвшіе землей, полученной отъ королевскихъ вассаловъ и не бывшіе слѣдовательно, прямыми вассалами короля. Различіе между высшимъ и низшимъ дворянствомъ выпукло выступаетъ еще въ Учредительномъ Собраніи 1789 года. На знаменитомъ засѣданіи въ ночь съ 4-го на 5-ое Августа, когда высшее дворянство почеркомъ пера согласилось на упраздненіе феодализма и крѣпостничества, кто возсталъ противъ этихъ мѣропріятій? Запротестовали, главнымъ образомъ, мелкіе дворяне изъ сѣверныхъ провинцій, такъ какъ интересы мелкаго дворянства особенно сильно страдали отъ уничтоженія феодализма и крѣпостничества, позволявшихъ имъ обогащаться произвольными поборами съ крестьянъ и заставлять крестьянъ нести разнаго рода службы. Вы видите, какъ долго сказываются различія между высшимъ и низшимъ дворянствомъ.

Вотъ Вамъ источникъ происхожденія второстепенныхъ слоевъ населенія, промежуточныхъ общественныхъ группъ.

Теперь спросимъ себя, какъ возникло крѣпостное право? Въ составъ крѣпостныхъ вошли, съ одной стороны, рабы, а съ другой стороны, задолжавшіе или совершенно обнищавшіе свободные люди, которымъ было не до свободы и благородства, а только бы получить средства къ жизни. При чемъ многіе изъ нихъ актомъ комендаціи д о б р о в о л ь н о передавали себя въ зависимость людямъ болѣе зажиточнымъ. Въ очень откровенныхъ документахъ такъ и говорится: "такъ какъ я не имѣю во что сдѣться и обуться, то я обращаюсь къ твоему великодушію и, надѣясь получить отъ тебя необходимыя для этого средства, обѣщаю быть твоимъ человѣкомъ!" То лицо, которое писало такой актъ, называлось коммендаторомъ, а тотъ, кто принималъ его подъ свое покровительство, отвѣчалъ понятію патрона или защитника.

Одно изъ интереснѣйшихъ сочиненій Ф Ю С Т Е Л Ь - Д Е - К У Л А Н Ж А посвящено имъ судьбамъ римскаго колоната.

Вы знаете, что римскіе колоны были людьми свободными и въ то же время крѣпкими землѣ. Ф ю с т е л ь - д е -

К у л а н ж ъ съ нѣкоторой убѣдительностью показалъ, что колоны, благодаря ихъ задолженности, постепенно перешли изъ свободныхъ съемщиковъ земли на положеніе крѣпостныхъ, людей крѣпкихъ землѣ, при этомъ людей крѣпкихъ землѣ не только по требованію государственной казны, или фиска, но и по требованію того помѣщика, которому они задолжали.

Профессоръ К Л Ю Ч Е В С К І Й, годъ спустя послѣ появленія въ Россіи указаннаго сочиненія Ф ю с т е л ь - - д е - К у л а н ж а сталъ печатать интересныя статьи о происхожденіи крѣпостныхъ людей въ Россіи. Касаясь нашихъ с е р е б р я н и к о в ъ , профессоръ Ключевскій доказываетъ, что эта группа лицъ, состоявшая первоначально изъ свободныхъ людей, снимавшихъ землк и являвшихся долгое время простыми арендаторами, постепенно, въ виду своей задолженности по отношенію къ липамъ, снабжавшимъ ихъ серебромъ, т.е. вообще капиталомъ: рабочимъ скотомъ, деньгами и т. д. , переходитъ въ положеніе довольно близкое къ положенію римскихъ холоповъ и входитъ какъ составной элементъ въ образующійся классъ крѣпостныхъ.

Явленіе однохарактерное мы встрѣчаемъ и на всемъ Западѣ. Характерную деталь представляетъ переходъ въ крѣпостное состояніе цѣлой категоріи людей, жившихъ на монастырскихъ земляхъ въ Западной Германіи и платившихъ за свою землю, или скорѣе за то, что монастырь позволялъ имъ пользоваться его пустотами, воскомъ и извѣстныхъ долгое время подъ названіемъ „Wachszinsigen“, т.е. людей, платившихъ ренту восковыми свѣчами, возжигаемыми гдѣ передъ иконок Богородицы, гдѣ передъ иконою Николая Чудотворца, или какого-нибудь другого святого.

Первоначально эти „Wachszinsigen“ были свободными людьми. Но уже нѣкоторыя семьи Wachszinsigen“ попадаютъ въ крѣпостное состояніе, тогда какъ наиболѣе зажиточные изъ нихъ становятся дворянами. К л к ч е в с к і й убѣдительно показываетъ, что нѣкоторые русскіе дворяне были на первыхъ порахъ, напр. конюшими, этими послѣдними сплошь и рядомъ были люди несвободные. Такимъ образомъ, въ Россіи, съ одной стороны, въ составъ дворянства проникалъ элементъ холопства, а съ другой, многіе свободные люди попали въ крѣпостную зависимость. И этотъ переходъ свободныхъ людей въ крѣпостное сос-

тоянiе не трудно понять. Полное отсутствiе безопасности, чрезмѣрные поборы и притѣсненiя со стороны чиновниковъ, боязнь рекрутчины и т. д. и т. д., заставляли цѣлыми деревнями переходить подъ покровительство сосѣдняго монастыря, сосѣдней церковной обители, сосѣдняго свѣтскаго сеньора - помѣщика, отказываться отъ своей свободы, соглашаться уступать имъ въ собственность свои участки земли. Взамѣнъ этого имъ давались въ пользованiе земельные надѣлы опредѣленной величины, обѣщалась помощь и покровительство. Эти попавшiе въ зависимость люди должны были отбывать разнаго рода барщину, платили различные платежи и исполняли уничижительныя службы въ родѣ, напримѣръ, такой: въ видахъ охраненiя мирнаго и безмятежнаго сна ихъ господъ, крестьянъ заставляли бить палками ночью по водѣ прудовъ и рѣкъ, дабы такимъ путемъ помѣшать кваканью лягушекъ.

Вотъ какимъ образомъ многiе изъ свободныхъ людей попадали въ крѣпостное состоянiе. И когда въ XVI столѣтiи вспыхнула Жакерiя во Францiи, т.е. первое сознательное возстанiе крестьянъ, то въ рядахъ возставшихъ было не мало потомковъ свободныхъ людей. Движенiе это началось, впрочемъ, въ менѣе угнетенной странѣ, чѣмъ Францiя: во Фландрiи и нашло своего руководителя въ лицѣ ЗАННЕКИНА. Къ этому возстанiю крѣпостныхъ людей примкнули и демократическiе слои бельгiйскихъ городовъ.

Союзъ деревни и города имѣлъ своимъ послѣдствiемъ то, что одно время это объединенное движенiе было настолько сильно, что мѣстные князья не сумѣли съ нимъ справиться, пришлось обратиться за помощью къ французскому королю, и только французскимъ дружинамъ удалось побѣдить и разогнать соединенное ополченiе крестьянъ и городовъ. Движенiе, извѣстное подъ названiемъ Жакерiи, вспыхнуло на небольшомъ разстоянiи отъ этого движенiя во Фландрiи, а нѣсколькими десятилѣтiями позже началось подобное же крестьянское возстанiе въ Англiи, сперва разрозненное, а затѣмъ и объединенное подъ руководительствомъ Уота Тэйлора. (1381 г.)

Однако, всѣ эти крестьянскiя движенiя не сопровождались упраздненiемъ крѣпостного права ни во Фландрiи, ни во Францiи ни въ Англiи. Потребовалось наступленiе новыхъ эко-

номическихъ условій, неблагопріятныхъ сохраненію средневѣковаго крѣпостничества и хлѣопашества, построеннаго на системѣ трехполья, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и двуполья. Потребовалось наступленіе новыхъ экономическихъ условій, вызвавшихъ замѣну англійскаго земледѣлія скотоводствомъ, для того чтобы сами помѣщики стали заинтересованы въ упраздненіи крѣпостной зависимости. Подъ вліяніемъ этихъ новыхъ условій повсюду начинаютъ дѣйствовать слѣдующее общее правило. Землевладѣлецъ отпускаетъ своего крѣпостного на всѣ четыре стороны, оставляя за собой его земельный участокъ, и если ушедшій пробудетъ въ отсутствіи годъ, онъ не можетъ быть потребованъ обратно къ своему прежнему господину. Только при этихъ новыхъ условіяхъ могла сложиться такая пословица: воздухъ, которымъ дышетъ горожанинъ, обращаетъ крѣпостного человѣка въ свободнаго, воздухъ то, которымъ дышетъ сельскій обыватель, дѣлаетъ свободнаго человѣка зависимымъ. Это форма отпуска на волю, когда крестьянинъ самъ отказывался отъ своего надѣла и покидалъ владѣнія господина, обозначалась терминомъ „desaven".

Въ Германіи этотъ процессъ развитія крѣпостного права и возникновенія крѣпостного состоянія замедленъ былъ на цѣлое столѣтіе. Въ то время, какъ въ Англіи ставится вопросъ объ исчезновеніи крѣпостного права и никто другой какъ Фортескью въ своемъ трактатѣ, „Похвалы англійскимъ законамъ" (Laudibus legum Angliae) хвалилъ законы Англіи за то, что они не знаютъ несвободы, въ это самое время складывалось крѣпостное право въ Германіи, и Лютеръ, современникъ сложившагося крѣпостного права энергично осуждаетъ крестьянъ за то, что они позволили себѣ возстать противъ дворянъ.

Какъ бы то ни было, но повсюду наступаетъ моментъ, когда изъ извѣстной части свободныхъ людей и остатковъ рабства образуется крѣпостное состояніе и крѣпостное право.

Мнѣ остается теперь разсмотрѣть вопросъ о возникновеніи еще одного класса, класса горожанъ, который позже всѣхъ другихъ выдѣляется изъ общей массы свободныхъ людей. Вы знаете, что въ исторіи русскихъ сословій это позднее выдѣленіе горожанъ выступаетъ очень рельефно. Прочтите сочиненія КИЗЕВЕТТЕРА или ДИТЯТИНА., посвященныя вопросу о

развитіи городовъ, и вы вынесете то впечатлѣніе, что свободные люди входящіе въ составъ городского населенія выдѣляются очень поздно изъ общей массы смердовъ, занимающихъ всю землю за исключеніемъ огороженныхъ мѣстъ или городищъ, изъ которыхъ современемъ и по мѣрѣ того, какъ это городище изъ крѣпостцы становится и рынкомъ, развивается городъ. И въ Англіи Вы встрѣтите тоже самое. Владѣльцы городской земли, городскіе держатели еще въ XУ вѣкѣ относятся къ одной категоріи со свободными владѣльцами съ liberi homines, живущими на помѣстной землѣ и держащими землю на зависимыхъ началахъ отъ помѣщика. Какія же причины ведутъ къ выдѣленію города отъ села и затѣмъ городского или посадскаго люда будущаго средняго сословія, буржуазіи отъ прочаго свободнаго населенія? Вы всюду встрѣтите въ Россіи столько же сколько и въ Германіи, и во Франціи, и въ Англіи, - что городъ отличается отъ деревни сперва только тѣмъ, что онъ имѣетъ ограду, что онъ является городищемъ и что городомъ признается только то, что лежитъ въ предѣлахъ этой ограды. Въ Москвѣ долгое время городомъ является только Кремль и Китай-городъ, такъ какъ и Кремль и Китай городъ были огорожены стѣнами; все же что находится за этими стѣнами, городомъ не считается.

Совершенно то же имѣетъ мѣсто и въ Англіи, гдѣ городомъ на протяженіи большого періода времени считалась Сити, огороженная часть Лондона. На первыхъ порахъ Лондонъ представляетъ собою собраніе деревень, разбросанныхъ на очень большомъ пространствѣ и принадлежавшихъ отдѣльнымъ лордамъ, а иногда и самому королю. Но окруженнымъ стѣною слѣдовательно городомъ является только то мѣсто, которое носитъ названіе Сити. Поэтому, когда идетъ рѣчь о горожанахъ и городскомъ управленіи то дѣло касается только тѣхъ, кто живетъ въ предѣлахъ Сити, въ предѣлахъ чрезвычайно ограниченнаго пространства; и только жители этой части теперешняго Лондона, какъ горожане имѣютъ цѣлый рядъ привилегій. А затѣмъ въ Лондонѣ, какъ и въ другихъ мѣстахъ въ извѣстное время около церковной ограды того храма, посвященнаго апостолу Павлу, (храма) который является лондонскимъ соборомъ, появляются временныя лавки купцовъ, съѣхавшихся изъ разныхъ частей страны на ярмарку. Итакъ постепенно Лондонъ становится рынкомъ и ярмаркой. Понят-

ное дѣло, что разъ Лондонъ -рынокъ и ярмарка, то въ немъ живетъ не мало зажиточныхъ людей, -англійскихъ купцовъ переѣзжающихъ Ламаншъ, и иностранныхъ купцовъ, пріѣзжающихъ изъ другихъ странъ для того, чтобы скупать англійскіе товары и вести ихъ на иностранные рынки.

Лондонъ становится сосредоточіемъ богатыхъ людей. Такими же сосредоточіями богатыхъ людей современемъ становятся и другіе города Англіи. Тогда правительство, которому не легко собирать налоги съ горожанъ, обращается къ этимъ богатымъ людямъ съ такимъ заявленіемъ. „Дошло до моего свѣдѣнія, что вы образовали изъ себя сообщество въ которое вошли купцы и богатые ремесленники, не для однихъ похоронъ и погребенія умершихъ членовъ не для одного только поддерживанія постоянно зажженной лампады передъ иконою того святого, котораго вы избрали своимъ патрономъ, но и для всякаго рода взаимныхъ услугъ (напримѣръ для организаціи дешеваго кредита). Обращаюсь къ Вамъ, какъ къ богатымъ людямъ (сообщества которыхъ были извѣстны подъ названіемъ „гильдій торговыхъ людей") съ такимъ предложеніемъ: возьмите вы на себя заботы по управленію городомъ, но такъ чтобы ко мнѣ своевременно поступала опредѣленная сумма налоговъ. Вы можете избирать изъ своей среды oldermen'овъ - старшинъ, но не угодно ли вамъ доставлять мнѣ за это извѣстный выкупъ." Вотъ какимъ образомъ богатые люди города получаютъ и сосредоточиваютъ въ своихъ рукахъ извѣстнаго рода права по управленію городомъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и возможность выдѣлиться изъ остальной массы свободныхъ людей. Члены упомянутыхъ гильдій, называвшихся по особому покрою платья, усвоеннаго ихъ членами, „ливрейными компаніями"- -livery companies,- были единственными людьми, которые управляли городами. Только ливрейные люди имѣютъ право выбирать городскихъ старѣйшинъ - oldermen'овъ, которые изъ своей среды выбираютъ самаго старѣйшаго мэра, который получитъ съ теченіемъ времени названіе лорда-мэра.

Такіе же порядки существуютъ и въ Италіи, гдѣ болѣе богатые горожане, стоящіе во главѣ городского управленія, получаютъ изъ устъ простонародья названіе „popolani grassi", тогда какъ всѣ остальные называются мелкимъ людомъ -„popolo minuto"

Во Франціи аналогичное явленіе составляютъ крупная буржуазія - haut bourgeoisie и мелкая - petite bourgeoisie. Крупная буржуазія впослѣдствіи образуетъ третье сословіе, а относительно мелкой долгое время остается не яснымъ: - входитъ ли она въ составъ третьяго сословія или составляетъ четвертое сословіе, зародышъ рабочаго класса.

Такимъ образомъ на почвѣ классовой организаціи выступаетъ группировка городскихъ классовъ. Иногда эта группировка замаскирована. Города постоянно ведутъ борьбу съ съ сосѣднимъ сеньеромъ, къ чему ихъ побуждаютъ разнаго рода экономическія причины, препятствовавшія ихъ міровой торговлѣ, напримѣръ шлагбаумы, устраиваемые отдѣльными феодальными владѣльцами и т.д. Побѣжденнымъ сеньерамъ предписывается срыть съ лица земли ихъ замки и переселиться въ городъ. Тогда борьба между различными общественными группами переносится внутрь города. Когда эта вражда кончается къ выгодѣ горожанъ, они издаютъ во многихъ мѣстахъ, такъ называемые „указы о справедливости", по которымъ дворянство попадаетъ въ положеніе класса очень ограниченнаго въ своихъ правахъ; такъ напримѣръ, дворяне не могутъ засѣдать въ городскихъ думахъ и т.п. Отсюда то послѣдствіе, что дворяне бросаются въ третье сословіе, стараются проникнуть въ тотъ или иной цехъ и получить представительство въ органахъ мѣстнаго самоуправленія. Такимъ образомъ въ стѣнахъ города постепенно исчезаетъ тотъ элементъ, который подъ разными названіями, гдѣ воиновъ, гдѣ дворянъ, держался въ прежнія времена и въ городахъ.

Общій выводъ, какой мы вправѣ сдѣлать изъ всего сказаннаго относительно возникновенія и развитія сословій въ немногихъ словахъ можетъ быть формулированъ слѣдующимъ образомъ: въ основу сословной организаціи нельзя класть различія однихъ экономическихъ интересовъ, такъ какъ на ряду съ послѣдними, и другіе факторы - благородство происхожденія, служба въ княжеской дружинѣ и пр. вліяютъ на ея возникновеніе. Но если различіе экономическихъ интересовъ не составляетъ того фундамента, на который

опирается древнѣйшая сословная организація, то процессъ ея развитія или, вѣрнѣе сказать, вымиранія состоитъ ни въ чемъ иномъ, какъ въ такомъ стремленіи положить въ основу дѣленія общества на группы различіе экономическихъ интересовъ. Докажемъ эту мысль.

Въ эпоху господства родовой или общинной собственности начало нераздѣлности и неотчуждаемости, ей свойственное, является препятствіемъ къ тому, чтобы высшія сословія, другими словами тѣ, которые монополизируютъ въ своихъ рукахъ знанія, военную службу, наконецъ административный опытъ, сдѣлались вмѣстѣ классомъ землевладѣльческимъ. Когда же начало общинной собственности на землю было поколеблено, высшимъ сословіямъ открытъ былъ доступъ къ расширенію сферы ихъ землевладѣнія. Будучи и до этого крупнѣйшими владѣльцами движимаго капитала (рабовъ и скота), вознаграждаемыя за свою службу и правительствомъ и добровольными пожертвованіями своихъ соотечественниковъ, высшія сословія, духовныя и свѣтскія, пользуются нерѣдко своею политическою властью для того, чтобы подчинить своему вліянію возможно большее число свободныхъ людей, обратить ихъ самихъ въ кліентовъ и поставить принадлежащую имъ землю въ непосредственную зависимость отъ себя. Этимъ путемъ они становятся постепенно классомъ крупныхъ недвижимыхъ собственниковъ. Чтобы удержать землю въ своихъ рукахъ, они стараются о признаніи правительствомъ начала безповоротности или заповѣдности ихъ владѣній, вводятъ систему майоратнаго наслѣдованія, или обращаются къ субституціямъ, т.е. условному переносу собственности на случай смерти, препятствующему отчужденію ея ближайшимъ наслѣдникомъ и напередъ опредѣляющему порядокъ ея дальнѣйшаго перехода.

На этомъ до поры до времени ограничивается процессъ образованія сословій, этихъ создаваемыхъ закономъ группъ, въ классы, члены которыхъ связываются между собой единствомъ экономическихъ интересовъ. Условія натуральнаго хозяйства не позволяютъ выдѣленію еще въ особыя группы другихъ классовъ, кромѣ того, который живетъ доходомъ отъ земельной ренты. Прочая масса населенія, безъ различія горожанъ и сельчанъ/ составляетъ рабочій людъ, заработки котораго, впрочемъ, постоянно пополняются частью земельной ренты, оставляемой имъ собственниками, благодаря малѣ-

ленію ихъ вѣчными, или долгосрочными, весьма неотяготительными арендами.

Только съ переходомъ натуральнаго хозяйства въ денежное и постепеннымъ развитіемъ этого послѣдняго возникаютъ условія, благопріятныя дальнѣйшему процессу замѣны сословной организаціи классовой.

Далеко не случайностью объясняется тотъ фактъ, что какъ въ русской исторіи, такъ и въ исторіи западно-европейскихъ народовъ „посадскіе люди", или горожане на первыхъ порахъ не выдѣляются изъ среды поселянъ. Это не значитъ однако, чтобы, за исключеніемъ высшихъ сословій и людей несвободныхъ, вся остальная масса населенія составляла одну совершенно недифференцированную массу. Напротивъ того, мы находимъ въ ея средѣ въ о б щ е м ъ, при противоставленіи ея высшимъ сословіямъ и несвободнымъ людямъ, довольно о д н о р о д н о й, значительное число не особенно важныхъ подраздѣленій, при чемъ основанія къ нимъ - самыя разнообразныя. Возьмемъ, напримѣръ англійскую „Книгу суда" или „Думсдей- бук". Какъ велико въ ней разнообразіе терминовъ, употребляющихся для обозначенія различныхъ категорій сельскаго и городского населенія: villani, bordarii collarii, colerelli и т.п., а вѣкъ или два спустя custamarii, lundinari, operarii и т.п. Обыкновенно чертой различія служитъ степень зависимости отъ того или другого изъ членовъ владѣтельнаго сословія, выражающейся въ большемъ или меньшемъ размѣрѣ натуральныхъ службъ и платежей. Но ею можетъ быть также такой, повидимому, случайный признакъ, какъ обязательность или необязательность явки въ судъ (hundredarii).

Развитіе промышленности и обмѣна впервые ведетъ къ обособленію въ средѣ рабочаго люда такихъ лицъ, доходомъ которыхъ является скрывающійся въ формѣ предпринимательской прибыли процентъ на капиталъ. Утвержденіе Сійэса, что среднее сословіе до революціи обнимало собою всю массу свободнаго населенія, за исключеніемъ высшихъ сословій, несправедливое съ правовой точки зрѣнія, еще менѣе вѣрно съ точки зрѣнія экономической. Монополизація извѣстныхъ видовъ производства и извѣстныхъ видовъ обмѣна въ немногихъ рукахъ въ такой же мѣрѣ содѣйствовала обособленію буржуазіи или средняго сословія городовъ отъ прочаго населенія, въ

какой монополизаціи земельной собственности вызвала обращеніе высшихъ сословій въ классъ землевладѣльцевъ. Съ того момента, когда благодаря такой монополизаціи, цехи эти на первыхъ порахъ открытыя сообщества сдѣлались замкнутыми, пополняемыми лишь путемъ кооптаціи олигархическими союзами съ тѣхъ поръ, какъ въ нихъ возникло различіе между рабочими и мастерами и затрудненъ былъ переходъ первыхъ въ послѣдніе, люди посадскіе, употребляя выраженіе нашихъ древнихъ памятниковъ, перешли въ обособленный экономическій классъ лицъ, доходъ которыхъ получается лишь отчасти благодаря собственному труду, преимущественно же въ формѣ процента на капиталъ, нерѣдко созданный правительственной монополіей торговли и промысловъ.

Съ замѣной натуральнаго хозяйства денежнымъ помѣстная земля также могла сдѣлаться ареной капиталистическаго производства въ томъ смыслѣ, что, снимая ее у собственника и вкладывая въ нее свои капиталы, извѣстныя лица, занимающія какъ бы роль посредниковъ между собственникомъ и землевладѣльцемъ (middemen) стали жить доходомъ, доставляемымъ частью процентомъ со сдѣланныхъ ими затратъ, частью тою долею земельной ренты, которая уступлена была имъ земельнымъ собственникомъ. Выдѣленіе этихъ двухъ группъ капиталистовъ предпринимателей городскихъ и сельскихъ - и постепенная монополизація въ ихъ рукахъ промышленныхъ производствъ, обмѣна и земельнаго владѣнія повело къ обращенію всѣхъ прочихъ группъ городского и сельскаго населенія въ одинъ классъ лицъ, живущихъ заработной платой, классъ рабочихъ или пролетаріевъ. Этотъ фактъ является болѣе или менѣе замаскированнымъ тамъ, гдѣ крестьянинъ удержалъ еще владѣніе усадьбой и прилежащимъ къ ней участкомъ съ правомъ на общинный выгонъ; почему обособленіе, такъ называемаго, четвертаго сословія прежде всего совершилось въ городахъ, и крестьяне въ большинствѣ еще европейскихъ государствъ, за исключеніемъ одной только Англіи, представляютъ классъ, отличный отъ класса городскихъ рабочихъ.

Итогами изложеннаго нами процесса является замѣна вызванной историческими причинами и поддерживаемой закономъ сословной организаціи организаціей классовой, т.е. такой, основу которой составляетъ обособленіе различныхъ частей населенія по источнику ихъ дохода.

Такимъ образомъ новымъ условіямъ отвѣчаетъ вновь возникшая классовая организація, при которой все населеніе страны дѣлится на людей, владѣющихъ капиталомъ, и людей, владѣющихъ только одними рабочими руками, на классъ людей зажиточныхъ и классъ пролетаріевъ. Классовая организація сперва зарождается въ городахъ и постепенно вытѣсняетъ сословную организацію, а затѣмъ по типу городовъ идетъ дальнѣйшее развитіе и всего того, что лежитъ внѣ стѣнъ городовъ. Въ англійск. джентри, въ котор. слились и прежніе рицари и просто свободные люди Вы видите только переходъ отъ сословной организаціи къ классовой. Когда послѣдовало освобожденіе и обезземеленіе крестьянъ, то англійскіе воздѣлыватели земли образовали изъ себя уже не сословіе, связанное извѣстными нормами законодательства, опредѣлявшими его права а классъ свободныхъ рабочихъ. Въ Россіи это еще не началось, и никто иной какъ К.П. Побѣдоносцевъ жаловался на то, что нашъ крестьянинъ представляетъ только полу-персону, и видѣлъ задачу государства въ томъ, чтобы сдѣлать крестьянина персоной, т.е. уравнять его въ области гражданскаго права со всѣмъ прочимъ населеніемъ. Это было сдѣлано во Франціи въ 1789 году. Вѣками ранѣе это было сдѣлано въ въ Англіи, гдѣ для этого не потребовалось никакого особаго законодательства. Въ XУ столѣтіи, когда крѣпостное право исчезло, англійскіе крестьяне сдѣлались свободнымъ населеніемъ. Правда, они при этомъ потеряли свою землю и перешли въ классъ безземельнаго сельскаго пролетаріата.

Вотъ какимъ образомъ совершается переходъ отъ сословной организаціи къ организаціи классовой.

А что въ основѣ классовой организаціи лежитъ экономическій факторъ, это ясно видѣлъ уже Тюрго въ XУIII столѣтіи и указалъ на то въ своемъ сочиненіи „размышленіе о накопленіи и распредѣленіи богатствъ." Въ этомъ маленькомъ трактатѣ онъ указываетъ уже на многіе вопросы, къ которымъ обращаются соціологи нашихъ дней. Онъ указываетъ между прочимъ и на преемственную связь рабства, крѣпостничества и вольнонаемнаго труда и говоритъ, что земля, капиталъ и трудъ составляютъ основу группировки населенія на три класса: классъ земельныхъ собственниковъ, классъ обладателей движимымъ капиталомъ и классъ, который мы называемъ классомъ пролетарскимъ; Тюрго выдвигаетъ еще классъ свободныхъ съемщиковъ земли, указываетъ на то, что этотъ классъ очень сильно развитъ въ Англіи и очень мало во Франціи, гдѣ мѣсто свободныхъ

съемщиковъ земли занимаютъ крѣпостные люди и рекомендуютъ французамъ отъ чиншевого права перейти къ фермерскому хозяйству по англійскому типу.

Такимъ образомъ, уже Тюрго создаетъ многое изъ того, что выскажутъ вскорѣ послѣ него Сен-Симонъ и цѣлый рядъ писателей, извѣстныхъ подъ названіями соціалистовъ, анархистовъ, индивидуалистовъ, коммунистовъ и т.д., которые, считаясь съ тѣмъ, что доходъ современнаго общества дѣлится на три части, что съ одной стороны существуетъ рента, съ другой стороны процентъ на капиталъ и, наконецъ съ третьей - заработная плата, видятъ основу классовой организаціи въ экономическихъ причинахъ. Является, наконецъ, писатель, который особенно подчеркиваетъ эту мысль, - Лоренцъ фонъ Штейнъ. Онъ проводитъ эту мысль въ своемъ сочиненіи „Исторія соціалистическихъ и коммунистическихъ движеній," въ сочиненіи, послѣднія главы котораго посвящены выясненію понятія объ обществѣ и соціальной исторіи французской революціи. По его мнѣнію характерную черту класса составляетъ общность экономическихъ интересовъ, связывающихъ его членовъ, тогда какъ характерную особенность сословія - признаніе его за обособленную группу закономъ. Когда К а р л ъ М а р к с ъ написалъ свой трактатъ „Нищета философіи", являющійся отвѣтомъ на „Философію нищеты" П р у д о н а, то онъ изложилъ въ сущности тѣ же взгляды, которые мы находимъ и у Лоренца фонъ Штейна и у болѣе раннихъ писателей вплоть до Тюрго и далѣе. Марксъ повторилъ ихъ и въ своемъ „Коммунистическомъ манифестѣ" и въ первомъ томѣ „Капитала". А если мы поднимемся нѣсколько выше, къ эпохѣ столкновенія короля съ парламентомъ въ Англіи, то въ сочиненіи Гаринггона „Океанѣ" найдемъ проведеніе взгляда, что форма правленія зависитъ отъ распредѣленія собственности. Гдѣ существуетъ мелкая земельная собственность, тамъ легче упрочивается демократія, гдѣ существуетъ крупная земельная собственность, тамъ всего легче упрочивается аристократія, а гдѣ, какъ въ Турціи, Персіи или Московіи, султанъ или царь является владѣльцемъ всей земли, тамъ особенно прочно держится единовластіе. Итакъ, ученіе о томъ, что классовая организація имѣетъ подъ собой экономическій фундаментъ создано еще въ XVII вѣкѣ. Тотъ, кто хочетъ итти еще дальше, найдетъ такія мысли и у Аристотеля, но ясно сознается это обстоятельство лишь въ XVIII столѣтіи и позднѣйшими соціалистами. А такъ какъ съ другой стороны, событія 1848 года вполнѣ подтвердили правильность основной точки зрѣнія, что и политическое движе-

ніе обусловливается въ концѣ концовъ экономическими факторами, то эта точка зрѣнія нашла себѣ выраженіе и на страницахъ сочиненій Карла Маркса. А эта мысль К.Маркса нашла себѣ вѣрнаго истолкователя въ лицѣ его alter ego Фр.Энгельса и искажителей въ цѣломъ рядѣ другихъ его послѣдователей, противъ крайностей которыхъ Энгельсъ не одинъ разъ вынужденъ былъ протестовать самымъ энергичнымъ образомъ.

Глава У. 8 билетъ

П Р Е Д Ѣ Л Ы Г О С У Д А Р С Т В Е Н Н О Й - В Л А С Т И.

(Государственное вмѣшательство.)

Прежде, чѣмъ перейти къ вопросу о формахъ правленія намъ необходимо остановиться на вопросѣ о предѣлахъ государственной власти.

Очевидно, что искать рѣшенія этого вопроса можно только путемъ выдѣленія каждой изъ тѣхъ общежительныхъ формъ, которыя сосуществуютъ съ государствомъ, особой сферы дѣятельности. Зная, какія задачи преслѣдуются семьею, родомъ, церковью и т.п. союзами, намъ легче опредѣлить тѣ, достиженіе которыхъ составляетъ цѣль государства.

Вопросъ, однако осложняется тѣмъ, что всѣ эти общежительные союзы стоятъ въ близкомъ отношеніи другъ съ другомъ и, преслѣдуя разныя цѣли, взаимно содѣйствуютъ осуществленію каждой ея спеціальныхъ задачъ. Семья воспитываетъ гражданъ для государства; но и въ свою очередьгосударство содѣйствуетъ своими воспитательными учрежденіями достиженію одной изъ ближайшихъ задачъ семьи: нравственному и умственному развитію подрастающихъ поколѣній. Въ различныя эпохи это взаимодѣйствіе предполагаетъ большее или меньшее вмѣшательство государства въ сферу дѣятельности бокъ о бокъ сосуществующихъ съ нимъ общественныхъ союзовъ. Подобно тому, какъ можетъ быть указанъ періодъ, когда государство даже по вопросамъ общественной безопасности играло только добавочную, второстепенную роль, восполняя дѣятельность родовыхъ и общинныхъ

союзовъ, такъ точно возможна ссылка на современные порядки, при которыхъ дѣятельность родовыхъ союзовъ вполнѣ поглощена дѣятельностью государства, а общины, за исключеніемъ сферы экономическихъ отношеній, принуждены ограничиться осуществленіемъ второстепенныхъ задачъ, возлагаемыхъ на нихъ государствомъ. Изъ сказаннаго слѣдуетъ относительность тѣхъ положеній, къ какимъ приводитъ историческое изученіе отношеній государства къ сосуществующимъ съ нимъ общественнымъ союзомъ. Никакихъ абсолютныхъ и неизмѣнныхъ правилъ она намъ дать не въ состояніи. Результатомъ его можетъ быть только раскрытіе той связи, въ которой стоитъ вопросъ объ отношеніи государства къ другимъ общежительнымъ союзамъ со степенью культуры извѣстнаго народа и съ общимъ поступательнымъ движеніемъ всего человѣчества.

По вопросу о предѣлахъ государственной власти или о государственномъ вмѣшательствѣ высказывался и продолжаетъ высказываться и по настоящее время цѣлый рядъ ученыхъ. Но нужно замѣтить, что вопросъ этотъ обыкновенно съужаютъ, сводя его къ вопросу объ отношеніи государства къ личности, къ индивиду. Публицисты такъ или иначе рѣшавшіе вопросы о предѣлахъ государственнаго вмѣшательства, имѣютъ въ виду только выгоды или ущербъ, проистекающіе отъ этого вмѣшательства для частнаго лица. Такое смѣшеніе двухъ вопросовъ, далеко непокрывающихъ одинъ другой, повело къ весьма роковой путаницѣ самыхъ понятій.

Въ самомъ дѣлѣ, къ чему обыкновенно сводится въ литературѣ вопросъ объ отношеніи государства къ индивиду.

Всякій знакомый съ нею, хотя бы въ общихъ чертахъ, согласится со мной, что сущность спора сводится къ рѣшенію слѣдующей задачи: существуетъ ли тенденція къ расширенію или съуженію сферы государственнаго вмѣшательства?

Вопросъ этотъ разрѣшается въ двухъ рѣзко противоположныхъ смыслахъ: съ одной стороны индивидуалистами, съ другой

Общее ученіе о государствѣ. Проф. М.М. КОВАЛЕВСКАГО.
Изд. Студ. Кассы Взаим. при СПБ. Политехн. Инст.
Литографія Трофимова Можайская 8
Л.12.

всѣми, кто является ихъ противниками, будутъ ли ими соціалисты и коммунисты или позитивисты.

Для первыхъ всемогущество древняго государства постепенно уступаетъ мѣсто ограниченности государственныхъ функцій государствъ новаго времени.

Для другихъ осложненіе съ каждымъ поколѣніемъ общественныхъ отношеній вызываетъ все большее и большее вмѣшательство государства, слѣдовательно, въ конечномъ результатѣ ведетъ къ расширенію его функцій. Но поглощеніе личности древнимъ государствомъ, какъ и стремленіе новаго къ расширенію своей сферы дѣятельности, -все это такія явленія, которыя получаютъ надлежащее освѣщеніе лишь при условіи расширенія вопроса. Недостаточно сопоставить государство и индивидъ. Необходимо еще включить въ сферу этихъ сопоставленій другіе посредствующіе между обоими союзы. И какъ неожиданны въ этомъ случаѣ выводы, къ которымъ приводитъ историческое изученіе ихъ взаимодѣйствія.

Стало быть, вопросъ о томъ, какія явленія общественной и личной жизни гражданъ подлежатъ вѣдѣнію государства, въ значительной степени долженъ рѣшаться подъ условіемъ принятія во вниманіе того обстоятельства, что рядомъ съ государствомъ существовали и продолжаютъ существовать по настоящій день другіе общежительные союзы, которые въ разное время осуществляли тѣ функціи, часть которыхъ перешла въ настоящее время на государство. Государство только впослѣдствіи ограничиваетъ сферу свободныхъ проявленій личности, а прежде его семья, родъ, община, различные союзы въ родѣ гильдій и цеховъ, наконецъ, церковь все это съужаетъ сферу самодѣятельности отдѣльнаго индивида. Можетъ быть поэтому возникаетъ вопросъ о томъ, не расширяется ли сфера индивидуальной свободы и при расширеніи функцій государства, такъ какъ это расширеніе функцій государства съуживаетъ сферу вмѣшательства въ индивидуальную автономію личности семьи, рода помѣстной общины, церкви и другихъ союзовъ. Вотъ почему вопросъ, который намъ предстоитъ разрѣшить въ настоящее время, вопросъ несравненно болѣе сложный чѣмъ думали писатели иныхъ временъ, напримѣръ. Писатели начала XIX вѣка, положимъ тотъ самый Бенжаменъ Констанъ, котораго такъ интересовало опредѣленіе личности

отъ вмѣшательства государства, Бенжаменъ Констанъ, утверждавшій, что новыя государства тѣмъ только и отличаются отъ государства древности, что античное государство совершенно поглощало личность, тогда какъ новыя государства ограничиваютъ сферу своего вмѣшательства въ личную свободу и ограничиваютъ ее довольно тѣсными границами: на обязанности новаго государства лежатъ заботы о внутренней и внѣшней безопасности и обезпеченіе правосудія.

По вопросу о томъ, каковы дѣйствительные предѣлы вмѣшательства государства въ сферу индивидуальной автономіи, разные мыслители высказываются различно.

Вы знаете, что государство XVII и XVIII столѣтія, а въ Германіи даже и XIX справедливо называютъ п о л и ц е й с к и м ъ государствомъ, т.е. такимъ государствомъ, которое считаетъ возможнымъ и необходимымъ вмѣшиваться въ разныя сферы личной дѣятельности въ интересахъ спеки индивида. Все то, что слыло подъ громкимъ названіемъ просвѣщеннаго абсолютизма/отправлялось отъ той мысли, что необходимо дѣлать все для народа, но безъ участія народа. Такъ понималъ дѣло и австрійскій императоръ Іосифъ и Фридрихъ II Великій въ Пруссіи, такъ понимаютъ его и наши либеральные министры. Точка зрѣнія полицейскаго государства выступаетъ еще въ доктринѣ извѣстнаго прусскаго публициста Фр. Ю. Шталя, полагавшаго что со всякой конституціей можно совмѣстить плодотворную дѣятельность полиціи.

Этотъ идеалъ нашелъ свое осуществленіе на практикѣ, но теперь уже и русская публицистика не рѣшается поддерживать полицей - ское государство. Хотя нужно сказать, что полицейское государство, быть можетъ и подъ другимъ названіемъ, все таки до самаго послѣдняго времени находило себѣ защитниковъ въ юридической литературѣ; такъ одинъ изъ учениковъ Шталя, мой учитель Р. Гнейстъ не прочь былъ сохранить полицейское государство, назвавши его государствомъ правовымъ.

Въ противовѣсъ этой теоріи полицейскаго государства въ Англіи, въ странѣ старинныхъ конституціонныхъ вольностей, стало высказываться обратное мнѣніе, понимавшее вопросъ о предѣлахъ государственной власти чрезвычайно узко. Государство вмѣшивается только въ область внѣшней и внутренней безопасности, а такъ какъ внутренняя безопасность обезпечена господствомъ суда, то, поэтому, въ сферу государственнаго вмѣшательства входятъ и

заботы о правосудіи. Но внѣ цѣлей правосудія и безопасности государство сдѣлать ничего не можетъ.

Хотите Вы найти, можно сказать, классическаго представителя этого ученія въ сравнительно недавнее время, 50 - 60 лѣтъ тому назадъ, обратитесь къ произведеніямъ Г Е Р Б Е Р Т А С П Е Н С Е Р А. Первая же статья, вышедшая изъ подъ пера Герберта Спенсера, посвящена интересующему насъ вопросу и озаглавлена: „Д ѣ й с т в и т е л ь н ы е п р е д ѣ л ы г о с у д а р с т в е н н о й в л а с т и". Эта статья была написана въ 1846 году, когда Герберть Спенсеръ былъ еще инженеромъ, строилъ дороги внутри Англіи (Лондонъ-Бирмингамская желѣзная дорога построена при его ближайшемъ участіи) и только еще помышлялъ, какъ бы ему отдѣлаться отъ этихъ занятій и всецѣло отдаться литературной дѣятельности. Но перейти къ литературной дѣятельности въ Англіи, особенно въ Англіи того времени, когда Герберть Спенсеръ только начиналъ заниматься литературной дѣятельностью, было не такъ легко, какъ у насъ въ Россіи, гдѣ каждый пристроившійся къ литературѣ или журналистикѣ пользуется помощью литературнаго фонда. Въ Англіи того времени даже человѣку съ такимъ недюжиннымъ умомъ и талантомъ, какимъ обладалъ Герберть Спенсеръ, было трудно прожить, занимаясь исключительно литературной дѣятельностью. Послѣ долгихъ лѣтъ работы, къ которой не лежало сердце Герберта Спенсера, и многихъ размышленій, онъ покидаетъ Англію, дѣлается секретаремъ редактора журнала „E C O N O M I S T" и принимается за литературную и научную работу.

Первой заботой Герберта Спенсера по выступленіи его на литературное поприще было протестовать противъ вмѣшательства государства въ такія сферы индивидуальной свободы, въ которыя оно, пожалуй, не должно было бы вмѣшиваться.

„С О Ц І А Л Ь Н А Я С Т А Т И К А" Герберта Спенсера, сочиненіе, появившееся въ 1850 году и написанное подъ вліяніемъ альтруистическихъ мотивовъ, и заключаетъ въ себѣ посильный отвѣтъ на вопросъ о предѣлахъ государственной власти.

Впослѣдствіи Герберть Спенсеръ неоднократно выступалъ съ проповѣдью невмѣшательства государственной власти ни въ какія сферы, кромѣ сферы безопасности и пра-

восудія, и, между прочимъ, въ сочиненіи, излагающемъ его нравственную философію „П Р И Н Ц И П Ы Н Р А В С Т В Е Н - С Т И", являющемся переработкой „ С О Ц І А Л Ь Н О Й С Т А Т И К И". Затѣмъ, чтобы окончательно убѣдить своихъ читателей, что вмѣшательство государственной власти должно быть ограничено сферой безопасности и правосудія, онъ издаетъ брошюру, распространившуюся въ огромномъ количествѣ экземпляровъ и привлекшую вниманіе правителей многихъ государствъ, правителей, стоявшихъ на точкѣ зрѣнія государственнаго соціализма. Что же заключало въ себѣ столь новаго ученіе Герберта Спенсера, привлекшее вниманіе многихъ правителей?

Въ брошюрѣ, озаглавленной „ Ч е л о в ѣ к ъ п р о т и в ъ г о с у д а р с т в а" и извѣстной также подъ другимъ названіемъ: „ Г р я д у щ е е р а б с т в о", проводится та основная мысль, что государство по мѣрѣ дальнѣйшаго развитія общественной жизни захватываетъ все новыя и новыя сферы ея и налагаетъ на нихъ свою руку. И Г е р б е р т ъ С п е н с е р ъ изъ прошлаго приводитъ примѣръ того, къ чему ведетъ безпредѣльное вмѣшательство государства. Оказывается, что точка зрѣнія предсѣдателя нашего Совѣта Министровъ П. А. Столыпина, высказанная имъ въ рѣчи, посвященной закону 9-го Ноября, была весьма распространенной въ средніе вѣка и благодаря ей вмѣшательство государства всегда имѣло своимъ послѣдствіемъ усиленіе сильныхъ и ослабленіе слабыхъ.

Гербертъ Спенсеръ приводитъ въ доказательство факты изъ исторіи англійскаго рабочаго законодательства, вызваннаго морсвой язвой, имѣвшей мѣсто въ Англіи въ серединѣ XIУ столѣтія. Спенсеръ не занимался экономической исторіей и потому зналъ только факты, касающіеся англійскаго законодательства

Если бы онъ зналъ общую экономическую исторію, онъ могъ бы сказать то же, что онъ говорилъ объ англійскомъ правительствѣ,

и о дѣятельности правительствъ многихъ другихъ европейскихъ государствъ: Франціи, Португаліи, государствъ Скандинавскаго полуострова и др. Европейскія правительства почувствовали необходимость озаботиться благосостояніемъ рабочаго населенія, когда подъ вліяніемъ разнаго рода бѣдствій, въ родѣ моровой язвы, оно сократилось почти на половину, когда усилились требованія рабочихъ относительно болѣе высокой заработной платы и т.д. Англійское правительство, напримѣръ опредѣлило, что всякій рабочій, который потребуетъ платы большей, чѣмъ онъ получалъ до моровой язвы, понесетъ извѣстной силы наказаніе. Это

называлось въ то время - поддерживать справедливыя цѣны. Тогда вопросъ о справедливой цѣнѣ рѣшался сравнительно очень просто: поддерживались тѣ цѣны, которыя были въ интересахъ предпринимателей - землевладѣльцевъ и промышленно-заводскихъ предпринимателей, поскольку о таковыхъ можетъ итти рѣчь. Ссылаясь на это законодательство, Гербертъ Спенсеръ указываетъ на то что вмѣшательство государства далеко не обезпечиваетъ того благосостоянія трудящихся классовъ, которое по мнѣнію сторонниковъ государственнаго соціализма должно входить въ задачи государства. Не смотря на то, что эта мысль, столь популярная среди правительствъ различныхъ европейскихъ государствъ, была совершенно непопулярна среди англійскаго населенія, Гербертъ Спенсеръ оставался ей вѣренъ до конца своей жизни. Когда англійское правительство дѣйствительно начало заботиться о благѣ рабочаго населенія и проводить въ интересахъ рабочихъ разнообразныя реформы, то и тогда, какъ это видно изъ его послѣднихъ посемъ, недавно (въ 1908-омъ году)обнародованныхъ, Г е р б е р т ъ С п е н с е р ъ продолжалъ высказываться противъ расширенія вмѣшательства государственной власти въ общественную жизнь.

Если Вы спросите, существовало ли такое теченіе общественной мысли, какое представлялъ Гербертъ Спенсеръ для Англіи, въ другихъ государствахъ, то мнѣ достаточно будетъ привести нѣсколько выдержекъ изъ сочиненія Б А С Т І А (Bastiat), автора „Э к о н о м и ч е с к и х ъ г а р м о н і й" („Harmonies economiques), доказывавшаго, что существуетъ полная гармонія между интересами всѣхъ классовъ общества, чтобы отвѣтить утвердительно. Въ этомъ своемъ сочиненіи, изданномъ въ 1864 году, въ формѣ весьма искусно веденнаго діалога между государствомъ и гражданами, В а с т і а излагаетъ свою точку зрѣнія на предѣлы государственнаго вмѣшательства, считая возможнымъ ограничить задачи государства защитой личности и собственности.

Вотъ что онъ говоритъ: „Вы(граждане) надѣлили меня (государство) публичной властью; я воспользуюсь ею только въ тѣхъ сферахъ, въ которыхъ вмѣшательство ея возможно, а такой является сфера правосудія. Я заставлю каждаго остаться въ границахъ его правъ. На себя я принимаю заботу о безопасности личности и собственности. Въ этомъ состоитъ моя миссія, я готовъ

осуществлять ее. Но въ то же время я не приму никакой другой. Вы вправѣ ожидать отъ меня только свободы и безопасности. Поймите же, что подъ страхомъ потери и той и другой, вы только и можете ждать отъ меня чего либо иного."*

Нужно сказать Вамъ, что эта точка зрѣнія, раздѣляемая въ настоящее время Академіей нравственныхъ и общественныхъ наукъ, не заключаетъ въ себѣ ничего новаго.

Если Вы обратитесь къ сочиненіямъ М о л и н а р и, разсматривавшаго всю исторію человѣчества съ точки зрѣнія: насколько несчастья рода человѣческаго или отдѣльныхъ народовъ вызывались вмѣшательствомъ государства въ другія сферы, кромѣ сферы безопасности и сферы правосудія, то увидите, что этотъ маститый, доселѣ живущій писатель, доказываетъ, что государства будутъ благодѣтельствовать и народы будутъ счастливы только въ той мѣрѣ, въ какой государство не будетъ выходить за предѣлы безопасности и правосудія. Эту мысль Молинари проводилъ, между прочимъ и въ Россіи въ своихъ лекціяхъ въ эпоху развитія публицистической дѣятельности Н. Г. Чернышевскаго.

Теперь интересно отвѣтить на вопросъ о сферахъ государственнаго вмѣшательства съ исторической точки зрѣнія и спросить себя въ какой мѣрѣ размѣрами государственнаго вмѣшательства обусловлено было не только поглощеніе государствомъ правъ личности, но и перенесеніе на государство многихъ, по крайней мѣрѣ, части тѣхъ функцій, которыя осуществлялись раньше семьей, родомъ, общиной свободной общиной несвободной, вмѣшчьей, затѣмъ сословіями, гильдіями, цехами и т.д., наконецъ, въ завершеніе всего церковью. И если мы отнесемся исторически къ этому вопросу, то мы увидимъ, что расширеніе функцій государства не имѣло всегда своимъ послѣдствіемъ сокращеніе сферы автономіи личности, но сплошь и рядомъ имѣло своимъ послѣдствіемъ сокращеніе сферы вмѣшательства въ индивидуальную свободу такихъ союзовъ, какъ семья, такихъ союзовъ, какъ родъ, такихъ союзовъ, какъ община, такихъ союзовъ, какъ сословія, цехи и т.п. Согласитесь, напримѣръ, что если будетъ отнято у сословій право шельмовать своихъ членовъ, скажемъ исключать дворянъ изъ сословія за подписаніе выборгскаго воззванія, то сфера автономіи личности будетъ расширена, а государство въ то же время можетъ мало или совсѣмъ не сокращать сферы своего вмѣшательства.

---

*/ B a s t i a t. Harmonies economiques стр. 126, Paris 1864г.

Если Вы встрѣтитесь съ изданіемъ закона, по которому священникъ, потерявшій свою жену, не долженъ оставаться вдовцомъ или поступать въ монастырь, а можетъ завести вторую жену, опять Вы будете имѣть дѣло съ расширеніемъ сферы свободы личности, хотя и не послѣдуетъ сокращенія сферы государственнаго вмѣшательства. Если бы, какъ это было сдѣлано во Франціи въ эпоху имперіи, ограничить право отповъ совершенно произвольно распоряжаться въ своихъ завѣщаніяхъ своей собственностью, своимъ имуществомъ, и, слѣдовательно, устранить для наслѣдника, чѣмъ либо не угодившаго родителямъ возможность лишиться всякаго имущества, всякаго обезпеченія, то въ этомъ Вы опять таки найдете расширеніе сферы автономіи личности безъ всякаго ущерба для государства. Поэтому тѣ, кто, какъ Мирабо и Наполеонъ I, ограничивалъ свободу распоряженія собственностью въ завѣщаніяхъ, освобождали личность отъ опасности попасть въ положеніе лица, которое можетъ выйти на жизненное ристалище безъ всякаго достатка и, слѣдсвательно, должно посвятить большую часть своей жизни накопленію этого достатка, оставляя безъ отвѣта высшіе запросы своего духа до того момента, когда у бѣлки зубы окажутся неспособными грызть, хотя бы и золотые орѣхи; тѣмъ самымъ они сокращали сферу компетенціи семьи и расширяли область индивидуальной свободы, ничѣмъ не ограничивая государство.

Вотъ такимъ путемъ сокращенія сферы вмѣшательства другихъ, конкурирующихъ съ государствомъ союзовъ, можетъ быть расширена сфера автономіи личности.

Съ этой точки зрѣнія необходимо разсматривать исторію развитія сферы вѣдомства государства, иначе говоря предѣлы государственной власти. Отвѣчая на этотъ вопросъ, мы отвѣтили на вопросъ, который нѣмцы ставятъ въ слѣдующей метафорической формѣ: Какова цѣль государства? Очевидно, что государство не вмѣшивается въ тѣ области, въ которыхъ оно не преслѣдуетъ никакихъ цѣлей, такъ какъ государство принадлежитъ къ числу такихъ общежительныхъ союзовъ, которые являются цѣлью сами для себя, или какъ выражаются нѣмцы Selbstzweck.

Поэтому о цѣляхъ государства нѣтъ необходимости говорить но есть необходимость говорить о предѣлахъ государственнаго вмѣшательства. И не трудно показать, что по этому вопросу, безотносительныхъ истинъ сказать нельзя. То, что было хорошо на извѣстной

ступени культуры, стало плохимъ на другой ступени развитія. Вмѣстѣ съ процессомъ развитія общества измѣняется отношеніе государства къ тому, какія сферы общественной и личной жизни гражданъ подлежатъ его вмѣшательству и какія не подлежатъ.

Опредѣляя сферу государственнаго вмѣшательства на основаніи фактовъ древняго права и права среднихъ вѣковъ, права различныхъ народовъ, мы должны прійти къ одному заключенію, что первоначально эта сфера государственнаго вмѣшательства была чрезвычайно мала. Сказать, что государство само сосредоточивало въ своихъ рукахъ всѣ заботы о правосудіи и безопасности, нельзя. Нельзя по той простой причинѣ, что эту заботу принимали на себя родъ и племя, такъ что государство на первыхъ порахъ являлось только на помощь и поддержку другихъ общественныхъ союзовъ. И это можно доказать въ равной степени и древне - германскимъ правомъ, и древне - славянскимъ, древне - римскимъ и древне - греческимъ правомъ.

Всего яснѣе это выступаетъ у тѣхъ народовъ, у которыхъ государственная власть еще слабо развита. Такъ у кавказскихъ горцевъ до момента присоединенія ихъ къ Россіи государственная власть была въ зародышѣ, существовала въ формѣ болѣе баснословнаго, чѣмъ отвѣчающаго фактамъ владычества какого то общаго осетинскаго князя. И вотъ здѣсь вмѣшательство государства, т.е. въ концѣ концовъ вмѣшательство того государства, которое возникло къ югу отъ Кавказскаго Хребта - Грузіи и разнаго рода татарскихъ ханствъ, которыя занимали восточную половину Кавказа, было чрезвычайно слабо. Въ періодѣ господства родовой или кровной мести вмѣшательство государства сказывается въ очень скромныхъ обидныхъ для государства размѣрахъ. Государство, или вѣрнѣе правительство государства находитъ, что и ему можно было бы поживиться при уплатѣ за кровную месть. Почему же только кровные родственники будутъ получать свой доходъ? Вѣдь ничто не мѣшаетъ точно также и правительству получать извѣстную долю этого дохода въ свою пользу. Если Вы возьмете германское право, то Вы найдете, что убійство, раненія, всякаго рода насильственныя дѣйствія, направленныя противъ родственниковъ имѣютъ въ моментъ возникновенія государства то послѣдствіе, что кромѣ, такъ называемыхъ, пени композиціи, или выкупа, т.е. платежа за кровь, платимаго скотомъ или другими цѣнностями, особенно распространенными въ данной странѣ, извѣстный штрафъ съ преступника, называемый fredus, идетъ въ пользу

правительства. Эти порядки въ видѣ переживаній существуютъ въ теченіе всего того времени, когда правительство еще продолжаетъ интересоваться преступленіями съ точки зрѣнія дохода. Вспомните объ англійскихъ судебныхъ слѣдователяхъ, которые имѣютъ отношеніе къ двумъ вещамъ: когда будетъ найдено мертвое тѣло и когда будетъ найденъ кладъ. На первый взглядъ можетъ показаться страннымъ, что можетъ быть общаго между обнаруженіемъ мертваго тѣла и находкой клада. Однако, это общее есть; когда будетъ найдено мертвое тѣло то съ преступника, если таковой будетъ обнаруженъ, судебный слѣдователь взыскиваетъ извѣстный штрафъ въ пользу государственной казны. Точно также, когда открывается кладъ, съ котораго по англійскимъ законамъ тоже идетъ доходъ въ пользу казны, то и тогда судебный слѣдователь розыскиваетъ того, кто открылъ этотъ кладъ и съ кого слѣдуетъ потребовать вычетъ въ пользу государства. Значитъ, вотъ чѣмъ на первыхъ порахъ интересуется правительство. Это самое Вы видите и въ древнемъ русскомъ правѣ, когда заходитъ рѣчь о дикой вирѣ. Тогда какъ выкупъ за убійство, такъ называемое головничество, идетъ въ пользу пострадавшаго родственника, вира идетъ въ пользу правительства (См. Русскую Правду). Слѣдовательно нельзя сказать, что даже въ области безопасности, которая признается теперь подлежащей вѣдѣнію государства, мы съ самаго начала имѣемъ дѣло съ государствомъ, какъ полновластнымъ хозяиномъ.

Спросимъ себя теперь: одно ли государство вѣдаетъ правосудіе?

Разумѣется нѣтъ. Пока дѣйствуетъ самосудъ, не можетъ быть и рѣчи о томъ, что правосудіе все находится въ вѣдѣніи государства

Нельзя сказать, что государство съ самаго своего возникновенія преслѣдуетъ цѣли безопасности и правосудія. Мы видимъ, какъ въ Англіи возникло государство, какъ возникло законодательство одного изъ первыхъ англійскихъ королей. Король И н а издаетъ законъ, или, по крайней мѣрѣ, имѣется древнесаксонскій законъ, приписываемый королю Инѣ, въ которомъ постановляется, что за убійство короля взимается выкупъ и этотъ выкупъ уплачивается королевскому роду. Это доказательство того, что возникающее государство считается съ родовымъ бытомъ. Но одною изъ первыхъ задачъ, которыя ставили себѣ государства и церковь, -является по возможности ограничить примѣненіе кровной мести. Отсюда тѣ порядки,

которые въ англійскомъ правѣ передаются терминами: миръ короля, миръ королевской резиденціи. Королевскій миръ распространенъ на всѣхъ тѣхъ, кто не имѣетъ мстителей, напримѣръ; на вдовъ, сиротъ, на чужестранцевъ (отсюда королевскій миръ распространяется на дороги и т.д.) Король, какъ верховный правитель государства, становится на сторону всѣхъ этихъ обиженныхъ. И вся исторія развитія государственнаго вмѣшательства въ сферу безопасности сводится къ тому, что изъ королевскаго мира постепенно возникаетъ земскій миръ, миръ всего королевства, и тогда кладется конецъ кровной мести.

Но Вы знаете, что никакіе порядки не исчезаютъ безслѣдно, не оставляя никакихъ пережитковъ. Этимъ пережиткомъ являются дуэли, которыя долгое время признаются правомѣрнымъ институтомъ, хотя государство слѣдитъ за дуэлями, вводитъ ихъ въ извѣстныя границы и проситъ обращаться къ дуэли, какъ къ послѣднему средству.

Въ этомъ отношеніи особенно любопытны памятники древнечешскаго права, гдѣ разсказывается о томъ, какъ правительственные чиновники должны слѣдить за честнымъ выполненіемъ принятыхъ при дуэли правилъ, онъ разставляетъ стороны и т.д., останавливая поединокъ, какъ только дѣло доходило до кровопролитія. Правительство вовсе не устанавливало такого порядка, при которомъ кровь должно смывать чѣмъ нибудь инымъ, не кровью.

Правительство только старалосьслѣдить за тѣмъ, чтобы кровь не лилась безконечно. Такимъ образомъ, съ самаго начала кладется предѣлъ кровопролитію вмѣшательствомъ государства.

Затѣмъ вмѣшательство государства сказывается и въ другихъ областяхъ.

Государство беретъ на себя разбирательство тяжбъ и опредѣленія того, кто виновенъ въ томъ или иномъ преступленіи. Но стороны должны быть согласны съ приговоромъ для того, чтобы приговоръ вошелъ въ силу. Стороны относятся къ приговору какъ къ посредническому акту власти. Если стороны или хотя бы одна изъ нихъ окажется недовольной постановленіемъ суда, то за судомъ слѣдуетъ поединокъ, который и рѣшаетъ, кто правъ и кто виноватъ. Вы знаете, до какого времени держатся эти порядки во Франціи? До Людовика IX Святого т.е. до первой полсвины XIII вѣка. Слѣдовательно, чрезвычайно медленно развиваются функціи государства въ об -

ласти рѣшенія вопросовъ, вызываемыхъ нарушеніемъ мира и кровопролитіемъ тѣмъ, что мы называемъ уголовными преступленіями. Что государство на первыхъ порахъ рѣшаетъ различныя гражданскія тяжбы, это видно хотя бы изъ „Салическаго закона" и цѣлаго ряда другихъ сборниковъ древняго права. Кто постановляетъ рѣшенія по гражданскимъ тяжбамъ?

Рахибурги, которые являются преемниками старинныхъ посредниковъ, а правительству приходится смотрѣть только за тѣмъ, чтобы и казна свою выгоду получила. Но и въ области гражданскихъ дѣлъ судъ на первыхъ порахъ играетъ только посредника. Такой порядокъ весьма распространенное явленіе. Такимъ образомъ, и въ области уголовныхъ дѣлъ и въ области гражданскихъ дѣлъ государство не сразу обнаруживаетъ свои права и свои задачи, свое право вѣдать правосудіе и свою задачу обезпечивать безопасность.

Замѣтьте, что и въ послѣдующія времена при малѣйшемъ ослабленіи государственной власти происходитъ поворотъ назадъ, къ старымъ порядкамъ, къ самосуду.

Многимъ изъ Васъ, навѣрное, знакомо стихотвореніе Шиллера, въ которомъ онъ радуется воцаренію Рудольфа графа Габсбургскаго. Чѣмъ же вызвана эта радость? Да просто тѣмъ, что этому воцаренію предшествовало такъ называемое „великое междуцарствіе", когда господствовало „кулачное право" съ которымъ и повелъ энергичную борьбу Рудольфъ. Въ эпоху же „великаго междуцарствія" создавались тайныя общества, члены которыхъ принимали на себя миссію водворителей справедливости въ различныхъ частяхъ Германіи. Устраивались частныя расправы, и въ одинъ прекрасный день можно было найти того, или иного человѣка лежащимъ съ кинжаломъ въ груди, убитымъ членами этихъ разнообразныхъ организацій. Совершенно такіе же мы встрѣчаемъ всюду, гдѣ падаетъ элементъ государственности. Когда, напримѣръ, во время междоусобія сѣверныхъ и южныхъ американскихъ государствъ южные штаты не желали признать правительство сѣверянъ, а правительство южанъ были прогнаны войсками сѣверныхъ штатовъ, то что оставалось дѣлать гражданамъ южно американскихъ республикъ?

Бѣлые признали себя бѣлыми, а черныхъ низвели на степень безсловесныхъ животныхъ, устраивалитогда или иной судъ, который являлся своего рода Lynchrecht, т.е. происходили расправы, устраиваемыя отдѣльными лицами и разнообразными тайными организаціями,

причемъ единственнымъ наказаніемъ было снятіе головы; другого вида наказаній не было. Это называлось законъ Линча. Протесты, которые вызываются подобнаго рода расправами, доказываютъ Вамъ, что современное человѣчество все болѣе проникается сознаніемъ, что сферу государственнаго вмѣшательства составляютъ безопасность и правосудіе.

Я изложилъ Вамъ происхожденіе тѣхъ функцій государ-ства которыя всѣми школами государствовѣдовъ признаются несомнѣнной принадлежностью государства и государственной власти, т.е. заботы о внутренней и внѣшней безопасности и о правосудіи. Я бы сказал

Въ настоящее время возникаетъ вопросъ, вопросъ, который раздѣляетъ публицистовъ и экономистовъ, именно вопросъ о томъ, не принадлежатъ ли государству какія либо другія функціи, кромѣ указанныхъ. Этотъ вопросъ не лишенъ характера современности и для насъ.

Чуть не ежедневно нашимъ законодательнымъ учрежденіямъ приходится сталкиваться съ вопросомъ о принципахъ государственнаго вмѣшательства и такъ или иначе его рѣшать. Въ самомъ дѣлѣ входятъ ли, напримѣръ, въ предѣлы государственнаго вмѣшательства заботы о предоставленіи безработнымъ рабочимъ, или о призрѣніи нищихъ, какъ входили эти заботы въ сферу дѣятельности средневѣковыхъ цеховъ или церкви и монастырей? Какъ извѣстно, монастыри сыграли огромную роль въ хозяйственной и вообще въ общественной жизни средневѣковья. Они играли значительную роль въ промышленности, въ обращеніи въ цвѣтущія нивы и луга большой части европейскихъ земель. Нигдѣ земледѣліе не дѣлало такихъ успѣховъ, какъ на монастырскихъ земляхъ. Все это имѣло своимъ послѣдствіемъ то, что монастыри обогащались и чрезъ свое богатство имѣли большое значеніе въ области благотворенія, а также сдѣлались разсадниками знаній. Когда началось упраздненіе монастырей, которому предшествовало значительное движеніе общественной мысли, направленное къ этому упраздненію, то мало по малу исчезли благотворители, дававшіе пріюты бездомнымъ, кормильцы нищихъ и бродягъ. А такъ какъ упраздненіе монастырей совпало съ крупными измѣненіями въ городскомъ хозяйствѣ (въ родѣ обезземеленія англійскаго крестьянства), то началось въ небывалыхъ размѣрахъ развитіе бродяжничества, принявшаго уже въ XIУ и XУII вѣкахъ характеръ хулиганства.

Газеты того времени, содержавшія, главнымъ образомъ, фактическій матеріалъ, брошюры, носившія характеръ памфлетовъ, не мало удѣляли мѣста и для обсужденія вопросовъ практическаго и теоретическаго характера, связанныхъ съ бродяжничествомъ. Обширная брошюрная литература была посвящена вопросу о способахъ борьбы съ бродяжничествомъ. Какъ видно, изъ этой литературы, относящейся, между прочимъ, къ царствованію Генриха VIII, вопросъ о бродяжничествѣ былъ кореннымъ вопросомъ, отъ котораго зависѣло будущее англійскаго государства. Правительство въ видахъ уничтоженія бродяжничества начало прибѣгать къ чрезвычайно суровымъ мѣрамъ вплоть до примѣненія смертной казни. Но такъ какъ казнить всѣхъ было нельзя, то вспомнили сперва о колодкахъ: на человѣка уличеннаго въ бродяжничествѣ, надѣвались колодки, затѣмъ прибѣгли къ клейменію: на лбу у бродяги выжигались буквы R, и въ случаѣ его неисправленія бродягу казнили. Всѣми этими мѣрами, конечно, нельзя было уничтожить бродяжничество, которое продолжало развиваться. Тогда отъ карательныхъ мѣръ перешли къ другимъ. Вспомните, что при упраздненіи монастырской собственности было пролито много чернилъ при обсужденіи той темы, что монастыри, хоть и обслуживали нужды нищихъ и обездоленныхъ, но государство, когда упразднитъ монастыри, сможетъ лучше достигнуть цѣли поддержанія благосостоянія обнищавшихъ англійскихъ гражданъ, государство - же отобравъ земли у монастырей, отдастъ ихъ сельскому пролетаріату, государство лучше будетъ заботиться о просвѣщеніи народа и т.д. Но, когда съ нѣкоторой поспѣшностью, было продано съ молотка имущество монастырей, то полученныя суммы пошли на пополненіе государственной казны, на военные расходы короля Генриха VIII, на покрытіе издержекъ двора, которыя росли по мѣрѣ того, какъ король становился болѣе развратнымъ и безпутнымъ. Въ результатѣ оказалось, что денегъ и земли для раздачи неимущимъ нѣтъ, что денегъ на устройство школъ тоже не имѣется.

Итакъ монастырская собственность была секуляризована, а денегъ у государства для служенія тѣмъ задачамъ, которымъ служила церковь, не сказалось. Издали, правда законъ о томъ, что государство, какъ послѣдующее миссіи церкви, должно итти на помощь нищимъ и обездоленнымъ, но такъ ничего и не было сдѣлано для прове-

денія въ жизнь этого закона.

Нѣсколько позднѣе додумались до другого, и въ царствованіе Елизаветы эта новая мысль была проведена съ большой послѣдовательностью. Вспомните, что и послѣ упраздненія монастырскихъ земель остались храмы католическіе, храмы протестанскіе и другихъ религіозныхъ группъ, храмы разбросанные на протяженіи всей Англіи. При всякомъ храмѣ былъ приходъ и имѣлся священникъ, одно время выбираемый прихожанами, а затѣмъ назначаемый епископской властью. Такъ какъ нужно было слѣдить за благолѣпіемъ храма, то въ помощь священнику выбирался или назначался староста изъ прихожанъ. И тотъ и другой нуждались въ деньгахъ. Священнику нужно было собрать деньги съ прихожанъ на содержаніе храма, а сдѣлать это можно было лучше всего, собравъ весь приходъ и разъяснивъ ему положеніе дѣлъ. Такъ какъ прихожанамъ не всегда было удобно собираться то они выдѣляли изъ своей среды одну или двѣ комиссіи. Въ результатѣ создалась организація, которая заботилась, между прочимъ, и о доставленіи работы нуждающимся въ ней. Каждый приходъ собирался на собранія двоякаго рода: 1) общее собраніе, которое собиралось внѣ храма у церковной паперти и называлось „открытая ризница" и II) болѣе тѣсное собраніе, выбираемое прихожанами, которое собиралось не въ самомъ храмѣ, а въ той его части, гдѣ хранились ризы-„закрытая ризница". Къ этимъ собраніямъ присоединялась единоличная власть священника и выбираемаго приходомъ церковнаго старосты. И вотъ парламентъ рѣшилъ, что нужно возложить на этихъ двухъ лицъ заботу о пріисканіи средствъ для содержанія каждымъ приходомъ его нищихъ. Этимъ достигались двѣ цѣли; такъ какъ содержаніе неимущихъ или безработныхъ возложено было на приходъ, то понятное дѣло, что всѣ приходы были озабочены выселить изъ своихъ предѣловъ нищихъ въ тѣ приходы, въ которыхъ они родились, а съ другой стороны явилась возможность найти средства для пропитанія неимущихъ. Вскорѣ оказалось, что единственнымъ средствомъ достигнуть этой цѣли является обложеніе прихожанъ налогомъ на содержаніе нищихъ, который получилъ названіе „сбора на нищихъ" Такъ какъ церковному старостѣ и священнику, и безъ того заваленнымъ своимъ дѣломъ, трудно было справиться съ тѣмъ сложнымъ занятіемъ, какое представляетъ наблюденіе за этимъ сбо-

ромъ и за тратою поступающихъ въ казну денегъ, то въ помощь имъ были учреждены еще двѣ должности, должности двухъ „надзирателей за бѣдными. Эта должность была выборная, и такъ какъ, кромѣ того она совершенно не оплачивались, то эту должность въ большинствѣ случаевъ занимали люди болѣе или менѣе состоятельные. Такимъ образомъ, возникла организація призрѣнія приходомъ его нищихъ съ цѣлью искорененія бродяжничества въ Англіи.

Въ какой же формѣ нужно доставлять помощь неимущимъ и безработнымъ? Уже въ царствованіе Елизаветы пришли къ рѣшенію доставлять эту помощь въ формѣ работы. Такъ какъ въ интересахъ каждаго прихода было сократить число бродягъ, то во всѣхъ приходахъ были устроены особые „дома для нищихъ", которые были по своему типу очень близки къ тюрьмамъ - состоятельство, по видимостямъ, очень мало способствовавшее развитію бродяжничества. Англичане времени Елизаветы думали, что дома эти не будутъ особенно переполнены, но по мѣрѣ того какъ происходилъ процессъ концентраціи капиталовъ и земельной собственности, когда началась такъ называемая великая революція въ области промышленности и увеличила среду рабочаго пролетаріата, то очевидно, что всякаго рода промышленные кризисы выбрасывали изъ фабрикъ огромное число лицъ, которымъ не оставалось другого средства просуществовать, какъ попасть въ „дома для нищихъ". Приходы стали роптать, указывая на то, что ихъ средствъ не хватаетъ на содержаніе рабочихъ домовъ въ надлежащемъ количествѣ, и тогда въ царствованіе Георга III былъ изданъ законъ извѣстный подъ названіемъ Гильбертовскаго акта. Гильбертовскій актъ предоставлялъ приходамъ право образовывать уніи и на общія средства содержать рабочіе дома(этотъ актъ является въ Англіи первымъ по времени факультативнымъ закономъ). Но число пролетаріевъ безработныхъ и нуждающихся въ помощи со стороны приходовъ стало расти тѣмъ не менѣе такъ быстро, что и при существованіи этихъ уній средствъ было недостаточно. Пришлось создать еще новую должность, должность „смотрителя за бѣдными", который назначается отъ уніи или отъ соединенія приходовъ и который распредѣляетъ между отдѣльными приходами издержки по содержанію рабочихъ домовъ. Но и эта мѣра не помогла, число нуждающихся въ помощи продолжало расти, и мало по малу стало ясно, что нельзя ограничиться одной помощью въ стѣнахъ рабочихъ домовъ, а

къ этому необходимо присоединить еще помощь внѣ стѣнъ этихъ домовъ, т.е. доставлять пищу и нѣкоторую сумму денегъ людямъ, которые и желали бы попасть въ рабочіе дома, но не могутъ сдѣлаться ихъ квартирантами, такъ какъ они были переполнены. Это обстоятельство встрѣчено было не безъ нѣкотораго удовольствія, сознательнаго, ато и безсознательнаго, промышленниками, фабрикантами и заводчиками. Тогда держалась еще теорія, которую повторилъ впослѣдствіи Л А С С А Л Ь , которую защищали теорія фонда заработной платы и теорія паденія заработной платы до минимума средствъ существованія. Эта помощь внѣ стѣнъ домовъ для рабочихъ открывала возможность понижать заработную плату ниже этого минимума, такъ какъ недостачи въ заработной платѣ покрывались деньгами, которыя шли изъ приходской казны. Тогда, начиная съ 1885 года, само законодательство вмѣшалось въ дѣло помощи неимущимъ. Въ 1835 году былъ изданъ законъ, внесшій значительныя измѣненія въ систему призрѣнія неимущихъ, ставшій на ту точку зрѣнія, что на призрѣніе внѣ стѣнъ рабочихъ домовъ должно обращаться меньше вниманія, что нужно доставлять работу безработнымъ, а не ссужать ихъ деньгами изъ приходской казны. Если Вы вспомните, что въ Англіи уже при Елизаветѣ дѣлались попытки помощи безработнымъ, что М о н т е с к ь е , посѣтившій Англію, имѣлъ возможность ознакомиться съ организаціей этой помощи, или что во Франціи въ XVI столѣтіи существуютъ habiteau, предназначенныя для помощи безработнымъ, то Вамъ станетъ понятнымъ происхожденіе той главы «Духа законовъ", которая посвящена этимъ habiteau. Вотъ почему Монтескье можно считать однимъ изъ родоначальниковъ ученія, очень радикальнаго въ глазахъ современной буржуазіи, ученіе о томъ, что государство обязано доставлять своимъ гражданамъ, не имѣющимъ къ чемуприложить свой трудъ, необходимыя для существованія средства, давая работу безработнымъ. Неправы поэтому тѣ ученые, которые высказываютъ взглядъ, что теорія права на трудъ не могла быть защищаема Монтескье, писателемъ, котораго нельзя внести въ списокъ радикаловъ, писателемъ, которому правительства различныхъ государствъ, не исключая и правительства и Георга III, платили пенсіи. Вопреки этому мнѣнію, необходимо признать, что Монтескье и Тюрго были дѣйствительными родоначальниками теоріи, высказывается въ пользу признанія

Общее ученіе о государствѣ.
Изд. Студ. Кассы Взаимопом.
Литографія Трофимова.

Проф. М.М.КОВАЛЕВСКАГО.
СПБ. Политехн. Институтъ.
СПБ. Можайская 3. Л. 13.

Составитель Филипп

за государствомъ обязанности спѣшить на помощь неимущимъ въ формѣ доставленія работы. Если Вы примете во вниманіе, что эта теорія до сихъ поръ является оффиціозными сферами непоощряемой, то Вы поймете до какой степени ново было то движеніе, которое сперва охватило Англію, а затѣмъ всѣ другія протестантскія страны, Швецію, Пруссію и другія, которое нигдѣ не достигло такого значенія и силы, какъ въ Англіи, которая прежде всѣхъ другихъ государствъ вступила на путь промышленнаго развитія, движеніе, основное требованіе котораго выражалось словами: государство должно помогать безработнымъ. И это движеніе не только отразилось въ сочиненіи Монтескье, но и въ практической дѣятельности Тюрго, когда онъ, въ качествѣ интенданта одной изъ французскихъ провинцій строилъ дороги съ помощью дешеваго труда безработныхъ и, такимъ образомъ, давалъ возможность пропитать безработныхъ и осуществляя предпріятія, давно неотложныя, при условіяхъ чрезвычайно благопріятныхъ для государственной казны. Это обстоятельство въ значительной степени выдвинуло его изъ среды современниковъ и быть можетъ, помогло ему занять постъ министра Людовика XVI. Съ этого времени былъ поставленъ вопросъ о необходимости для государства расширить свои функціи, распространивъ ихъ на ту сферу дѣятельности, которая называется б л а г о у с т р о й с т в о м ъ. Въ формѣ предоставленія безработнымъ работы впервые возникаетъ забота государства о благоустройствѣ.

Въ эпоху Учредительнаго Собранія въ числѣ задачъ государства выдвигается уже и забота о доставленіи помощи нуждающимся въ трудѣ. А такъ какъ эта забота соотвѣтствуетъ и праву нуждающагося въ трудѣ получить этотъ трудъ, то неудивительно, если изъ признанія этой обязанности государстеа заботиться о неимущихъ возникло ученіе о правѣ на трудъ. Это ученіе получило впервые письменное признаніе въ декларацiи не 1789 года, а въ декларацiи 1793 года,- обстоятельство, которое позволило Бентаму утверждать, что все движеніе направленное въ сторону признанія необходимости обезпеченія права каждаго на трудъ, идетъ изъ Англіи. Признанное въ эпоху великой французской революціи право на трудъ отрицается въ эпоху разнаго рода реставрацій (реставрацiи Бурбоновъ, іюльской монархіи), признается и го-

рячо защищается Л у и Б л а н о м ъ въ эпоху національнаго собранія (1871 - 5 г.) и въ настоящее время все болѣе и болѣе входитъ въ программы радикальныхъ и соціалистическихъ партій. И въ дни, не такъ далекіе отъ насъ, у писателей, враждебно относящихся къ соціализму, напримѣръ у Герберта Спенсера, въ сочиненіи „Человѣкъ противъ государства" и „Грядущее рабство" можно встрѣтить признаніе, если не права гражданина на трудъ, то обязанности государства спѣшить на помощь нуждающимся доставленіемъ имъ средствъ къ жизни въ формѣ труда.

Другая сфера дѣятельности, съ которой государство выступило на помощь индивидуальной иниціативѣ и иниціативѣ частныхъ сообществъ и выступило весьма поздно, и которая является осуществленіемъ миссіи, ранѣе принадлежавшей церкви, - это о б л а с т ь н а р о д н а г о о б р а з о в а н і я. Народное образованіе въ средніе вѣка было или предметомъ дѣятельности церкви, или предметомъ дѣятельности частныхъ лицъ и частныхъ союзовъ. Если Вы разберетесь въ тѣхъ грамотахъ, которыми были созданы отдѣльные колледжи въ Оксфордѣ, то Вы увидите, что начало этимъ колледжамъ было положено пожертвованіями въ завѣщательной формѣ или въ формѣ дарственной, богатыхъ лордовъ, богатыхъ купцовъ, богатыхъ епископовъ, богатыхъ судей, богатыхъ землевладѣльцевъ. Во времени Эдуарда VI, т.е. въ половинѣ XVI столѣтія еще нашелся въ Англіи купецъ изъ Сити, который оставилъ значительныя средства для созданія такого колледжа, въ которомъ бы обучались дѣти лицъ, принадлежащихъ къ Лондонской Сити, и такъ какъ всякій баронъ, да и не только баронъ, но и купецъ имѣетъ свои фантазіи - то онъ ввелъ въ свое завѣщаніе слѣдующее условіе: ученики его школы непремѣнно должны носить опредѣленнаго покроя балахоны и не носить шапокъ.

Это условіе исполняется и донынѣ. По волѣ завѣщателей англійскіе колледжи въ такой же степени среднія учебныя заведенія, какъ и высшія. Кромѣ того, въ меньшемъ числѣ устраивало школы церковь - явленіе, съ которымъ можно встрѣтиться и въ настоящее время во многихъ католическихъ странахъ. Въ Англіи до 1870 года, когда впервые государству пришлось прійти на помощь народному образованію, существовали университеты, содержавшіеся на средства частныхъ обществъ, если не считать уни-

верситета, созданнаго въ Шотландіи при участіи государственной власти и нѣсколькихъ другихъ университетовъ созданныхъ на средства городовъ, напримѣръ, знаменитый колледжъ въ Манчестерѣ. Въ Англіи же частными сообществами организовывались школы грамоты и воскресныя школы, представлявшія, впрочемъ, въ большинствѣ случаевъ довольно печальное явленіе.

Поэтому неудивительно, если въ средѣ англійскихъ радикаловъ нашлись люди, которые много потрудились для доказательства необходимости государственнаго вмѣшательства въ область народнаго образованія, хотя бы въ формѣ помощи на постройку школъ, а не на содержаніе ихъ. То обстоятельство, что въ протестанскихъ странахъ чтеніе библіи признается обязательнымъ для каждаго вѣрующаго христіанина, тогда какъ, наоборотъ, въ католическихъ странахъ чтеніе Библіи дозволяется только духовенству и то на латинскомъ языкѣ, мало понятномъ широкимъ кругамъ прихожанъ явилось причиной того, что протестанскія государства очень рано стали заботиться о народномъ образованіи.

Никто не отнесся къ этому вопросу такъ серьезно, какъ сѣверо - американскія христіанскія секты. Еще ранѣе проведенія нынѣ дѣйствующей конституціи 1787 года, бывшія колоніи Англіи, отдѣлившіяся отъ нея и образовавшія конфедерацію 13 самостоятельныхъ штатовъ рѣшили пожертвовать въ пользу возникавшаго общаго правительства свои земли лежащія къ западу отъ Аллеганской горной цѣпи. Вся площадь къ востоку отъ Аллеганъ была болѣе или менѣе заселенной, тогда какъ въ области къ западу отъ нихъ европейскія поселенія являлись только рѣдкими оазисами. Какъ только общее правительство получило въ свое распоряженіе эти земли, оно озаботилось привлеченіемъ на нихъ колонистовъ. Эта территорія росла по мѣрѣ захватовъ и покупки земли у испанцевъ, по мѣрѣ вытѣсненія индѣйцевъ, и въ предѣлахъ этой территоріи стали возникать новыя земли и новые штаты. Въ прежнее время было принято постановленіе, что прежде, чѣмъ распродавать эту землю, новымъ пришельцамъ, необходимо выдѣлить изъ общей площади земли области въ 36 кв. миль, размежевать всю землю на отдѣльные участки, размѣромъ въ 36 кв. миль. Только тогда, когда эти об-

ласти будутъ выдѣлены, можно будетъ пустить ихъ въ продажу, причемъ продавать не всю землю: одна изъ 36 кв. миль должна быть предназначена на цѣли народнаго образованія. Эту квадратную милю, предназначенную на нужды народнаго образованія разрѣшалось пускать въ оборотъ въ формѣ продажи или сдачи въ наемъ только тогда, когда число поселенцевъ настолько возрастетъ, что возникнетъ и приметъ значительные размѣры рента на эту землю. Эти земли образовали такъ называемый, школьный фондъ". На средства этого фонда устраивались школы - гимназіи, а въ тѣхъ штатахъ, въ которыхъ явилась необходимость и въ высшемъ образованіи изъ 36 кв. миль еще одна за №16 поступала въ вѣдѣніе опять таки министерства народнаго образованія и шла на цѣли созданія государственныхъ университетовъ.

Если Вы прибавите къ этому, что рядомъ съ дѣятельностью правительства Соединенныхъ Штатовъ Сѣверной Америки по созданію университетовъ обще - государственныхъ имѣлась еще такого же характера дѣятельность правительствъ отдѣльныхъ татовъ и дѣятельность частныхъ лицъ (университетъ въ Чикаго), то окажется, что Америка есть та страна, которая вслѣдъ за Германіей имѣетъ наибольшее число университетовъ, если принять во вниманіе пропорціональное отношеніе числа университетовъ къ населенію. Изъ сказаннаго ясно, почему именно въ Америкѣ зародилось ученіе, которое находитъ горячихъ приверженцевъ и въ Англіи и которое проникаетъ и на континентъ Европы, ученіе, которое тѣсно связано съ расширеніемъ сферы государственнаго вмѣшательства, ученіе, что государство должно обезпечить всѣмъ своимъ совершеннолѣтнимъ гражданамъ возможность вступить въ борьбу за существованіе въ равныхъ условіяхъ, т.е. запастить одинаковыми знаніями, доходящими до такого уровня, при которомъ человѣкъ путемъ самообразованія можетъ самостоятельно пріобрѣтать необходимыя свѣдѣнія, знаніями общими, не только начальными. Это ученіе находитъ свое выраженіе въ движеніи, направленномъ къ созданію народныхъ университетовъ и народныхъ школъ.

Общій выводъ изъ всего вышеизложеннаго состоитъ въ признаніи того историческаго закона, что съ успѣхами гражданственности возрастаетъ и вмѣшательство государства и что причиной его расширенія является, съ одной стороны осложненіе общественныхъ отношеній, а съ другой постепенное принятіе на себя государствомъ тѣхъ задачъ, которыя нѣкогда осуществлялись были тѣ-

кими общежительными союзами, какъ семья, родъ община, церковь и т.д.

Изъ этого послѣдняго положенія въ свою очередь слѣдуетъ тотъ выводъ, что расширеніе предѣловъ государственнаго вмѣшательства не всегда равнозначительно съ ограниченіемъ свободы индивида.

------ooooooOOOOOOoooooo---;--

Глава VI.

УЧЕНІЕ О ФОРМАХЪ ПРАВЛЕНІЯ.

Верховная власть, какъ въ политически-централизованныхъ, такъ и въ федеративныхъ государствахъ, можетъ принадлежать въ совокупности всему народу безъ различія кастъ, сословій или классовъ, такимъ образомъ, что каждое изъ нихъ, признается къ большему или меньшему участію въ немъ; или же наоборотъ, одна какая нибудь каста, сословіе или классъ, можетъ сосредоточивать въ своихъ рукахъ всецѣло права верховной власти.

Гораздо ранѣе Аристотеля было замѣчено, что есть государства съ однимъ главою, есть государства, въ которыхъ царствуетъ группа лицъ, считающихъ себя по рожденію призванными къ осуществленію власти, и есть государства, гдѣ верховная власть принадлежитъ всему народу.

Монархическая форма правленія въ Греціи выступала на первыхъ порахъ въ видѣ организаціи легендарнаго характера. Вспомните о Кекропсѣ, о которомъ имѣется болѣе легендарныхъ свѣдѣній чѣмъ фактовъ, и про котораго говорили, что онъ ввелъ институтъ брака, до него неизвѣстный, научилъ грековъ земледѣлію, кораблестроенію и т.д. Лицу мифическому приписывается все то, чему нельзя найти прямого объясненія. А, между тѣмъ, несомнѣнно, что только благодаря постепенному развитію общественной жизни выработались такіе, не существовавшіе на болѣе раннихъ ступеняхъ развитія, институты семейнаго права, какъ бракъ. О Тезеѣ, очистившемъ Эгейское море отъ разбойниковъ, имѣются тоже мифическія представленія, но и его считали представителемъ монархической власти.

Но уже съ того момента, когда начинается историческая эпоха, мы встрѣчаемся въ Афинахъ съ владычествомъ евпатридовъ, т.е. людей, которые въ силу своего рожденія считали себя призванными управлять прочими своими соотечественниками. Если мы обратимся къ Спратѣ, то и тамъ въ историческій періодъ, который трудно вести иначе, какъ отъ Ликурга, котораго (Ликургъ) тоже,

пожалуй, - лицо мифическое, монархъ въ лицѣ двухъ королей является властью, сильно ограниченной сенатомъ, или такъ называемымъ, В у л э . На нѣкоторомъ разстояніи появляется власть эфоровъ, которые берутся изъ того слоя населенія, который мы можемъ назвать зажиточной буржуазіей. Если Вы примете все это во вниманіе, Вамъ станетъ ясна причина, по которой греческіе политическіе мыслители были убѣждены въ томъ, что къ монархіямъ можно относить только тѣ формы правленія, которыя свойственны цивилизованнымъ націямъ, а такими цивилизованными націями эллины считали только себя - эллиновъ, всѣ же остальныя націи считали націями варварскими.

Можно сказать, что теорія монархіи, какъ правильной формы политическаго устройства въ такой же степени, какъ аристократія и демократія, складывается послѣ того, какъ македонская монархія завоевала себѣ признаніе и подчинила своему руководительству прочія государства Греціи, и въ особенности съ тѣхъ поръ, какъ Александру Македонскому, сыну Филиппа удалось до нѣкоторой степени осуществить впервые въ мірѣ тотъ идеалъ всемірной монархіи, къ которому стремился Киръ персидскій, а еще ранѣе правители А с с р о - В а в и л о н с к а г о царства. И этимъ объясняется, почему не у кого другого, а именно у учителя Александра Македонскаго, у А р и с т о т е л я мы встрѣчаемся съ той ходячей теоріей, что формы правленія можно подвести подъ три группы: м о н а р х і и, а р и с т о к р а т і и и д е м о к р а т і и, которыя у Аристотеля еще слывутъ подъ названіемъ п о л и т і и.

Отличительной особенностью древней теоріи объ образѣ политическаго устройства является то, что критеріемъ она выставляла чисто внѣшній объективный признакъ: правитъ ли государь, или цѣлая группа лицъ, или чернь въ интересахъ всего государства и всего его населенія, или въ своихъ личныхъ интересахъ, т. е. въ интересахъ самого монарха и его династіи, въ интересахъ меньшинства людей родовитыхъ или людей очень богатыхъ и, наконецъ, въ интересахъ черни. Отсюда сложившееся уже въ древности и повліявшая на политическую мысль среднихъ вѣковъ и, можно сказать, даже позднѣе - эпохи возрожденія ученія о томъ, что всякой п р а в и л ь н о й ф о р м о й п р а в л е н і я о т в ѣ ч а е т ъ н е п р а в и л ь н а я. Если монархъ

управляетъ страной въ интересахъ всѣхъ ея жителей, всѣхъ своихъ подданныхъ, тогда мы имѣемъ дѣло съ м о н а р х і е й. Если же единоличный правитель управляетъ страной въ своихъ династическихъ интересахъ, или даже въ своихъ личныхъ интересахъ, преслѣдуя не общее благо, а благо частное, то въ такомъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ т и р а н і е й.

Значитъ правильной формой политическаго устройства - м о н а р х і и соотвѣтствуетъ неправильная - т и р а н і я. Далѣе. Если лица, выдающіяся по своему рожденію править страной въ интересахъ общаго блага, откладывая мысль объ обогащеніи и заботясь только о процвѣтаніи страны, мы имѣемъ дѣло съ правильной формой политическаго устройства - а р и с т о к р а т і е й. Если, наоборотъ, родовитыя семьи пользуются властью для того, чтобы обогащаться, пользуются въ интересахъ самихъ семей, входящихъ въ составъ правящаго класса, то тогда мы имѣемъ дѣло съ неправильной формой правленія, которая называется греками о л и г а р х і е й. Если народъ управляетъ государствомъ въ интересахъ общаго блага, мы имѣемъ дѣло съ той формой политическаго устройства, которую Аристотель могъ наблюдать въ Аѳинахъ и которую онъ назвалъ п о л и т і е й, и Полибій впослѣдствіи переименовалъ въ д е м о к р а т і ю. А если одна чернь правитъ только въ интересахъ черни съ цѣлью отобрать отъ богатыхъ имущества и отнять у нихъ власть, то мы имѣемъ дѣло съ неправильной формой политическаго устройства - о х л о к р а т і е й.

Вотъ все, что было сказано древними по вопросу о формахъ правленія. Къ этому нужно прибавить, что простого наблюденія было достаточно для того, чтобы усомниться въ возможности подогнать всѣ формы политическаго устройства подъ эти правильныя и неправильныя шесть формъ. Напримѣръ, обращая вниманіе на порядки, державшіеся въ древней Спартѣ и Римѣ, древніе греческіе философы и римскіе ораторы, набравшіеся греческой мудрости, должны были констатировать тотъ фактъ, что въ Спартѣ имѣются два короля, которые большой власти не имѣютъ, имѣется аристократическій сенатъ, имѣются сановники уже не изъ аристократическихъ родовъ, а изъ того, что мы можемъ назвать зажиточной буржуазіей, народные сановники-эфоры, которые начинаютъ пріобрѣтать все большую власть и по отношенію къ королямъ, на-

чиная выступать въ роли дядекъ королей, и подчасъ очень непріятныхъ дядекъ, сдерживавшихъ произволъ королей и заставлявшихъ ихъ отказываться отъ той или иной мѣры, которую они желали бы провести, наконецъ имѣются остатки народнаго собранія, болѣе или менѣе близкаго къ тому народному собранію, которое въ Гомеровской Греціи дѣлило власть съ греческими королями.

Явилось ученіе о томъ, что спартанскіе порядки нельзя подвести подъ общее понятіе монархіи или тираніи, аристократіи или олигархіи. Сравнили эти порядки съ римскими - особенно занимались этимъ П о л и б і й и Ц и ц е р о н ъ - и нашли, что въ Римѣ въ эпоху республики, рядомъ съ патриціанскими и плебейскими комиціями были консулы, были трибуны и былъ сенатъ. Подъ что это подходитъ? Трудно подвести такіе порядки подъ монархію, такъ какъ здѣсь отъ монарха осталось нѣсколько консуловъ съ властью значительно меньшей той, которая принадлежитъ монарху. Говорить объ аристократіи въ то время, когда плебейскія собранія имѣли своихъ трибуновъ, тоже было нельзя. Во что же уложить эти формы политическаго устройства? Стали говорить о с м ѣ ш а н н ы х ъ ф о р м а х ъ п о л и т и ч е с к а г о у с т р о й с т в а, о такомъ образѣ правленія, при которомъ всѣ три элемента: м о н а р х и ч е с к і й, а р и с т о к р а т и ч е с к і й и д е м о к р а т и ч е с к і й, или по крайней мѣрѣ два: а р и с т о к р а т і я и н а р о д ъ призваны къ раздѣленію функцій государственной власти. Когда появилась имперія, въ особенности въ первый періодъ ея существованія, когда А в г у с т ъ забралъ всю власть въ свои руки, : нисколько не настаивая на томъ, чтобы его считали монархомъ, въ это время говорить о томъ, что монархическій элементъ до нѣкоторой степени входитъ въ составъ римскихъ порядковъ, что таковой имѣлся уже при С у л л ѣ, П о м п е ѣ и Ц е з а р ѣ, а теперь существуетъ при А в г у с т ѣ. Явилось ученіе о смѣшанныхъ формахъ правленія, которое у греческихъ писателей, жившихъ въ эпоху римской имперіи: П о л и б і я, точно такъ же, какъ и у П л у т а р х а находитъ себѣ признаніе. Т а ц и т ъ, который живетъ позднѣе и знаетъ, что третья власть проглотила два первые элементы власти, говоритъ о томъ, что наилучшей формой правленія является, конечно, форма смѣшанная, но къ сожалѣнію она недолговѣчна.

И на этомъ замираетъ политическая мысль древности, занятая вопросомъ о формахъ политическаго устройства.

Когда возрождается политическая мысль на Западѣ - что происходитъ не скоро -, порядки, установившіеся на землѣ, считаются настолько мало отвѣчающими справедливости, что самый выдающійся изъ церковныхъ писателей, котораго православная церковь называетъ блаженнымъ, а католическая святымъ, А в г у с т и н ъ въ своемъ сочиненіи „О Г О С У Д А Р С Т В Ѣ Б О Ж Ь Е М Ъ" (De civitate Dei) противополагаетъ этимъ порядкамъ, государство, которое ему рисуется въ образѣ теократіи, главой которой является добродѣтель и, сравнивая это „Б о ж ь е г о с у д а р с т в о", не существующее на землѣ съ земными государствами, говоритъ о послѣднихъ: царства безъ справедливости не болѣе, какъ великія разбойничьи шайки. Вотъ на какую точку зрѣнія становится человѣкъ, еще проникнутый столько же христіанскимъ міросозерцаніемъ, сколько и греко-римскою мыслью. Правильной формой правленія является только одно царство Божье на небесахъ.

Затѣмъ настаетъ періодъ, когда вопросъ о формахъ политическаго устройства отходитъ на задній планъ, уступая мѣсто вопросу о томъ, кому принадлежитъ власть - папамъ или императору, или нужно раздѣлить власть между ними, предоставивъ духовный мечъ папѣ, а свѣтскій мечъ императору.

Въ сочиненіи І о а н н а С о л и с б е р і й с к а г о „П О Л И К Р А Т І Я" до нѣкоторой степени возрождается древняя политическая мысль. Такъ какъ онъ современникъ Г е н р и х а II, разрѣшившаго убійство главы католическаго духовенства Ѳ о м ы Б е к е т а, съ которымъ самъ І о а н н ъ С о л и с б е р і й с к і й былъ связанъ узами нѣжной дружбы, то въ его изображеніи монархія являлась тираніей, т.е. неправильной формой единовластья. Имъ высказывается то ученіе, которое затѣмъ на всѣ лады повторяла католическая церковь вплоть до М а р і а н ы и С у а р е н а и другихъ іезуитовъ: tiranus est accidentus, т.е. папы имѣютъ не только право отрѣшать отъ власти монарховъ, но и рекомендовать тѣ дѣйствія, которыя даютъ монарху возможность понести заслуженную кару за свои грѣхи. Отъ І о а н н а С о л и с б е р і й с к а г о мы приходимъ къ писателю, оставившему намъ цѣлый рядъ энциклопедій, которыя онъ назвалъ „з е р ц а л а м и".

Было зерцало наукъ естественныхъ, было зерцало наукъ нравственныхъ, зерцало наукъ историческихъ и, наконецъ, четвертой энциклопедіей являлось зерцало наукъ государственныхъ. Въ этомъ послѣднемъ сочиненіи, гдѣ кое-что списано у Аристотеля, кое-что изъ „П о л и к р а т і и" І о а н н а С о л и с б е р і й с к а г о и изъ П л у т а р х а, въ общихъ чертахъ дается извѣстная уже изъ древности классификація формъ политическаго устройства на монархіи, вырождающіяся въ тираніи, аристократію, вырождающуюся въ олигархію, и демократію, при извѣстныхъ условіяхъ, превращающуюся въ охлократію.

Замѣтьте, что ни у кого изъ первыхъ схоластиковъ нѣтъ упоминанія о смѣшанной формѣ политическаго устройства, съ одной стороны, потому что ихъ не предоставляла жизнь - это былъ періодъ варварскихъ королевствъ, предшествовавшій возникновенію сословныхъ палатъ -, и во вторыхъ, не было возможности познакомиться съ тѣми сочиненіями древности, которыя говорили о смѣшанной формѣ правленія. Аристотелева „П о л и т и к а" и даже трактатъ Цицерона „D e r e p u b l i c a" были почти совершенно неизвѣстны. Только въ серединѣ XIII столѣтія, когда появилась арабская передача великимъ арабскимъ ученымъ А в е р р о э с о м ъ мыслей А р и с т о т е л я, впервые стала проникать въ сознаніе европейскаго общества греческая мысль. Въ XIII столѣтіи выступилъ на поприщѣ научной и литературной дѣятельности Ф о м а А к в и н а т ъ, философія котораго до сихъ поръ преподается въ семинаріяхъ городовъ Р и м а и В а р с е л о н ы. Этотъ „а н г е л ь е к і й у ч и т е л ь" проникаетъ въ родникъ греческой мысли, самъ съ греческаго языка переводитъ на латинскій „Политику" Аристотеля и пользуется ею для своихъ двухъ трактатовъ: „S u m m a t h e o l o g i a e" и D e r e g i m i n e p r i n c i p i i" (О владычествѣ князя). Когда онъ знакомился съ Аристотелемъ, его вниманіе привлекло то, что рядомъ съ простыми формами государства есть и смѣшанныя, въ которыхъ власть осуществляется и монархомъ, и аристократіей, и демосомъ. Онъ особенно остановился на этой мысли потому, что заинтересовался опредѣленіемъ тѣхъ порядковъ, которые въ то время господствовали и въ Неаполитанско-Сицилійскомъ королевствѣ и въ Святой Германо-Римской Имперіи, возстановленной К а р л о м ъ В е л и к и м ъ, распавшейся на три части

послѣ его смерти и затѣмъ снова возстановленной О т т о н о м ъ В е л и к и м ъ и Г о г е н ш т а у ф е н а м и. Въ XIII вѣкѣ, изучая эти порядки онъ отмѣчаетъ, что сословія имперіи, равно какъ и сословія Неополитанско-Сицилійскаго королевства участвуютъ въ обсужденіи бюджета и въ осуществленіи государственной власти. Затѣмъ, въ этихъ государствахъ на лицо монархъ, которымъ можетъ быть и Фридрихъ II Гогенштауфенъ, и ординарный правитель Сициліи, и императоръ Священной Римской Имперіи. Наконецъ, допускается представительство отъ городовъ и даже отъ населенія деревень, слѣдовательно, отъ демоса. Все это вмѣстѣ взятое позволяетъ сопоставить эти порядки Священной Римской Имперіи съ порядками Спарты и Рима, и вотъ Ф о м а А к в и н а т ъ, въ тѣсномъ общеніи съ Аристотелемъ и вообще ученіемъ древнихъ, въ серединѣ XIII вѣка строитъ вновь теорію о правильныхъ формахъ правленія, вырождающихся въ неправильныя и, конечно, наилучшей формой политическаго устройства считаетъ смѣшанную форму, образецъ которой представляетъ въ равной степени Римская республика и Священная Римская Имперія въ томъ видѣ, въ какомъ ея учрежденія существуютъ въ эпоху Гогенштауфеновъ.

Вы видите, такимъ образомъ, какъ просто относятся къ вопросу о формахъ политическаго устройства древніе и средневѣковые мыслители. Они обращаютъ вниманіе только на внѣшній признакъ: стоитъ ли во главѣ государства одно лицо или группа лицъ, или, наконецъ, весь народъ. Когда и тотъ и другой, и третій элементъ принимаетъ участіе въ осуществленіи власти, то говорятъ о смѣшанной формѣ правленія. Дальше этого не идутъ.

Если Вы возьмете образцы другихъ государствъ, напримѣръ венеціанскіе порядки, то что это будетъ м о н а р х і я или р е с п у б л и к а? Какъ будто есть нѣкоторыя данныя для того, чтобы сказать, что здѣсь мы имѣемъ дѣло съ монархіей: во главѣ государства стоитъ дожъ. Германскіе историки, много занимавшіеся вопросомъ о происхожденіи власти дожа, приходятъ къ тому заключенію, что В е н е ц і я въ ранній періодъ ея существованія находилась подъ сильнымъ культурнымъ и политическимъ вліяніемъ В и з а н т і и, и Византійскіе порядки были перенесены въ Венецію. Дожъ - это слабая копія съ византійскаго императора.

Однако, дожъ уже довольно рано не можетъ дѣйствовать иначе, какъ съ помощью двухъ совѣтовъ. Только дѣйствуя заодно съ

совѣтомъ, состоящимъ изъ 40 членовъ, онъ можетъ титуловать себя общимъ названіемъ к н я з я. Не дожъ, какъ таковой - князь, а дожъ въединеніи съ Совѣтомъ есть к н я з ь. Рядомъ съ этимъ Совѣтомъ 40 существуетъ „Б о л ь ш о й С о в ѣ т ъ". Этотъ Совѣтъ становится замкнутымъ съ 1283 года, - обстоятельство, вызванное появленіемъ въ Венеціи моровой язвы. Многіе члены перестали посѣщать засѣданія Совѣта. Тогда правившій въ то время дожъ вмѣстѣ съ оставшимися совѣтниками издалъ постановленіе, что впредь въ „ Б о л ь ш о й С о в ѣ т ъ " будутъ засѣдать потомки только тѣхъ семей, которыя не разбѣжались во время моровой язвы. Это называется „ з а к р ы т і е м ъ н а з а м о к ъ Б о л ь ш о г о С о в ѣ т а д л я р а з б ѣ ж а в ш и х с я и и х ъ п о т о м к о в ъ ". Съ этого времени только извѣстныя семьи засѣдаютъ въ этомъ совѣтѣ. Со временемъ оказывается, что и ихъ слишкомъ много, что и въ ихъ средѣ происходитъ процессъ дифференціаціи: одни семьи - болѣе зажиточны, другія - захудалы. Возникаетъ мысль создать рядомъ съ этимъ учрежденіемъ болѣе тѣсный совѣтъ, и постепенно власть ускользаетъ изъ рукъ Большого Совѣта и переходитъ къ сенату, члены котораго вербуются изъ среды членовъ Большого Совѣта. Наконецъ, когда дожъ М а р и н о Ф а л ь е р и въ 1350 году сдѣлалъ попытку усилить свою власть съ помощью демоса, то былъ назначенъ „ С о в ѣ т ъ 1 0 ", который, забравъ всю власть въ свои руки, приговорилъ этого дожа къ смертной казни за измѣну, отсѣкъ ему голову, и въ „Большомъ Совѣтѣ", гдѣ на стѣнахъ изображены портреты всѣхъ дожей, начиная съ перваго, болѣе или менѣе легендарнаго, и кончая тѣмъ, который изгналъ изъ Венеціи Наполеона I, было оставлено пустое мѣсто, на которомъ значилось: а э т о м ѣ с т о М а р и н о Ф а л ь е р и, к о т о р о м у о т с ѣ к л и г о л о в у з а е г о и з м ѣ н у. Приговорившихъ Марино къ смертной казни было всего 10 человѣкъ, которые вскорѣ нашли, что и десяти много, и избрали комиссію изъ трехъ инквизиторовъ, кототая и сдѣлалась вершительницей всѣхъ дѣлъ въ Венеціи.

Спрашивается, какой же образъ правленія былъ въ Венеціи: м о н а р х і я, а р и с т о к р а т і я, д е м о к р а т і я, с м ѣ ш а н н а я ф о р м а п р а в л е н і я или какая-нибудь иная? Если судить повнѣшнимъ признакамъ, если имѣть

въ виду ту эпоху, когда дожъ Венеціи сочетался бракомъ съ Адріатическимъ моремъ - символическое значеніе этого брака заключалось въ томъ, что при помощи его венеціанцы заявляли, что они считаютъ Адріатическое море закрытымъ для всякаго невенеціанца, - то время, когда дожъ являлся со всѣми признаками внѣшняго благолѣпія: на немъ была золоченная риза, шапка съ рогами также изъ чистаго золота и т.д., когда же онъ принималъ пословъ, входилъ въ сношенія съ иностранными государствами, то, разумѣется, такъ называемая, республика святого Марка съ дожемъ во главѣ, была монархіей. Но если Венеція на первыхъ порахъ своего существованія была монархіей, то не подлежитъ никакому сомнѣнію, что она не являлась таковой въ болѣе позднія времена.

Тогда остановились на мысли, что нужно различать двѣ вещи: кому принадлежитъ верховная власть въ данномъ государствѣ и черезъ посредство кого эта власть осуществляется. Постепенно въ эпоху итальянскаго возрожденія и позднѣе въ XVII и XVIII вѣкахъ возникаетъ и развивается теорія, которая гласитъ, что при опредѣленіи формы правленія, нужно прежде всего ставить вопросъ, въ чьихъ рукахъ находится верховная власть и кѣмъ она осуществляется. Если, напримѣръ поставитъ этотъ вопросъ по отношенію къ Франціи эпохи іюльской монархіи, то трудно будетъ сказать, что эта власть находилась въ рукахъ французскаго народа. Если поставить этотъ вопросъ по отношенію къ Дагомейскому царству, упраздненному Франціей, то въ Дагомеѣ власть принадлежала дагомейскому царю. Если мы перенесемъ эту точку зрѣнія на порядокъ, который существовалъ въ Англіи въ XVII вѣкѣ и ранѣе, то мы должны будемъ сказать, что при Г е н р и х ѣ V I I и при Е л и з а в е т ѣ , когда парламентомъ было признано, что всякій указъ короля равносиленъ парламентскому статуту, власть принадлежала королю. А въ XVIII вѣкѣ, когда министерство Вальполя могло держаться въ теченіе 30 лѣтъ только благодаря системѣ взаимныхъ услугъ, т.е. съ одной стороны, благодаря официальнымъ кандидатурамъ, а съ другой, обѣщаніямъ произвести въ бароны всякаго, кто повліяетъ въ правительственныхъ цѣляхъ на избирателей, тогда власть несомнѣнно принадлежала аристократіи. Ну, а въ настоящее время, когда въ Англіи въ случаѣ конфликта парламента съ правительствомъ, послѣднее распускаетъ парламентъ, обращаясь съ вопросомъ къ странѣ, и выходитъ въ отставку прежде, чѣмъ соберется парламентъ въ новомъ составѣ,

разъ выяснится, что большинство на сторонѣ противниковъ министерства, власть переходитъ или перешла въ руки демократіи.

Эта верховная власть, которая сосредоточивается въ рукахъ различныхъ классовъ и различныхъ сословій, одного или нѣсколькихъ, можетъ осуществляться черезъ посредство наслѣдственнаго или избираемаго правителя. Въ первомъ случаѣ мы будемъ имѣть монархическую форму правленія, во второмъ - республиканскую. Слѣдовательно, нужно различать форму политическаго устройства и форму правленія. Форма политическаго устройства - это тотъ порядокъ, при которомъ высшая власть надъ гражданами сосредоточивается въ рукахъ одного или другого сословія, или тѣхъ или другихъ сословій, того или другого класса, или тѣхъ или другихъ классовъ. А форма правленія отвѣчаетъ на вопросъ, кто управляетъ отъ имени этого класса или сословія, или этихъ классовъ или сословій, управляетъ наслѣдственный правитель, или избираемый.

Поэтому Франція Л ю д о в и к а XIУ была, конечно, монархіей, но верховная власть осуществлялась не однимъ монархомъ, она находилась въ рукахъ дворянства, въ рукахъ духовенства и отчасти въ рукахъ среднихъ сословій. Почему монархія Людовика Филиппа извѣстна подъ названіемъ буржуазной? Да потому, что власть сосредотачивалась въ рукахъ зажиточной буржуазіи, а осуществлялась она черезъ посредство монарха. При высокомъ цензѣ, который существовалъ нѣкогда и въ Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америки, положимъ, въ эпоху В а ш и н г т о н а - когда отъ лица, желающаго попасть въ числс сенаторовъ и членовъ палаты, требовалось владѣніе большимъ земельнымъ имуществомъ, функціи законодательной власти и контроля надъ администраціей, можно сказать, принадлежали высшимъ слоямъ простонародья и буржуазіи - аристократіи не было въ Америкѣ -, а осуществлялись эти функціи не черезъ посредство наслѣдственнаго главы, а черезъ посредство главы избираемаго, и именно президента. Была ли какая-нибудь разница между политическимъ строемъ Соединенныхъ Штатовъ и строемъ, скажемъ, іюльской монархіи, по вопросу о томъ, въ чьихъ рукахъ находится верховная власть? Такой разницы мы констатировать не можемъ. И тамъ и здѣсь верховная власть была въ рукахъ зажиточныхъ слоевъ, только въ одномъ мѣстѣ эта власть осуществлялась черезъ посредство наслѣдственнаго монарха, а въ другой - черезъ посредство избираемаго на четыре года президента.

Англичане, быть можетъ, первые поняли, что нельзя рѣшать вопроса о формахъ правленія исключительно по внѣшнимъ признакамъ. Поэтому, на вопросъ о томъ, кому принадлежитъ верховная власть въ Англіи еще знаменитый судья Кокъ, а занимъ и всѣ современные государствовѣды отвѣчаютъ, что власть принадлежитъ парламенту, который состоитъ изъ короля, палаты лордовъ и палаты общинъ. При этомъ въ извѣстные моменты исторіи первенствующее значеніе имѣетъ король, въ иные моменты первенствующее значеніе принадлежитъ лордамъ, и въ третій моментъ, современный - палатѣ общинъ. Теперь спрашивается, отъ чего зависитъ выборъ той или другой формы политическаго устройства. Это - тотъ вопросъ, который ставятъ себѣ въ различныя времена различные философы-государствовѣды, къ числу которыхъ нужно прежде всего отнести Монтескье. Монтескье признавалъ, что форма политическаго устройства не есть результатъ случая, что она обусловливается цѣлымъ рядомъ факторовъ, изъ числа которыхъ первое мѣсто принадлежитъ обширности территоріи. Ему казалось на основаніи фактовъ древней, средневѣковой и новой исторіи, что въ государствѣ, владѣющимъ обширной территоріей и потому поглощающемъ различныя національности, стоящія на разныхъ ступеняхъ развитія, въ государствѣ, подданные котораго исповѣдуютъ различныя религіи, имѣется большое число разлагающихъ государственное единство элементовъ. Въ виду этого является необходимость въ болѣе сильной и организованной власти для борьбы съ этими разлагающими элементами. Поэтому Монтескье держался той мысли, что обширныя государства должны имѣть сильную, централизованную власть, а она всего сильнѣе и централизованнѣе, когда всѣ нити управленія сходятся въ руки одного человѣка. Онъ полагалъ, ссылаясь на примѣръ древневосточныхъ имперій, Рима, когда этотъ послѣдній поглотилъ весь цивилизованный міръ, имперіи Карла Великаго и имперіи Гогенштауфеновъ, наконецъ имперіи короля-солнца, имперіи Карла У, что при обширности территоріи по мѣрѣ того, какъ государство приближается къ типу всемірной монархіи, его политическій строй всего болѣе долженъ становиться монархическимъ. При этомъ въ угоду древнимъ, которые выставляли чисто нравственный критерій для различенія монархіи и тираніи, Монтескье пола-

---

Составитель Филиппов

галъ, что рядомъ съ монархіей, аристократіей и демократіей нужно поставить еще одну форму, при которой монархъ преслѣдуетъ исключительно свои личныя выгоды или выгоды своей династіи, - деспотію. Когда Вольтеръ вздумалъ написать критику на „Духъ законовъ" Монтескье, то, онъ утверждалъ, что монархія, какъ понималъ ее Монтескье, т.е. монархія безъ всякихъ ограниченій, и деспотія это - два родные брата, близнецы, которыхъ трудно различить другъ отъ друга.

Къ обширности территоріи, выдвигаемой М о н т е с к ь е въ качествѣ фактора, разлагающаго единство государства, въ XIX столѣтіи прибавили новый разлагающій факторъ - нація - (національный вопросъ). Вы знаете, что современныя государства, по крайней мѣрѣ, большинство изъ нихъ, имѣютъ населеніе, чрезвычайно разнородное въ этнографическомъ смыслѣ. Въ основѣ государства лежитъ преобладаніе той или другой этнографической группы. Въ Россіи, напримѣръ преобладаютъ великороссы, малороссы, бѣлороссы надъ финнами, татарами и т.д. Если Вы обратитесь къ Австріи, Вы увидите тамъ еще болѣе смѣшанное населеніе: тутъ и тюркскія племена - мадьяры, тутъ и славяне, далѣе выходцы изъ Швабіи и изъ Саксоніи, положившіе начало нѣмецкому элементу въ этой пограничной области Св. Римской Имперіи, наконецъ, здѣсь же Вы найдете и итальянскій элементъ, населяющій, такъ называемый Тироль съ Тридентомъ во главѣ.

Но нужно сказать, что нельзя смотрѣть на національный принципъ, какъ на принципъ вездѣ и всюду разлагающій государство. Иногда онъ имѣетъ, напротивъ, значеніе государствосозидающаго фактора: такъ было въ Италіи, такъ было и въ Германской Имперіи. Очевидно, что Германская Имперія объединилась на началѣ нѣмецкой расы, точно такъ же, какъ Италія объединилась на началѣ принадлежности жителей Тосканы и Неаполя, Венеціи и Рима къ одной и той же романско-итальянской вѣтви.

Рядомъ съ этимъ національный принципъ несомнѣнно является и разлагающимъ элементомъ, въ особенности въ монархіяхъ, которыя возникли путемъ завоеванія и въ которыхъ не послѣдовало сближенія между различными національностями. Нѣтъ государства, въ которомъ населеніе было бы представлено одной національностью, и нѣтъ народа, который могъ бы ссылаться на чистоту своей природы. При чемъ подчиненныя національности могутъ или амальгамироваться съ остальнымъ населеніемъ или же, благодаря законодательству даннаго государства, сообособиться въ

отдѣльную группу. Такъ было, напримѣръ съ Ирландіей. Вспомните, что только въ 1829 году былъ изданъ актъ объ эмансипаціи католиковъ, и если Вы вдобавокъ къ этому, примете во вниманіе, что въ XVIII вѣкѣ англичане всячесгими мѣрами препятствовали зарожденію промышленности въ Ирландіи, считая, что только они могли заниматься промышленной дѣятельностью, то Вамъ станетъ понятно, почему ирландцы не амальгамировались съ англичанами и обособились въ національную группу рѣзко отличающуюся отъ остальной массы англійскаго населенія.

Возникаетъ вопросъ, какъ вліяетъ смѣшанный національный составъ населенія на усиленіе центральной государственной власти или на ея обособленіе и въ связи съ этимъ на выборъ формы правленія. Въ свое время много надѣлало шуму сочиненіе барона Этвеша подъ названіемъ „Руководящая политическая идея." Авторъ этого сочиненія утверждалъ, что господствующими идеями нашего времени являются : свобода, равенство и національность. Этвешъ говоритъ, что идея свободы и идея равенства были уже извѣстны въ XVIII вѣкѣ и началѣ XIX вѣка; нельзя сказать того же объ идеѣ національности. Можно настаивать, что идея національности есть та идея, которая отличаетъ политическое движеніе XIX столѣтія отъ движенія XVIII вѣка. Этвашъ старался объяснить, почему эта идея восторжествовала только въ тотъ вѣкъ. Онъ указываетъ на то, что торжество народнаго суверенитета или большее или меньшее приближеніе къ нему необходимо сопровождалось сознаніемъ своей самобытности и необходимости самоопредѣленія тѣми различными этнографическими группами, которыя входятъ въ составъ самодержавнаго народа. Однако, когда этнографическія группы обнаруживали весьма понятное желаніе самоопредѣляться въ опредѣленномъ направленіи и сохранить свою культуру, то это теченіе встрѣчалось съ обратнымъ теченіемъ нѣкоторыхъ монарховъ Австріи. Австрійскій императоръ Францъ I хорошо сознавалъ опасность, которая грозитъ Австріи, если она удовлетворитъ притязаніямъ на самоопредѣленіе различныхъ народностей, входящихъ въ составъ ея населенія, и потому обращался къ политикѣ, обозначаемой словами: divide et impera, вноси рознь, а на этой розни строй свое владычество. Францъ I такъ объяснялъ англійскому экономисту сокровенные принципы своегоуправленія : „Мои народы, говорилъ онъ, чужды

другъ другу, но тѣмъ лучше; они не подвергаются одновременно одной и той же болѣзни. Когда во Франціи начинается лихорадка, она овладѣваетъ всѣми, а я посылаю венгровъ въ Италію, итальянцевъ въ Венгрію, и каждый стережетъ своего сосѣда. Они не понимаютъ другъ друга и другъ друга ненавидятъ. Изъ ихъ взаимныхъ антипатій рождается порядокъ и ихъ ненависть однихъ къ другимъ служитъ основаніемъ общаго мира и моего благополучія." Этвешъ ставилъ въ связь подъемъ національнаго чувства въ началѣ XIX вѣка съ завоевательной политикой Наполеона I. Этотъ послѣдній презиралъ независимость отдѣльныхъ государствъ и игнорировалъ независимость націй. Идеаломъ Наполеона была всемірная монархія, и когда онъ принималъ мѣры къ тому, чтобы достигнуть этого идеала, когда онъ организовывалъ княжество для членовъ своей династіи, онъ, конечно, совершенно не считался съ интересами отдѣльныхъ національностей. Военные успѣхи Наполеона объясняются въ значительной степени тѣмъ, что ему въ теченіе долгаго времени пришлось вести войны съ правительствами пришедшихъ въ полный упадокъ абсолютныхъ монархій, а не съ націями. Дѣятельность Наполеона началась и развивалась въ тотъ періодъ, когда націй еще не было, когда онѣ не выступали еще на сцену исторій. Но Наполеонъ постепенно сталъ зарываться все больше и больше. И тяжелый гнетъ его режима послужилъ той искрой благодаря которой въ Италіи, Германіи и въ Россіи проявилась во внѣ скрытая до того энергія національнаго чувства. Наполеонъ вызвалъ къ жизни новую силу, отъ которой онъ погибъ. Съ гибелью Наполеона и начинается новая эра въ исторіи Европы - эра національностей.

Но Этвешъ утверждаетъ, что различіе національностей, смѣшанный этнографическій составъ населенія необходимо вызываетъ ту или другую форму правленія. Этого далеко недостаточно. Нужно спросить, что же составляетъ національность? Достаточно ли только имѣть языкъ, грамматическія формы котораго отличаются отъ грамматическихъ формъ языка, на которомъ говоритъ господствующее племя, для того, чтобы у лицъ, держащихся этого отличнаго діалекта, обнаружились центробѣжныя силы? Въ Бельгіи уживаются валлоны, говорящіе на французскомъ языкѣ и фламандцы говорящіе на нѣмецкомъ языкѣ. И это обстоятельство не угрожаетъ политическому единству Бельгіи. Если Бельгіи и приходится считаться съ какою нибудь розньо, такъ это съ розньо классовой, а не національной. Въ Швейцаріи населеніе говоритъ на трехъ языкахъ: нѣмецкомъ, французскомъ и итальянскомъ. Имѣются кантоны совершенно французскіе, совершенно нѣмецкіе и со-

верженно итальянскіе. И тѣмъ не менѣе національное движеніе, стремившееся къ объединенію всѣхъ частей Аппенинскаго полуострова, на которомъ народы говорятъ по итальянски, совсѣмъ не коснулось швейцарскаго кантона Тессина, жители котораго тоже говорятъ по итальянски, такъ какъ этотъ кантонъ желаетъ оставаться членомъ Швейцарской федераціи. Въ атомъ кантонѣ существуетъ борьба соціалистовъ и не соціалистовъ, но о стремленіяхъ перейти къ Италіи ничего не слышно. Слѣдовательно одного языка недостаточно для того, чтобы національность служила элементомъ объединяющимъ или разлагающимъ государство. Необходимо что нибудь другое. Останавливаются на мысли, что необходимо еще два условія: общность историческаго прошлаго, что находитъ свое выраженіе въ историческомъ правѣ, и общность интересовъ настоящаго. При такихъ двухъ общностяхъ національный принципъ является принципомъ, такъ сказать, объединяющимъ государство. Если этой общности противорѣчитъ различіе историческихъ судебъ прошлаго и различіе интересовъ въ настоящемъ, то тогда національный принципъ является разлагающимъ элементомъ. Провѣримъ это на конкретномъ примѣрѣ. Венгрія имѣла свой, собственный сеймъ, свою систему, какъ центральнаго, такъ и мѣстнаго управленія, хотя въ то же время имѣла общаго съ Австріей главу въ лицѣ монарха изъ династіи Габсбурговъ. Сеймъ въ Венгріи, гдѣ оффиціальнымъ языкомъ считался латинскій, пользуется такой самостоятельностью, по отношенію къ заявленіямъ, дѣлаемымъ правительствомъ Австрійскаго императора, что когда та или иная мѣра кажется ему непріемлемой, онъ постановляетъ: прилагаемъ сдѣланное Вами предложеніе къ прочимъ актамъ, хранимымъ въ нашихъ архивахъ. Только въ XIX столѣтіи латинскій языкъ началъ вытѣсняться языкомъ нѣмецкимъ, и тогда венгерцы стали настаивать на введеніи мадьярскаго языка въ Венгріи. Тогда же и славяне вспомнили о различіи своихъ судебъ съ судьбами австрійскаго государства и о своемъ славянскомъ языкѣ; С л а в о н і я, Х о р в а т і я и Д а л м а ц і я вспомнили объ единствѣ своихъ судебъ въ прошломъ когда они входили въ составъ триединаго королевства, и пожелали имѣть свое собственное политическое устройство, своего собственнаго правителя Славоніи, Хорватіи и Далмаціи. И другія подчиненныя австрійскому правительству земли: В о г е м і я, С и л е з і я и М о р а в і я также вспомнили о своемъ историческомъ единствѣ и также обнаружили желаніе о возстановленіи правъ стариннаго королевства, существовавшаго добитвы при Бѣлой горѣ, когда было уничто-

жено его самостоятельное существованіе. Не отставали и Галиція, входившая нѣкогда въ составъ Р ѣ ч и П о с п о л и т о й, которая точно также начала настаивать на исторической обособленности. При такомъ положеніи дѣлъ разнообразный національный составъ населенія австрійскаго государства несомнѣнно является въ значительной степени разлагающимъ элементомъ. Въ настоящее время Австрійская имперія представляетъ собою учрежденіе, которое по его сложности публицистъ П у ф ф е н д о р ф ъ навѣрное признала бы имперіей - чудовищемъ, какъ онъ признала чудовищемъ Германо-римскую имперію. Въ настоящее время въ Австріи выдѣляются, главнымъ образомъ: двѣ національности: н ѣ м е ц к а я и м а д ь я р с к а я. Затѣмъ второстепенное значеніе, полусамостоятельность во всей Л и с л е й т а н і и признано только за галиційскими поляками. За исключеніемъ Галиціи и Цислейтаніи ни одна національность не признана въ своихъ совершенно понятныхъ стремленіяхъ устроить свой бытъ отчасти согласно своимъ культурнымъ формамъ, созданнымъ путемъ долгаго историческаго процесса, отчасти согласно особенностямъ своихъ интересовъ въ настоящее время.

Ни одни австрійскіе и нѣмецкіе писатели считаютъ національный вопросъ сильнымъ разлагающимъ факторомъ. То же дѣлаетъ и французскій писатель И п п о л и т ъ Т а с с и. Въ своемъ сочиненіи „О ф о р м а х ъ п р а в л е н і я и з а к о н а х ъ у п р а в л я ю щ и х ъ в ы б о р о м ъ э т и х ъ ф о р м ъ" разсмотрѣвъ чрезмѣрной величины территоріи онъ ставитъ національную и религіозную розни. Послѣдняя имѣетъ мѣсто тогда, когда верховная власть отождествляетъ свою миссію съ тѣмъ или инымъ вѣроученіемъ.

БИБЛИОТЕКА
ИНСТИТУТ

ИЗДАНІЯ КАССЫ ВЗАИМОПОМОЩИ

СТУДЕНТОВЪ С.-ПЕТЕРБУРГСКАГО ПОЛИТЕХНИЧЕСКАГО ИНСТИТУТА

ПОСТУПИЛИ ВЪ ПРОДАЖУ ЛЕКЦІИ,

ЧИТАННЫЯ Гг. ПРОФЕССОРАМИ и ПРЕПОДАВ. ИНСТИТУТА.

I. По экономическому отд.

	р.	к.
Проф. **И. И. Иванюковъ.** Исторія хозяйств. быта съ посл. дополн. свыше 400 стр. ц. въ переплетѣ . . .	2	65
Его-же Сельско-хозяйственная экономія стр. 152, ц. въ перепл.	1	20
Проф. **Н. А. Гредескулъ.** Общая теорія права стр. 320 ц. въ перепл. .	2	—
Его-же Процесс. право (изд. 1907 г.), стр. 120, ц.	—	50
„ **А. И. Чупровъ.** Статистика (универ. курсъ) стр. 216 ц. въ перепл. .	1	35
„ **М. М. Ковалевскій.** Американскія учрежденія стр. 133, ц.	—	85
Его-же Общее ученіе о государствѣ стр. 216, ц. въ переплетѣ	1	60
Его-же Конституціонное право стр. 200, ц. въ перепл. .	1	25
„ **Ю. С. Гамбаровъ.** Гражданск. право общая часть, стр. 411, ц. въ переплетѣ	2	50
Его-же Вещное право стр. 338, ц. въ переплетѣ	2	25
„ **В. М. Гессенъ.** Общее ученіе о государствѣ стр. 185, ц. въ перепл.	1	15
Его-же Теорія конституц. Госуд. свыше 240 стр. ц. . . .	1	65
Проф. **Д. А. Дриль.** Уголовное право 456 стр. ц. въ переплетѣ	2	50
Проф. **А. Г. Гусаковъ.** Торговое право (сух. и морское) запис. студент. по лекц. съ разр. автора, стр. 570, ц. въ переплетѣ	3	75
Его-же Торговое судопроизводство	—	30
Его-же Исторія и кодификаціи торгов. права	—	35
Преп. **В. Р. Идельсонъ.** Страховая экономія стр. 223, ц.	1	15
Его-же Страховое право стр. 113, ц.	—	85
Доц. **П. Б. Струве.** Экономія торговли, тек. изд. ц. 12 листъ (16 стр.) . . .	—	—
Его-же Экономія промышленн. тек. изд. ц. 12 листъ (16 стр.) .	—	—
Преп. **А. А. Леонтьевъ.** Крестьянское право стр. 248, ц.	1	—
Проф. **В. В. Скобельцынъ.** Курсъ физики (электричество), ц.	—	70
Преп. **А. А. Шапошниковъ.** Руководство къ практич. занятіямъ по физикѣ ц.	—	50
„ **Н. А. Шевалевъ.** Курсъ технической безопасности ц.	—	70
Изъ Гельфериха, и др. иностр. экон. Денежное обращеніе (бумажныя деньги, эмиссіонныя операціи) ц. .	2	—

II. По техническимъ отдѣленіямъ.

По Кораблестроит. отд.

	р.	к.
Проф. **К. П. Боклевскій.** Проэктир. судовъ. ч. III (кор. архитект.) текущ. изд. подъ редакц. авт. 12 к. л.	—	—
Проф. **А. А. Адамовъ.** Высшая математика ч. II въ перепл. 551 стр. ц. . .	2	80
Его-же Высшая алгебра въ перепл. 165 стр. ц.	—	95
„ **И. Бубновъ.** Теор. упруг. ч. I, 145 стр. ц.	—	75
Его-же „ „ ч. II, 288 стр. ц.	1	45
Его-же Теор. упруг. и строит. механ 146 стр. ц.	1	25
И. Н. Воскресенскій. Вспомог. судов. механиз. 310 стр. ц.	1	60
Его-же Морская технологія 218 стр. ц.	1	15
А. Н. Крыловъ. Вибрація судовъ 159 стр. ц.	—	80
И. Н. Піо-Ульскій. Проэктир. котл. 151 стр. ц.	—	80
Проф. **И. В. Мещерскій.** Курсъ Теоретическ. механ. ч. III, 201 стр. въ переплетѣ.	1	40

	р.	к.
В. М. Тренюхинъ. Приморск. сооруж. съ допол. 642 стр., въ перепл. съ атлас. ц.	3	40

По электромеханическому Отдѣленію.

Генераторы постоян. тока 168 стр. 7 черт. ц.	1	50
Теор. и разсч. трансформат. 224 стр. ц.	1	15
Сост. по Арнольду студ. Меншуткинъ и Циклинскій.		
Проф. **В. Ф. Миткевичъ.** Курсъ перемѣн. токовъ 320 стр. въ перепл. ц.	2	50
Его-же Спеціальный курсъ электр-ва 208 стр. въ перепл. ц.	1	30
Проф. **М. А. Шателенъ.** Электрич. счетчики 281 стр. ц.	1	70
Его-же Электротехника 160 стр.+19 чер. ц.	1	50
С. Н. Усатый. Сихронныя машины—4 листа (тек. изд. 12 к. лист.)	—	—

По металлургическому Отдѣленію.

Проф. **Н. С. Верещагинъ.** Курсъ завод. машинъ 696 стр. ц. въ перепл.	2	80
Его-же Молота 243 стр., въ перепл. ц.	1	60
Проф. **Ф. Ю. Левинсонъ Лессингъ.** Учен. о руд. мѣсторожд. 335 стр. въ перепл. ц.	2	60
Его-же Динамическая геологія тек. изд. 12 к. лист.	—	—
Проф. **М. А. Павловъ** Метал. стали (бессемеров. проц.) 162 стр. ц.	—	85
„ **В. Е. Грум-Гржимайло.** Металлургія стали 448 стр.+2 черт. въ переплетѣ ц.	3	80
Проф. **П. П. Федотьевъ.** Электрометаллургія 257 стр. ц.	1	60
Его-же Технич. электрохимія 404 стр. въ перепл. ц.	2	20
Проф. **А. А. Байковъ.** Метал. мѣди 352 стр. ц.	1	80
Его-же Метал. свинца и серебра—5 лист. (тек. изд.) 12 к. л.	—	—
Его-же Общая метарлургія тек. изд.	—	—
Альбрехтъ. Турбина Френсиса 48 стр.+3 черт. ц.	—	45
А. А. Лебедевъ. Газовые двигатели — 4 л. (тек. изд.) 12 к. лист.	—	—
Ф. Дрейэръ. Практ. упражн. по электрохимiи 117 стр. ц.	—	60
Ф. Дрейэръ и Л. Ротиньянцъ. Практ. упр. по физич. химiи 49 стр.	—	30

Общетехническій Отд.

	р.	к.
Проф. **И. В. Мещерскій.** Теорет. механ. ч. I, 135 стр., въ перепл. ц.	1	10
Его-же Теорет. механ. ч. II, свыше 200 стр., въ перепл., ц.	1	60
Проф. **В. В. Скобельцынъ.** Вып. I. Физика частичн. силъ и вып. II. Колебат. движеніе, 282 стр., въ переплетѣ ц.	1	85
Его-же. Вып. I ч. II. Электричество 185 стр. ц.	1	30
Его-же Вып. II ч. II. Магнетизмъ, 206 стр. ц.	1	35
Проф. **С. И. Дружининъ.** Сопротивл. матеріаловъ, свыше 320 стр. изд. 1909 г. испр. и дополн. подъ ред. проф. ц. въ переплетѣ	2	25
Его-же Дополн. къ сопрот. матер. 48 стр. ц.	—	48
„ **И. И. Ивановъ.** Курсъ аналитич. геометріи 329 стр., въ перепл. ц.	1	70
Его-же Дифферец. исчисл. ч. I; отд. II, 217 стр. ц.	—	90
Его-же Дифферец. исчисл. ч. II, 467 стр. ц.	2	—
Н. А. Рынинъ. Лекціи по начерт. геометріи (ортогонал. проэкціи) 150 стр. въ переплетѣ, ц.	1	25
„ **А. С. Ломшаковъ.** Паровые котлы ч. I, 48 стр. ц.	—	55
Его-же Паровые котлы ч. II, цѣна	1	15
Н. Н. Саввинъ. Технологія металловъ 154 стр. ц.	1	—
Его-же Механич. технологія	1	80
Проф. **І. Г. Есьманъ.** Автоматич. регулиров. турбинъ 120 стр. ц.	—	60
Его-же Лекціи по гидравликѣ ч. I, 310 стр. ц.	1	60
Его-же Лекціи по гидравликѣ ч. II, 412 стр. ц.	2	10
Проф. **И. Ф. Жеребятьевъ.** Детали машинъ 348 стр. ц.	2	—
Проф. **В. А. Кирпичевъ.** Прикладн. механ. 112 стр. ц.	—	85
Д. П. Никольскій. Профессіон. гигіена ч. I, 275 стр. ц.	1	40
Его-же Профессіон. гигіена ч. II, 253 стр. ц.	1	20
Б. Бахметьевъ. Пособ. для работъ въ гидравл. лабор. ц.	—	25

Полный каталогъ со включеніемъ всѣхъ брошюръ, дополненій къ курсамъ, чертежей и друг. изд. Кассы Взаимопомощи выдается и высылается студентамъ Политехнич. Инст. безплатно. Адресъ: Спб. Политехн. Инст. Складъ лекціи Кассы Взаимопомощи Студ. Спб. Политехн. Инст.

Тип. Ревина, Черныш. 20.

Цѣна 1 р. 60 к. въ переп.

ПАРОВ. ПЕРЕПЛ. ФРИДРИХА КАНЪ С.П.Б.